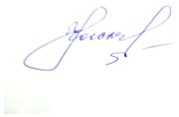
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Краснова Наталья Николаевна

Формирование прав человека в условиях социальных трансформаций и пути их реализации в современном обществе

Специальность 5.7.7. – социальная и политическая философия
(философские науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук,
профессор Ю.В. Табакаев

Горно-Алтайск – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава 1. Права человека: социокультурная взаимосвязь идей в истории и современности 18

1.1. Осмысление эволюции прав человека на основе социально-философских и философско-правовых знаний 18

1.2. Специфика западного цивилизационного подхода к человеку в праве и к правам человека 46

1.3. Особенности восточных (кастовой и конфуцианской) традиций установления места и прав человека в обществе 80

1.4. Русская цивилизационная традиция целостного понимания человека в системе общественных отношений и его правового статуса 99

Глава 2. Трансформации социально-правовых идей и реальных прав человека на разных уровнях организации современного общества 119

2.1. Системно-диалектический анализ трансформаций прав человека на пути к глобальной цивилизации 119

2.2. Трансформации прав и право-обязанных отношений людей на разных уровнях социальной организации 149

2.3. Место и роль правового образования в осознании и разрешении проблемы прав человека и право-обязанного поведения субъекта 172

Заключение 190

Список литературы 197

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена противоречивостью ускоряющихся социально-экономических преобразований глобального масштаба, сопряженных с бурно протекающими политико-правовыми процессами на рубеже XX–XXI веков [129]. Эти нарастающие социальные трансформации вызывают существенные изменения в отношениях людей – нравственных, социокультурных, экономических, социально-правовых. Последние претерпевают значительные трансформации и на территории России, особенно в последние три десятилетия в связи с коренным изменением общественно-экономического уклада жизни, переходом от социализма к иному социальному устройству. В условиях такой социальной динамики одна немногочисленная часть человечества получает максимум возможностей, а у наибольшей массы населения планеты начинают исчезать элементарные права и свободы. Данные социальные диспропорции все более остро в современных условиях ставят проблему прав и свобод человека. С социально-философских позиций данную проблему следует решать многогранно и комплексно, во взаимодействии истории и современности, с выявлением закономерностей, действующих в отмеченной социально-правовой сфере.

В более ранние эпохи человеческой цивилизации люди опирались на традиции, существовавшие веками, а позднее – на соответствовавшие им в целом социальные законы. Человек имел относительно стабильные основы существования в рамках определенной социокультурной традиции – западноевропейской, восточной (индо-китайской), российской и др. Однако бурное развитие социального и научно-технического прогресса в XIX веке и особенно в XX-XXI веках нарушило устои жизни множества людей, условия их существования. С нарастающей социальной скоростью шли неоднозначные и противоречивые процессы: осуществлялась трансформация места и роли людей в окружающем мире; часто происходил социокультурный шок от дезадаптации человека в быстро изменяющихся социальных и природных средах; в социально-правовых знаниях разрабатывались разнообразные варианты правовых концепций человека, которые вызывали не только одобрение, но и неприятие людей; возникало множество вопросов о том, что можно делать людям, а что нельзя в процессе многочисленных трансформаций прав и свобод человека.

В условиях создавшейся социально-правовой нестабильности и утраты множеством людей четкого понимания своих прав и обязанностей начался особый этап формирования и эволюции международного правосознания и права, который привел к выделению особой части правовой реальности и отрасли права – международной сферы прав человека в системе международного права на рубеже XX–XXI веков [129]. На первый взгляд, такие международно-правовые инновации позволили бы ослабить конфликты в данном правовом поле. Однако стали происходить столкновения существовавших ранее цивилизационных традиций отдельных стран и регионов. Концепты прав человека на международном уровне порождали ряд коллизий в сравнении с традиционно-правовыми системами государств и правами человека в них [127; 193]. Это определило часто не согласующиеся между собой трансформации прав человека на государственном и международном уровнях.

Еще более непростая правовая ситуация стала складываться в эпоху глобализации с конца XX века. По логике событий, преобразование человечества в единую социосферу могло бы сопровождаться унификацией содержания и статуса прав человека путем наиболее оптимального, неконфликтного глобального правопорядка, в котором каждый землянин (гражданин планеты Земля) смог бы приобрести достойные права и свободы в масштабах всего планетарного мира. Однако путь к такой трансформации прав человека на глобальном уровне оказался связан с множеством накопившихся социальных противоречий [122; 131; 193]. Поэтому и в конце первой четверти нашего столетия проблема прав человека также еще довольно далека от своего разрешения.

В процессе глобализации происходит противоречивая трансформация прав человека. *Противоречие* социально-правовых отношений сводится, прежде всего, к тому, что в современных условиях быстро разрушаются традиционные устои жизни людей в разных цивилизациях и культурах, а попытки глобальной унификации правовых отношений во множестве случаев ведут к утрате понимания человеком его социальных прав и свобод, в целом – к значительной дезориентации и разновекторности поведения людей, а это, в свою очередь, дестабилизирует все общество. Происходит разбалансировка в отношениях прав человека и требований общества, что вызывает нарастание межличностных и общественных конфликтов. Противоречивые

процессы в социально-правовой реальности, касающиеся прав человека, требуют специального социально-философского анализа и определяют постановку проблемы.

Проблему диссертации можно сформулировать следующим образом: до сих пор с позиций социальной философии по вопросам прав человека не исследованы в сравнительном аспекте цивилизационные пути развития разных правовых культур человечества (Запада, Востока, России), а также не раскрыта специфика их трансформаций в XX–XXI веках на государственном, международном и глобальном уровнях.

Степень разработанности темы. Изучению прав человека посвящена очень обширная литература по философии права, истории и теории права, конкретным юридическим вопросам, как на государственном, так и на международном уровнях. Следует отметить ряд монографий и сборников научных трудов [1].

---

[1] *Алексеев С.С.* Восхождение к праву. Поиски и решения. – М.: Норма, 2001; *Алиев А.А.* Конституционное право на объединение в системе прав и свобод человека и гражданина. – М., 2000; *Бадальянц Ю.С., Ягофаров Д.А.* Права человека: Учебное пособие. – М.; Рязань: Поверенный, 2005; *Баранов П.П.* Законность – гражданское общество – права и свободы граждан: Монография. – Ростов-н/Д., 2005; *Берлин И.* Философия свободы. Европа. – М., 2001; *Витрук Н.В.* Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008; *Глущенко П.П.* Социально-правовая защита конституционных прав и свобод граждан. (Теория и практика): Монография. – СПб.: Михайлов, 1998; *Даниленко Г.М.* Международная защита прав человека. – М.: Юрист, 2000; *Капицын В.М.* Права человека и механизмы их защиты: Учебное пособие. – М.: ИКФ «ЭКМОС», 2003; *Карташкин В.А.* Права человека: международная защита в условиях глобализации. – М.: Норма, 2009; *Лукашева Е.А.* Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. – М.: Норма, 2009; *Малевич Ю.И.* Права человека в глобальном мире. – М.: АСТ, 2004; *Меркушев В.Н.* Права человека в контексте культурных различий: сравнительный анализ современных политологических концепций. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005; *Мюллерсон Р.А.* Права человека: идеи, нормы, реальности. – М.: Юридическая литература, 1991; Наш трудный путь к праву: Материалы философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца / Сост. В.Г. Графский. – М.: Норма, 2006; Права человека и процессы глобализации современного мира / Под ред. Е.А. Лукашевой. – М.: Норма, 2005; Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / Рук. авт. колл. и отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: Норма, 2002; *Рыбаков О.Ю.* Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004; *Саидов А.Х.* Международное право прав человека: Учебное пособие. – М.: МЗ-Пресс, 2002; *Семитко А.П.* Развитие правовой культуры как правовой прогресс. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 1996; Словарь-справочник по правам человека. Основные понятия и институты / Гл. ред. С.С. Алексеев. – М.: Права человека, 2006; *Тхакахов А.М.* Обеспечение прав человека в современном мире. – СПб: Нестор–История, 2010; Универсальные и региональные системы защиты прав человека и интересов государства / Под ред. Г.И. Курдюкова. – Казань: ООО «Легранд», 2002$ *Шевцов В.С.* Права человека и государство в Российской Федерации. – М.: ООО «Профобразование», 2002.

Ряд важных аксиологических и социокультурных аспектов права и прав человека поднимается в трудах таких зарубежных мыслителей, как Платон, Аристотель, Т.Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, Г. Гуго, К.Ф. Савиньи, Г. Пухта, И.Кант, Г.Гегель, К.Маркс, Ф.Энгельс, Ф.Ницше, О. Конт, Г. Спенсер, Дж. Милль, Д.Остин, К. Бергбом, Р. Иеринг, Е. Эрлих, Р. Паунд, Б. Рассел; Дж. Реале и др. [25; 26; 29; 45; 61; 65; 104; 105; 106; 109; 155; 158; 159; 160; 197; 201; 206; 206; 213; 241].

Особое место занимают учебные пособия, написанные учеными в области философии, истории и теории права, которые, однако, наряду с учебным материалом, включают в себя ряд принципиально важных научных положений, имеющих авторский характер, а также важных для получения новых научных результатов: С.С.Алексеев, В.М.Баранов, А.Б.Венгеров, Д.А.Керимов, Е.А.Лукашева, А.В.Малько, М.Н.Марченко, Н.И.Матузов, В.С.Нерсесянц, А.С.Пиголкин, А.Ф.Черданцев и др. ученые [20; 22; 26; 38; 56; 114; 145; 147; 153; 156; 160; 176; 177; 195; 198; 200; 201].

Несомненное значение уделяется основным нормативно-правовым документам по вопросам прав человека, которые имеют международное значение и являются важной частью источниковедческой базы исследования. Это, прежде всего, ключевые международные документы по правам человека: «Всеобщая декларация прав человека», и следующие за этим основополагающие документы: «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах» и «Международный пакт о гражданских и политических правах» и другие [1; 6–9].

Также это целый ряд последующих международных нормативно-правовых документов второй половины XX – начала XXI вв.: «Воззвание Тегеранской конференции»; «Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам»; «Декларация Организации Объединенных Наций о ликвидации всех форм расовой дискриминации»; «Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования»; «Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин»; «Конвенция о рабстве»; «Конвенция об упразднении принудительного труда»; «Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами»;

«Декларация о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают»; «Всеобщая декларация о ликвидации голода и недоедания»; «Декларация о праве народов на мир»; «Декларация о праве на развитие»; «Хартия социальных прав и гарантий независимых государств» и др. [1; 9; 11].

При изучении данной источниковедческой правовой базы мы опирались на труды ученых, анализирующих нормативно-правовую базу по вопросам прав человека – В.А.Карташкина, Е.А.Лукашевой и ряда других специалистов в этой области (А.Азаров, Ю.С.Бадальянц, П.П.Баранов, Н.В.Витрук, П.П.Глущенко, И.А.Жуков, В.В. Захаренков, Д.А.Ягофаров и др.) [15; 37; 38; 59; 64; 111; 145; 146; 147; 185; 197; 299].

Однако социально-философский и социокультурный аспекты проблемы, которые, конечно же, в качестве источниковедческой базы включают в себя соответствующие тексты научно-теоретического и философско-правового характера, все же в научно-философской литературе изучены значительно меньше. Поэтому диссертационное исследование сосредоточено именно на социально-философском анализе трансформаций прав человека в истории и современности и на их сравнительном и цивилизационном анализе.

Комплексная методологическая основа исследования разрабатывалась с опорой на труды отечественных ученых – П.В. Алексеева, Р.Г.Апресяна, Т.П.Григорьевой, А.А.Гусейнова, Э.Г.Виноградая, А.В.Иванова, М.С.Кагана, Л.Н.Когана, Е.Н.Князевой, В.А.Лекторского, Э.С.Маркаряна, С.Т.Мелюхина, А.А.Печенкина, А.Я.Райбекаса, В.Н.Садовского, Т.А.Семилет, В.С.Степина, А.И.Субетто, Ю.В.Табакаева, Ю.А.Урманцева, А.Д.Урсула, Е.В.Ушаковой, А.П.Шептулина, Б.Г.Юдина, Э.Г.Юдина и др. [30; 67; 71; 92; 181; 219; 227; 246; 249; 256; 275].

Использованы труды по общим философским проблемам культуры и культуры человека. Это зарубежные авторы (Э.Агацци, Ф.Бродель, Э.Дюркгейм, Д.Жулиа, Г.Зиммель, К.Клакхон, Г.Маркузе, Э.Фромм, О.Шперглер и др.) и отечественные специалисты (П.В.Алексеев, Р.Г.Апресян, И.Л.Андреев, С.А.Арутюнов, Н.А.Бердяев, С.И.Гессен, Л.Н.Гумилев, И.А.Ильин, И.В.Киреевский, К.Л.Леонтьев, Н.О.Лосский, Э.С.Маркарян, В.С.Соловьев, С.Л.Франк, А.С.Хомяков, Н.М. Чуринов, Г.Г.Шпет и др.) [30; 31; 40; 69; 70; 95; 96; 115; 137; 208-212; 222; 256; 258; 262; 271]. Важное зна-

чение в понимании прав человека имеют знания о человеке, а также труды по социальным аспектам бытия человека. Важное значение имеют исследования таких специалистов, как Б.Г.Ананьев, И.Л.Андреев, Л.П.Буева, А.Гулыга, П.С.Гуревич, А.А.Гусейнов, Л.А.Зеленов, И.А.Ильин, В.П.Казначеев, В.А.Лекторский, А.Ф.Лосев, Б.В.Марков, Б.Г.Мещеряков, И.А.Мещерякова, Н.Н.Моисеев, В.С.Степин, А.И.Субетто, А.Д.Урсул, И.Т.Фролов и ряд др. ученых [93; 181; 183; 210; 211; 212].

Труды по исследованию общей философско-культурологической основы бытия людей в обществе позволяют глубже рассмотреть социокультурные процессы в социально-правовой сфере – в виде правовой культуры, культуры прав человека – таких специалистов, как: Е.Б.Аграновская, Р.Г. Апресян, П.К.Бок, А.И. Гусейнов, Г.К.Искакова, С.Я.Левит, О.А.Липинь, Е.А.Лукашева, В.Н.Меркушев Л.Х.Мингазов, В.П.Сальников, А.П.Семитко, Л.С.Явич и др. [30; 118; 137; 146; 161; 162; 183; 197; 217; 277; 282].

Западная социокультурная традиция развития права, идей человека в праве и прав человека от античности и до XX века представлена в трудах Аристотеля, Платона, Эпикура, А.Августина, Н.Апрели, Ф.Бэкона, Г. Гегеля, Т.Гоббса, И.Канта, Д.Локка, Ш.Монтескье, Р.Паунда, Г.Пухта, Ж.-Ж.Руссо, К.Ф.Савиньи и др. [25; 26; 29; 61; 65; 104; 105; 106; 117; 159; 182; 187; 205; 280].

При рассмотрении восточной традиции эволюции государственно-правовых отношений и понимания человека в праве в Индии и Китае использованы идеи древних философских произведений (Индийские Веды), труды древних авторов (Конфуций, Лао Цзы) и современных исследователей по данным направлениям: В.В.Бродов, М.В.Букатая, Л.С.Васильев, Е.В. Завадская, Н.А.Крашенинникова, А.А.Куценков, В.В.Малявин, Б.П.Мозолин, Т.И.Ойзерман, М.Т. Степанянц, П.В.Ульянищев и пр. [28; 44; 50; 51; 79; 80; 86; 102; 129; 140; 154; 165; 245].

Российская социокультурная традиция развития социально-правовых отношений и русские концепции права и прав человека представлены в трудах таких ученых, как Н.Н.Алексеев, В.Ю.Багдасаров, Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, И.А.Ильин, Н.Я.Данилевский, И.В.Киреевский, Н.О.Лосский, П.И.Новгородцев, Н.А.Сетницкий В.С.Соловьев, С.Л.Франк, П.А.Флоренский, А.С.Хомяков, Б.Н.Чичерин, Г.Ф.Шершеневич и др. [19; 36; 40; 48; 81; 183; 210; 212; 222; 242; 256; 262].

Трансформации прав человека исследуются на основе трудов по современным проблемам переходности и социальных трансформаций в обществе в целом и в политико-правовой сфере, в частности, прежде всего на пути глобализации общесоциальных процессов. Это работы таких специалистов, как Ю.А.Веденеев, М.Г.Делягин, А.А.Зиновьев, Л.А.Зубкевич, В.В.Лапкин, Б.В.Макогон, А.В.Марсия, Н.Н.Моисеев, Е.Н.Мощелков, А.С.Панарин, В.И.Пантин, И.А.Пфаненштиль, А.Д.Урсул, В.В.Халев, В.Ф.Шаповалов, А.Н.Чумаков, М.П.Яценко, Г.А.Ястребов и др. [16; 47; 53; 62; 63; 64; 88; 149; 204; 224; 270; 279; 287]. Переходные процессы и трансформации в философии права, теории государства и права российского социума освещены в трудах Н.Н.Алексеева, С.С.Алексеева, Е.С.Аничкина, И.Н. Бородиной, Ю.А.Веденеева, А.Б.Венгерова, Г.Н.Глиоса, О.Г.Данильяна, Э.В.Кузнецовой, М.Н.Марченко, В.С.Нерсесянца, О.В.Прокопьевой, Н.М.Римашевской, А.Х.Саидова, В.В.Сорокина, О.Н.Тарасова и др. [47; 62; 74; 91; 203; 207; 215; 216; 223; 235; 259; 267].

Актуальные аспекты развития правового образования (воспитания и обучения), правового сознания по ряду актуальных вопросов прав человека на общеобразовательном и профессиональном уровнях проанализированы на базе трудов по философии образования и философским аспектам правового образования, таких специалистов, как В.В.Бобров, Е.В.Брызгалина, Б.С.Гершунский, В.К.Егоров, В.П.Зинченко, Ф.Г.Кумбс, В.В.Миронов, Н.В.Наливайко, В.И.Паршиков, Н.С.Розов, В.А.Садовничий, О.Н.Смолин, А.И.Субетто, А.Д.Урсул и др., а также специалистов юридического профиля: С.С.Алексеев, В.А.Ардашкин, Т.В.Атаманчук, В.М.Баранов, А.Б.Венгеров, Д.А.Керимов, Е.А.Лукашева, Л.С.Мамут, А.В.Малько, М.Н.Марченко, Н.И.Матузов, В.С.Нерсесянц, А.В.Пугачев, А.П.Семитко, В.В.Сорокин, А.Ф.Черданцев и др. [120; 134; 135; 163; 167; 170; 180; 209; 224; 228; 276].

В целом изучение социально-философской, философско-правовой, научно-теоретической и специальной юридической литературы, в том числе, необходимой законодательной базы по проблеме прав человека в результате проведенного исследования, позволило реализовать общую цель и задачи, поставленные в диссертации, и получить ряд авторских результатов, которые нашли отражение в научной новизне диссертации и положениях, выносимых на защиту.

Объект диссертационного исследования: права человека в социокультурной эволюции в разных цивилизационных традициях и на разных уровнях организации современного социума. **Предмет**: формирование прав человека в условиях социальных трансформаций и пути их реализации в современном обществе.

Цель: осуществить социально-философский анализ преобразований человека в праве и прав человека при изучении цивилизационных путей Запада, Востока, России и специфики социально-правовых трансформаций на государственном, международном и глобальном уровнях современного общества.

В соответствии с целью поставлены следующие **задачи:**

– раскрыть эволюцию и проблему прав человека с позиций фундаментальных знаний – социальной философии, философии и теории права, правовой культуры;

– рассмотреть специфику западного цивилизационно-культурного подхода к пониманию человека в праве и прав человека;

– выявить отношение восточных (конфуцианской и кастовой) правовых традиций к вопросам прав человека в обществе;

– исследовать русскую традицию осмысления прав человека и путей их реализации;

– осуществить социально-философскую рефлексию современных трансформаций прав человека в контексте правовой культуры, культуры прав человека на базе категорий диалектики;

– проанализировать трансформации прав человека на разных уровнях социальной организации (государственном, международном, глобальном);

– обосновать ключевую роль правового образования по вопросам правового и право-обязанного поведения личности, как основы осознанной практики реализации прав человека в обществе.

Научная новизна диссертации сводится к следующему[2]:

1. Выделены четыре основных эволюционных этапа в возникновении и развитии проблемы прав человека, использованные затем для сравнения исторически сло-

[2] В пунктах научной новизны и положений, выносимых на защиту в квадратных скобках даются ссылки на публикации соискателя Н.Н.Красновой, помещенные в списке литературы, для подтверждения авторских идей, выявленных в тексте диссертации системой «Антиплагиат».

жившихся социокультурных систем права (Запада, Востока, России): 1) право государства; 2) человек в праве; 3) права́ человека; 4) права́ и право-обязанное, свободо-ответственное (нравственно обусловленное) поведение человека в обществе [121; 122; 125].

2. Определены достоинства и противоречия западной цивилизационно-культурной традиции реализации прав человека [122; 125], которая к середине XX века, преодолев два первые этапа, впервые определила третий этап эволюции – права́ человека – преимущественно на основе либерального рационалистического подхода.

3. Выявлена, характерная для культур Востока (Индии и Китая) традиционность подходов к человеку в праве, вплоть до XX века, соответствующая прохождению первого и второго этапов эволюции прав человека.

4. Показано наличие иной, по сравнению с Западом, концептуализации прав субъекта в российской социокультурной правовой традиции к началу XX века на базе целостного гуманистического подхода к пониманию отношений человека и общества. Здесь на основе первых двух пройденных этапов в понимании человека обосновано идея о целесообразности перехода к четвертому этапу – право-обязанному свободо-ответственному поведению человека в обществе [122; 123; 131; 193].

5. Осуществленный социально-философский анализ основных правовых культур – западной, восточной (индокитайской) и российской показал следующее. В западной цивилизации к настоящему времени пройдены первый, второй этапы и реализуется третий этап, а с середины XX века она все более активно воздействует на международное право и на другие цивилизации, трансформируя их соответствующим образом. В восточной правовой культуре к середине XX века пройдены первый и второй этапы, а далее она в значительной мере трансформируется под воздействием западного и международного права в соответствии с третьим этапом эволюции. В российской правовой культуре XIX и XX веков пройдены первый и второй этапы, через международное право с середины XX века реализуется третий этап, но также заложены концептуальные основы четвертого этапа (в советский период), хотя в практике правовых отношений начала нашего века они пока не реализованы. В целом в начале XXI века в проблеме прав человека под воздействием западной цивилизации и на международном уровне развивается третий эволюционный этап, а под

воздействием российской правовой культуры формируется идеология четвертого этапа.

6. Обосновано различие парциального и холистического подходов к проблемам прав человека в современном обществе: обособленный парциальный подход – только права́ человека; холистический подход – комплексное право-обязанное поведение человека.

7. Прослежено преобладание трансформаций прав человека по либеральному пути (третий этап эволюции) при переходе от государственного к международному и глобальному уровням организации современного общества, а также целесообразность выхода на четвертый этап эволюции, с достижением баланса прав и обязанностей, свободы и ответственности в осознанном поведении личности. Доказана безусловная значимость правового образования для формирования сбалансированного правосознания личности, при котором человек понимает собственные права́, а также меру своих прав и обязанностей, свободы и ответственности в современном усложняющемся и глобализирующемся обществе [122; 125; 129].

Теоретическая и практическая значимость проведенного исследования**.**

Теоретическая значимость диссертации заключается в следующем. Выделены этапы возникновения и развития проблемы прав человека, вплоть до настоящего времени, на основе которых появляются дополнительные возможности компаративистского анализа разнообразных проблем прав и право-обязанного поведения человека. Осуществлено социокультурное, аксиологическое и праксиологическое обоснование ряда социально-правовых достижений и проблем в разных цивилизациях (Запада, Востока, России), а также возникающих проблем на разных уровнях организации социума – государственном, международном и глобальном.

Практическая значимость исследования. Предложены рекомендации по более полному обеспечению прав человека в условиях современного российского общества. Разработана авторская программа специального курса «Трансформация проблем прав человека в истории и современности». Полученные результаты могут быть включены в отдельные темы учебных курсов по философии, социальной философии и для разработки соответствующих учебно-методических рекомендаций (темы: пра-

вовая сфера общества, правовое сознание), по философии права, истории и теории права (по социокультурным аспектам проблемы прав человека).

Методология и методы исследования. Методологическая основа диссертации представлена диалектической и системно-философской методологией (Г.Гегель, К.Маркс, Ф.Энгельс, Б.М.Кедров, Э.Ласло, Б.Г.Юдин, В.Н.Садовский и др.). Диалектическая методология определила развитие в гуманитарных науках и в социальной философии исследовательских принципов и методов: принципов развития, взаимодействия противоположностей, при социально-философском анализе – единства теории и практики в сферах философии права, теории права, концептов прав человека, с использованием цивилизационного подхода и метода взаимосвязи исторического и логического. Системно-философская методология определяет соответствующие подходы, принципы, методы в современной науке. Это использованные в диссертации системный подход, структурно-организационный и системно-структурный анализ систем, принципы целостности, культуросообразности, парциальности, холизма. Также в диссертации использованы научно-философские методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, аналогии, сравнения, экстраполяции, интеграции и синтеза. В целом в диссертации применен социально-философский подход к исследованию проблемы трансформации прав человека в истории и современности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Исследование эволюции положения человека в обществе позволило установить, что проблема прав человека изначально, «в зародыше», возникла в недрах права государства и затем прошла в своем развитии ряд этапов [125; 129]. Первый этап: право государства («эмбриональный» этап, на котором проблема человека находится еще в зачатке, поскольку человек еще рассматривается как объект государственного права, за исключением правителей с особым статусом). Второй этап: человек в праве (здесь проблема человека как субъекта права возникает внутри государственно-правовой системы, в совокупности его прав и обязанностей). Третий (современный) этап: права́ человека (идентификационный этап – когда возникает специальная проблема осознания прав и свобод человека, как особая отрасль права и сфера юридической практики). Четвертый (современный) этап – права́ и право-обязанное поведение

человека в обществе, разрабатываемый пока в основном концептуально [121; 125]. В разных цивилизациях данная эволюция осуществляется по-разному.

2. В западной цивилизации проблема человека в праве обозначилась уже в начале II тысячелетия (в некоторых нормах римского права), но преобладающим было право государства; с Нового времени стали активно разрабатываться либеральные идеи места человека в праве (второй этап эволюции); далее самостоятельное развитие проблемы прав и свобод человека определило третий этап эволюции – «права́ человека» (в середине XX века). Сформировалась триада, или трехмерность социально-правовых векторов и путей осмысления прав и свобод человека: 1) справедливая борьба угнетенных людей против порабощения за свои человеческие права; 2) попытки разработки единой формально-логической основы всеобщих прав и свобод человека на основе идей всеобщего равенства; 3) движение за наращивание и либерализацию прав для личностей с высоким социальным статусом. Первый и третий векторы оказались полярными, а второй – формально усредненный [121; 122]. Дисбаланс данных векторов определил ряд проблем западного социокультурного подхода к правам человека [129]. Например: формально-декларативный принцип равенства прав человека, по сути, смешивает принципиально разные позиции (первую и третью в триаде), но не разрешает существующих проблем; бесконтрольное возрастание либеральных прав личностей с особым социальным статусом приводит в итоге к противостоянию частного и государственного права в стране, к нарастанию правовых коллизий в социально-правовой сфере; права́ и свободы человека и гражданина все чаще рассматриваются в отрыве от обязанностей граждан и от ответственности человека перед обществом.

3. На Востоке, в индокитайской цивилизационной традиции в развитии социально-правовой проблемы к началу XX века пройдены два этапа – «право государства» и «человек в праве». Здесь человек (в кастовой системе Индии и, преимущественно, в конфуцианской системе Китая) традиционно наделялся совокупностью льгот, свобод, прав и обязанностей в соответствии со своим социальным положением, иерархическим статусом в обществе – кастовом, сословном. Наиболее развитой интеллектуальной основой положения человека в обществе на Востоке может служить конфуцианство, которое, однако, осталось относительно консервативным уче-

нием и не имело дальнейшего творческого развития идей в Новое время и вплоть до XX века. Реальное положение человека в обществе определялось традиционной практикой социально-правовых отношений, кастовым или сословным правом. В XX веке собственного развития восточных идей о правах человека не наблюдалось, а с середины XX века на восточную традицию практически стало воздействовать западное и международное право в виде третьего этапа «права́ человека».

4. В российской цивилизационной традиции, вплоть до XX века, также были пройдены два эволюционных этапа в отношениях человека и права, но на собственной цивилизационно-культурной основе. Русское право развивалось на традиционной основе, исходно из отношений общинного, вечевого и княжеского типа социальных отношений, с высоким уровнем самоуправления в низовых структурах общества и с патернальным, по сути, центральным управлением в обществе. С Нового времени, одновременно с развитием практики социально-правовых отношений под воздействием отечественного и западного права, концепций славянофилов и западников, в русской правовой традиции, вплоть до современности, создан ряд оригинальных концепций человека в праве. Основные идеи: обоснование атрибутивной связи права и нравственности при рассмотрении морально-правовых проблем человека; исследование роли личности в системе правовых основ общественного самоуправления; рассмотрение диалектики прав и обязанностей, свободы и ответственности правового субъекта в зависимости от его места и роли в системе социальных отношений [121; 122; 125]. Это определило разработку концептуальных основ, соответствующих четвертому этапу эволюции (право-обязанного, свободо-ответственного, нравственно обусловленного поведения человека в обществе), но еще не получило широкой реализации в практике социально-правовых отношений нашего века. Россия в настоящее время в значительной степени опирается на западное и международное право в виде третьего этапа «права́ человека», хотя имеет потенциал перехода к четвертому этапу эволюции.

5. К пониманию современных проблем прав человека на уровне государства могут быть применены два разных исследовательских подхода: парциальный, в котором права́ человека, прежде всего, рассматриваются в ракурсе личных устремлений субъекта и лишь опосредованно соотносятся с его обязанностями перед обществом,

что характерно для западного либерального подхода к правам человека; холистический, где в основе рассмотрения лежит принцип баланса, меры – свободы и ответственности, прав и обязанностей субъектов в социально-правовой системе; он характерен для российского патернального подхода и отечественных нравственно-правовых концепций поведения человека в обществе [121; 122; 131; 193]. Сопоставление основных цивилизационных подходов на базе социальной философии и компаративистики прав человека в современном обществе свидетельствует о целесообразности перехода к четвертому этапу эволюции, с изменением формулировки проблемы правового статуса субъекта в обществе в виде: проблема прав и право-обязанного поведения человека в обществе [121; 122; 131; 193].

6. Социально-философский анализ проблем человека в праве в условиях глобализации современного общества можно эффективно осуществлять, во-первых, на базе цивилизационного подхода, во-вторых, на основе взаимосвязи категорий всеобщего (глобальный уровень) – общего (международный уровень) – особенного (уровень отдельных государств) – единичного (отдельной личности, как социального субъекта). Западная концепция прав человека, официально вышедшая на международный уровень с середины XX века, перенесла в область международных и глобальных отношений не только важные социально-правовые новации и достоинства в данной сфере, но также имеющиеся в ней противоречия и недостатки. Соответственно, на международно-правовом и глобальном уровнях идет расширение проблемных векторов прав человека по западному образцу, от трехмерного к пятимерному. Это: 1) полное бесправие личности (в глобализирующемся обществе с современными видами бесправия, например, беженцев) – 2) ущемленные права угнетенных внутри государств – 3) формальное всеобщее равенство прав – 4) особые расширенные права властных сильных личностей в государстве – 5) беспредельные (абсолютизированные) права личностей в системе глобальных отношений, поднявшихся над обществом (государством) и способных пренебречь государственным правом [122]. Первый и последний векторы с крайними конфликтными отношениями формируются в условиях глобализации.

7. В практике общественных отношений, полноценная реализация идей достойного места человека в праве, прав и право-обязанного поведения человека возможна

лишь при наличии развитой государственной системы правового образования (обучения и воспитания) на двух основных уровнях: 1) общеобразовательного, общекультурного (школьного и вузовского); 2) специального правового (юридического) образования. На втором уровне подготовки для будущих профессионалов актуальным является освоение таких проблем права и прав человека, как: эволюционно-культурная; философско-правовая и теоретико-правовая; цивилизационная; морально-правовая; структурно-организационная – от личностного, государственного до международного и глобального уровней; диалектическая с применением соответствующих категорий всеобщего, общего, особенного, единичного в анализе прав человека [122], определение меры – прав и обязанностей, свободы и ответственности человека в обществе. Развитие цивилизационно-культурных проблем в новой современной концептуальной области – право прав человека – нацеливает на изучение соответствующих вопросов правовой культуры и культуры прав человека, а также правовой компаративистики в цивилизационном и структурно-организационном аспектах [130].

Степень достоверности и апробация результатов. Степень достоверности полученных результатов исследования обеспечивается обращением к анализу широкого круга социальных явлений, использованием значительного количества научной литературы, правовых источников и применением адекватных научно-философских методов познания. По результатам исследований были сделаны доклады на ряде международных, всероссийских и региональных научных конференций.

Апробация диссертации осуществлена в выступлениях на 5-и Международных и 15-и Всероссийских научно-практических конференциях. По материалам диссертации опубликовано, начиная с 2013 года, 33 научных работы, в том числе, 9 статей в журналах, реферируемых ВАК РФ, 1 статья в реферируемом журнале с индексом Скопус, 1 монография.

Структура диссертации Диссертация состоит из введения, двух глав, семи параграфов, заключения и списка литературы.

Глава 1.
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ ИДЕЙ В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

1.1. Осмысление эволюции прав человека на основе социально-философских и философско-правовых знаний

Предметом рассмотрения в данном параграфе являются общие теоретико-методологические основания диссертационного исследования, его понятийный аппарат, а также общий культурфилософский и цивилизационный анализ проблемы прав человека на основе применения метода взаимосвязи исторического и логического методов в познании. В настоящее время проблема прав человека получила широкое развитие в философии и теории права, в правоведении. В России проблему прав человека исследует ряд известных правоведов – философов, теоретиков, практиков: М.И.Абдуллаев, Е.В.Аграновская, А.Азаров, С.С.Алексеев, Ю.В.Анохин, Ю.С.Бадальянц, П.П.Баранов, Н.В.Витрук, В.М.Капицин, О.А.Липинь, В.А Карташкин, А.А.Ковалев, Е.А.Лукашева, Ю.И.Малевич, А.В.Малько, Н.И.Матузов, А.П.Мовчан, В.С.Нерсесянц, В.П.Сальников, Т.А.Сошникова, Д.А.Ягофаров и ряд других ученых [12; 14; 15; 16; 20; 27; 37; 38; 59; 110; 145; 151; 153; 160; 164; 174; 177; 179; 197-201; 220; 243; 272].

Право, в том числе и права человека, может изучаться с разных позиций: правоприменения в разнообразных юридических практиках; в теоретическом плане, например, в правотворчестве; с философских позиций – в философии права, социальной философии. Данная диссертация связана с философским познанием проблемы. Для социально-философского исследования философско-мировоззренческих, общих философско-правовых и теоретико-правовых концептуальных оснований трансформаций прав человека в очень динамичном обществе XXI века важно отметить следующее. В современном мире не только расширяются правà человека, но и постоянно в разных уголках планеты возникают опасности ущемления прав и нарастания бесправия людей, в связи с чем степень реализации прав человека считается одним из основных критериев правового состояния социума. С философских позиций, нам необходимо понять, каким образом по мере развития правовых отношений

в обществе формировалась проблема человека в праве и прав человека. В данном параграфе на базе социально-философского анализа понятийного аппарата исследуемой проблемы и рассмотрения ее социально-культурных и цивилизационных основ выявим общий эволюционный путь определения места человека в праве государства, а также прав и свобод субъекта в обществе.

С методологических позиций отметим, что исследование прав человека в усложняющейся общественной жизни требует применения всесторонних философских подходов. Это: диалектический подход – для понимания общей эволюции социальных возможностей людей; социокультурный и цивилизационный подходы – для раскрытия специфики развития прав человека в разных культурах и цивилизациях (например, Запада, Востока, России), системно-философский подход – для понимания сложных системных преобразований прав и обязанностей, свободы и ответственности личности [122, 131] в глобализирующемся социуме.

Вначале рассмотрим базовые понятия, необходимые нам для проведения исследования. Ключевым в нашей работе является понимание *права* применительно к человеку в обществе. Как известно, право всесторонне исследовалось, многократно и по-разному определялось в истории философской, философско-правовой мысли и современными учеными, праву посвящено большое количество трудов специалистов-гуманитариев в разное историческое время, а также статей в энциклопедических изданиях [21; 22; 36; 56; 62; 71; 96; 104; 105; 147; 150; 156; 159; 182; 198; 202; 238-240]. Приведем лишь основные распространенные определения данного социального феномена и уточним на этой основе собственное понимание права.

Так, в Античности и Средневековье понимание права связывали преимущественно с идеальной субстанцией. Платон понимал право, как воплощение «мира идей» в земной жизни. У Аристотеля право – воплощение «нечувственной сущности», являющейся причиной и началом всего реального. У А. Августина право – трактуется как атрибут воли Бога, в силу чего оно ведет людей по праведному пути. У Ф. Аквинского право – это совокупность целереализующих общих правил (где целью выступает Бог) [25; 28; 29; 238; 239; 240; 242].

Мыслители Нового времени исследовали сущность права, преимущественно выделяя в нем социальные основания [26; 39; 45; 65; 213]. Т.Гоббс определил право,

как общественный договор, заключаемый под властью суверена. Согласно Д.Локку, право есть сочетание естественного закона и общественного договора. У Ш.Монтескье право – система норм, вытекающих из «устройства» человеческого существа («народного духа»). В философии Ж.-Ж.Руссо право – воплощенный в гражданском законе естественный образ жизни. По И.Канту, человек – это «существо со свободной разумной волей». При рассмотрении права И.Кант отличал право от законодательства. Согласно ему: «Право есть ограничение свободы каждого условием ее согласия со свободой каждого другого, насколько это возможно по всеобщему закону...» [109, т.4, ч.2, с.232]. Г.В.Гегель назвал право объективным духом, т.е. не зависящим от воли и сознания человека. В отличие от И.Канта, Г.Гегель обозначил право, как воплощение субстанциальной свободы в виде государственно-правовых формообразований [61].

И.В.Тимошкина в результате анализа ряда первоисточников и обобщающих трудов по праву [40; 72; 81; 82; 178; 182; 211; 212; 218; 222; 258; 268], пишет: «Совершенно особенный вклад в разработку права внесли русские мыслители XIX – начала XX веков: Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, А.К.Горский, Ф.М.Достоевский, И.А.Ильин, Н.Я.Данилевский, Н.О.Лосский, Н.А.Сетницкий, В.С.Соловьев, А.В.Сухово-Кобылин, П.И.Новгородцев, П.А.Флоренский, Г.В.Флоровский, С.Л.Франк, Б.Н.Чичерин. Несмотря на определенные расхождения в видении ценностного статуса права, все они воспринимали право в качестве механизма, прежде всего, духовной организации и регуляции общества и личности, согласования человеческого образа жизни с требованиями нравственной необходимости и религиозной сущности [242, с.6-7].. Так, у Н.А.Бердяева право – «голос Божий в личности». У В.С.Соловьева право – переходная форма от идеального нравственного состояния к практике, иными словами, это «минимум морали» [211; 212].

Философским анализом права и особенностей правового регулирования, выяснением соотношения между правовыми и рационально-нравственными императивами и другими вопросами, связанными непосредственно с правовой регламентацией поведения человека в обществе, в XX – XXI веках занимались Н.Н.Алексеев, С.С.Алексеев, А.С.Ахиезер, Е.В.Глущенко, Н.Г.Диденко, А.Ф.Закомлистов,

И.А.Ильин, Д.А.Керимов, В.Н.Кудрявцев, А.В.Мицкевич, В.С.Нерсесянц, А.Ф.Черданцев и ряд др. ученых [18; 35; 95; 113; 115; 178; 211; 265].

Г.Н.Глиос пишет: «Известный специалист в области теории государства и права В.С.Нерсесянц указывает, что право – это нормативная форма выражения принципа формального равенства людей в общественных отношениях. Данный принцип и соответствующие ему форма общественного сознания, тип отношений, система норм отражают специфику права. Признание формального равенства фактически различных людей, отмечает В.С. Нерсесянц, подразумевает их свободу и независимость друг от друга; только свободные люди могут быть субъектами права, и там, где нет свободы, не может быть и права [62, с.36; цит. по 178, с.256].

О.Г.Данильян, Л.Д.Байрачная, С.И.Максимов, исследовавшие вопрос многообразия подходов к определению права, отмечают, что одни подходы могут быть более узкими, а определения более специальными, тогда как другие отличаются сущностной глубиной [75, с. 9-11]. Они указывают, что Г.Гегель считал философию права философской наукой о праве, которая имеет своим предметом идею права [61]. Согласно взглядам русского философа С.Л.Франка: «Философия права по основному традиционно типическому ее содержанию есть познание общественного идеала, уяснение того, каким должен быть благой, разумный, справедливый, «нормальный» строй общества» [258, с. 21; 130].

Также эти исследователи отмечают, что имеют место и очень лаконичные определения, как, например, у итальянского философа права Н.Боббио. Он считает, что предмет и единственная проблема философии права – это справедливость [цит. по 75, с 10]. Правовед Р.Лукич пишет: «Само понятие «философия права» легко определить исходя из уже известного понятия философии. Философия права представляет собой специальную философию – такую, предметом которой является не весь мир в целом, не все сущее как таковое, а лишь одна его часть – право. Однако, поскольку она есть философия, хотя и специальная, ей присущи все черты философии вообще или соответственно общей философии. Это означает, что ее предмет аналогичен предмету философии» [148, с.69.].

Согласно наиболее распространенным современным определениям, «*право* – это совокупность общественных идей, отражающих в концептуально-прикладной

форме правовую реальность. Право в широком смысле заключает в себе правовое знание, правопонимание, правоотношение, правотворчество, правоприменение и правовой контроль (надзирающие органы) за происходящими преобразованиями. Оно информативно, конструктивно, аксиологично, практично. Центральным звеном отношения к праву является правопонимание, от которого происходят верные действия во всех остальных областях» (Г.Н.Глиос) [62, с.22]. Осуществляя социально-философское рассмотрение права и прав человека, мы рассматриваем право, как сложный онтологический, гносеологический и социокультурный феномен, который неразрывно связан с общей организацией социума и с его ключевыми структурами управления и власти. Полагаем, что именно в таком контексте рассмотрения права, с позиций рассмотрения общества как целостной системы, состоящей из подсистем (сфер), право можно рассматривать как важную социальную подсистему, в которой и подсфера прав человека может обладать аналогичной социальной силой.

Общий анализ разных научно-философских подходов к пониманию права позволяет выделить несколько основных позиций: право в контексте основного вопроса философии (философский аспект); право, как особая значимая социальная реальность в теоретическом и прикладном аспектах; как значимый феномен в жизни человека, а также взгляд на право в виде сочетания указанных позиций.

Так, идеалистический взгляд на природу права соотносит его с идеальной субстанцией, посредством проявления которой в социально-правовых отношениях воплощается идеальная сущность человеческого и общественного бытия. Материалистическая позиция в отношении данного феномена иная. Она заключается в том, что в двойственной природе общества материальная (социально-экономическая) сфера признается первичной, ведущей, а идеальная основа – общественное сознание, духовная (идеологическая) сфера общественных отношений, к которой относится и право – вторичными. С отмеченных позиций право, как часть идеальной реальности, воплощенной в законах, в онтологическом (бытийном) аспекте зависит от базиса общества. Но мы знаем, что есть и обратные отношения – воздействие надстройки на базис. В этом аспекте право посредством реализации законов способно воздействовать на разные сферы общества, в том числе и на материально-экономические отношения (базис общества). Правовая основа жизни людей определяет согласованность

их действий и организационную стабильность общества, имеющую свою специфику в разных типах общества. Исследование права в разных онтологических аспектах с позиций основного вопроса философии заставляет нас разбирать противоречия в его идеалистическом понимании (как идеальной сущности) и материалистическом понимании (как совокупности общественных идей, производных от определенного материально-экономического строя).

Преимущество же синтетического дуализма и системно-философского подхода к праву состоит в том, что он позволяет сосредоточить внимание не на концептуальных спорах материалистов и идеалистов, а на системных закономерностях появления и развития права, правовой реальности в сложной социальной материально-идеальной (или идеально-материальной) системе. Поэтому в нашем исследовании мы придерживаемся философских позиций синтетического дуализма (Б.Спиноза, С.Франк и др.): «Синтетический, или единый дуализм, в котором полярные субстанции существуют не иначе, как в единстве, взаимодействии и взаимопереходах между собой, в самодвижении (исходные синтетические философские системы древних, философская система Спинозы, подходы к новому всеобщему синтезу в современной научной картине мира и т.п.)» [249, ч.1, с.29]. Опираемся также на современный системно-философский подход, который развивается в ряде современных трудов отечественных ученых. Это «разные авторские варианты системно-философских построений у Ю.А.Урманцева, Э.Г.Виноградая, А.И.Субетто, по сути новое системно-философское видение русской идеи В.Н.Сагатовского, авторский системно-философский вариант П.В.Алексеева и А.В.Панина, Г.А.Югая и др.)» [249, ч.1, с.123].

На основании изученного материала и собственного осмысления проблемы мы можем сказать, что «общество – это системная организация жизнедеятельности множества людей, вступающих в постоянные межличностные и социальные отношения и взаимодействия. Все социальные процессы, так или иначе, проявляются через жизнедеятельность людей в обществе. Однако люди в обществе не одинаковы по биогенетическим и социально-культурным характеристикам, различаются по социальному происхождению и положению в обществе. Разные субъекты – члены общества – наделены общими и особенными правами и обязанностями, имеют собственное цен-

ностное мнение и отношение по поводу своего места и роли в окружающем мире. Иными словами, разные люди решают отдельные вопросы относительно собственной жизнедеятельности не только с общих позиций, но и по-своему. При столкновении людей с разными интересами и взглядами по поводу одних и тех же вопросов возникают разногласия, которые затем могут быть либо согласованы и устранены, либо переходят в противоречия и конфликты» [130, с.1201-1202]. В отмеченном смысле, право выступает важнейшим организующим, стабилизирующим и развивающим концептом и фактором современного общества и международных отношений, если оно адекватно существующей социосистеме, направлено на сбалансированное саморазвитие системы и ее элементов (людей), на организацию здоровой достойной жизнедеятельности граждан страны.

В аспекте синтетического дуализма, правопонимание опирается на признание относительной равнозначности идеальной и материальной сущности права, на их постоянное взаимодействие, с возможной динамикой приоритетов в определенные периоды существования общества. Например, во времена высокого уровня религиозности общества или социальной идеологии возрастает значимость идеальной сущности права. Напротив, если в социуме имеет место явное преобладание материальных потребностей и финансово-экономических ценностей, на первый план выдвигаются материальные приоритеты, отражаемые в нормах и сущности определенного вида права (наиболее значимым при этом оказывается не концептуальное конституционное право, а прецедентное право, ситуативное, опирающееся на прецеденты конкретных правовых событий).

Но в целом синтетический дуализм не абсолютизирует вопросы первичности – вторичности двух главных сторон общественной и индивидуальной жизни. Он рассматривает их в эволюционно-исторической и современной динамике взаимодействия на базе представлений об обществе как целостной материально-духовной социальной системе, находящейся в процессе постоянного самодвижения. Кроме того, системно-философский подход к пониманию права мы считаем более привлекательным и продуктивным, поскольку он позволяет сосредоточивать внимание не на исследовании концептуальных противоречий представителей разных философских школ и направлений, а на реальных сложных системных преобразованиях общества в

истории и современности, с учетом теоретической и практической значимости получаемых результатов.

С указанных позиций право может быть исследовано как сложный онтологический (социосистемный), гносеологический, аксиологический и праксиологический феномен. Право, как *онтологический* феномен в социосистемном аспекте, предстает как сложная правовая реальность – органическая часть соответствующей социосистемы. Если право в этой системе рассматривать как совокупность идей, то оно предстает уже как *гносеологический* и *эпистемологический* феномен (как идеальный продукт философского познания и совокупность полученных знаний – философско-правовых и правовых идей, отражающих сущность и основные свойства социально-правовых отношений). Как *аксиологическая реальность*, право представляет безусловную ценность для всех членов общества, поскольку определенным образом организует их жизнедеятельность в рамках существующего социума. Как *праксиологический* феномен и социальная реальность, право выступает основой всей юридической практики: нормотворчества ученых и законодательных структур, нормоприменения – принятия законов и др. правовых документов законодательными органами; в практике соблюдения законов гражданами страны, пресечения нарушений законодательства органами правопорядка, в разнообразной практике судопроизводства и в особой практике принятия главных решений Конституционным судом.

При системно-философском рассмотрении правовой реальности, она предстает в виде неразрывной структурно-динамической, структурно-функциональной связи с политической реальностью в системе социальной власти и управления. С этих позиций право, как совокупность писаных законов, определяющих бытие общественной системы, проявляет себя как социально-структурный компонент, а политика, как общая деятельность по реализации законов страны во внутренних и внешних отношениях, выступает динамическим, функциональным компонентом. В совокупности право и политика формируют структурно-функциональный аппарат власти и управления обществом. В этом состоит их ключевая социальная роль. Это властно-управленческое ядро сложной социосистемы, прежде всего, государства. В одной из наших статей по этому поводу написано: «*Власть* – это организованная потенциальная и реальная социальная сила, обеспечивающая целенаправленное управление со-

циосистемой на разных уровнях организации социума. Исходим из того, что на уровне макросоциосистемы (государства – *Н.К.*), ее ядро, центр управления всей страной представляет собой *государственную власть*. Эта власть имеет структурно-функциональную организацию и две соответствующие стороны, органично взаимосвязанные части: *право* и *политику*. *Право* – структурный компонент власти, законодательная власть, потенциальная, целенаправленно организованная социальная энергия и сила. *Политика* – функциональный компонент власти, где потенциальная энергия преобразована в кинетическую социальную энергию действия, в направленную силу социальных процессов, действующую адекватно данному праву» [285, с.72-73]. Государственная власть, по сути, представляет центр политико-правового, точнее, право-политического управления страной. Власть оказывается действенной, когда она доходит до каждого субъекта – гражданина страны и отвечает общему балансу социосистемной жизни. Право здесь играет роль общего писаного закона страны, которому подчиняются люди, и в целом концептуально обеспечивает законодательную, исполнительную и судебную ветви власти в обществе.

Также нам следует специально обратиться к идеалистическому подходу в праве, который, как известно, включает в себя объективный идеализм и субъективный идеализм. Классическое применение объективного идеализма к праву мы встречаем у Г.Гегеля в его философии права, где все идеальное в социуме и общественные отношения выводятся из эволюции всеобщей субстанции – объективной идеи, из эволюции мирового духа. Но со второй половины XIX века развитие получает субъективный идеализм (идущий от идей Дж.Беркли, XVIII век), в разных формах – экзистенциализма, позитивизма, прагматизма, герменевтики, позитивизма и др. [26]. Этот субъективно-идеалистический подход получил развитие и в ряде правовых учений, например, в юридическом позитивизме. По сути своей, он *субъектный* (*субъективистский*). Он не связан с основными фундаментальными философскими и правовыми концепциями объективно-идеалистического, материалистического или дуалистического толка.

В первую очередь, субъективистский подход заключает в себе, прежде всего, отражение личностных потребностей субъектов к государственному праву, законодательству страны – позитивистского и прагматического толка. Основу поведения

субъекта составляют собственные личные интересы, которые человек (или группа субъектов) ставит превыше всего, невзирая на какие-либо теоретические постулаты или желания других людей. Субъективно-идеалистический подход к пониманию права и человека в праве представляется для нас важным при исследовании проблемы прав человека, поскольку здесь мнения и желания субъектов могут становиться определяющими. Это, например, желания отдельных беднейших слоев (людей, оставшихся без работы и определенного места жительства) достигнуть достойного уровня жизни любой ценой; желания субъектов получить преимущества в конкурентной борьбе; желания легализовать нетрадиционные субкультуры и многое другое. А эти желания затем могут переходить в требования – закрепить в соответствующих юридических нормах те или иные притязания субъектов, то есть придать законное основание субъективным желаниям отдельных лиц или социальных групп, воплотить их в юридических нормах, статьях законов. То есть, субъективистсткий подход в праве часто связан с желаниями и притязаниями определенных социальных субъектов, чтобы воплотить их в правовой реальности, в законодательстве в виде особых прав человека, причем, безотносительно к тому, как это повлияет на жизнедеятельность большинства населения, занимающегося созидающим трудом.

Полагаем, что такой субъективно-идеалистический (по сути, субъективистский, либеральный, эгоистично-потребительский) подход к праву и правам человека часто имеет индивидуалистическую, эгоцентрическую природу. Он может не согласовываться с потребностями, желаниями, мнениями большинства населения, в силу чего вызывать социальные противоречия, конфликты, а в законодательстве – правовые коллизии, требующие разрешения. Для нас важно, что ряд проблем субъективистского подхода к праву, как оптимального, так и неоптимального, связан с проблемой прав человека. Поэтому мы специально обращаем на него внимание.

Еще одно ключевое понятие в нашей работе – «*права́ человека*». Впервые данное понятие встречается во французской «Декларации прав человека и гражданина» (1789 г.). По содержанию оно первоначально включало основной либеральный набор гражданских и политических прав человека (свобода и равноправие, достоинство человека, право собственности, неприкосновенность личности, избирательное право и пр.). С тех пор оно прошло ряд изменений и в итоге вошло в современное междуна-

родное право. Согласно Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН от 10.12.1948 г., «*права́ человека* – это общие правила, которые обеспечивают защиту достоинства и свободы каждого отдельного человека. В совокупности они определяют правовой статус личности» [1]. В настоящее время права́ человека превратились в важный институт современного права, не только юридический, но и социальный.

А.С.Туманова и Р.В.Киселев в своей монографии разносторонне исследуют понятие «права́ человека» [243]. Обратимся к анализу данных специалистов. Они пишут, что еще «Дореволюционными русскими юристами было обосновано, что *права человека* – значимый институт правового государства, а приоритет прав человека является не только признаком и свойством правового государства, но и его первостепенной целью» [243, с.7] «Права человека трактуются как фактор устойчивого развития Российской Федерации (Лукашева), как основание для согласования правовых ценностей различных юридических культур и цивилизаций (Саидов). Ценностный аспект прав человека не менее значим, когда права выступают в виде идейной первоосновы правовой доктрины и в качестве важнейшего фактора правообразования… права человека превратились в позитивно маркированную идеологему, которая является сегодня несущим элементом политического либерализма (Куркин)» [243, с.5]. «В юридической науке права человека сопрягаются с категорией субъективных прав. Права человека именуются субъективными, т.е. индивидуальными, принадлежащими всем членам общества и каждому человеку в отдельности, дающими их носителям возможности для удовлетворения их интересов, потребностей, пользования социальными благами и др.» [243, с.23]. Однако по мере развития особой отрасли «право прав человека», «права человека из явлений субъективного порядка возвышаются до уровня объективного права» [243, с.24].

Для нашего исследования важно, чтобы определить статус рассматриваемого понятия не только в конкретно-научном, но и в философском смысле. Для этого необходимо выделить наиболее общие свойства данного социально-правового феномена. В научно-философском смысле, мы можем предложить следующее определение. *Права человека* – это философская и философско-правовая категория, необходимая для определения места и роли человека как субъекта государственно-

правовых отношений на определенном этапе их развития и для обозначения статуса личности гражданина, с присущими ей основными естественными и социальными правами и свободами.

Продолжая анализ понятийного аппарата диссертации, отметим: когда речь идет о социокультурных и цивилизационных преобразованиях правовой реальности, в том числе, права и прав человека, следует обратиться к наиболее широкому понятию культуры. Обратить особое внимание на то, что термин «культура» очень многозначен. По данным специалистов из области проблем культуры, существует несколько сот определений данного понятия, что составляет целый пласт исследовательской деятельности большого числа ученых. Но в самом общем понимании, *культура* представляет собой искусственное образование на планете, созданное совокупной деятельностью людей в историческом прошлом и в настоящее время [50; 136; 137]. Мы полагаем, что это все то лучшее, что создано людьми, составляет главную ценность их бытия, коренится в духовной жизни людей, является результатом их творчества и воплощается в духовной (идеологической) и материальной жизни общества. К социокультурным ценностям относятся разные области духовной культуры в сфере идеологических отношений, в том числе, право [59; 115; 262]. Согласно устоявшимся взглядам, возникновение государства ознаменовало скачок в развитии культуры – переход от варварства к цивилизации. В ряде случаев именно государство стало фактором становления и защиты прав и свобод человека [1] среди расширяющихся слоев населения в процессе совершенствования их материальной и духовной культуры. Соответственно, одним из достижений культуры человечества является *право*, как совокупность нормоустанавливающих идей для согласованной социосистемной жизни людей в обществе на базе законодательства.

В связи с правом формируется особый пласт культуры – *правовая культура*. Правовая культура диктует каждому члену общества принципы правового поведения, а обществу – систему правовых ценностей, идеалы, правовые нормы, обеспечивающие единство и взаимопонимание правовых институтов и организаций (А.И.Гусейнов, А.П.Семитко и др.) [71; 217]. Правовая культура тесно связана с *правосознанием* и опирается на него. Правосознание человека, в том числе, верное осознание его прав, невозможно без соответствующего *правового воспитания* и *право-*

вого образования членов общества (Е.С.Аничкин, Г.Н.Глиос, В.И. Добреньков, Н.В.Кулипанова, Е.Моисеева, В.Я.Музюкин, А.В.Пугачев, В.Н.Никитенко и др.) [62; 120; 134; 144; 167; 180; 209]. Эти вопросы специально будут рассмотрены во второй главе диссертации.

Понятие правовой культуры является более широким, нежели правосознание, поскольку оно заключает в себе идеологические и психологические аспекты правового сознания, а также юридически значимое социально-правовое поведение граждан. Иными словами, мы можем сказать, что правовая культура есть проявление правовой жизни в действиях человека образованного и воспитанного в правовом отношении.

Область общей культуры, преломляясь в сфере правовой культуры, формирует правовую культуру человека, а в ней – культуру прав человека в обществе. По нашему мнению, *культура прав человека* подразумевает, прежде всего, глубокое осознание личностью своих прав и свобод, право-обязанного поведения в обществе. Но понимание это должно осуществляться не узко утилитарно, в субъективистском аспекте, с позиций личной выгоды, а более широко, с позиций общей культуры, на основе соотношения свободы и необходимости, умного сочетания прав и обязанностей человека, с осознанием возможности расширения прав и свобод личности в неразрывной связи с повышением ее ответственности за собственные поступки перед другими людьми и обществом. Именно такого рода развитая культура прав человека позволяет ему четко осознавать, где правовая сложность его жизни обусловлена соответствующей социокультурной ситуацией и является вынужденной в данном обществе, а где происходит явное ущемление главных социальных прав человека, вплоть до погружения его в пучину бесправия и порабощения, когда необходимо отстаивать свои суверенные права.

Социально-философский анализ проблемы прав человека показывает, что это особая актуальная проблема современной теории права и юридической практики. Но появилась она не в прошлом столетии. Ей предшествует многовековой процесс становления и изменения социально-правовых отношений. Связана с развитием правосознания и самосознания населения, результатом чего является постепенное, развивающееся в истории осознание человеком себя в праве и поэтапная реализация

собственных прав. Данная проблема может исследоваться с помощью разных подходов.

Первый подход – это рассмотрение прав человека как самостоятельной современной инновационной проблемы юридического, социально-политического характера, без обращения к ее эволюционно-историческим корням. Этот подход мы можем условно обозначить как утилитарно-прикладной. Он в целом развивается в русле разнообразных позитивистских концепций. Он направлен на скорейшее эффективное решение практических вопросов установления конкретных человеческих прав, связан с узкоспециальными юридическими исследованиями и юридической практикой. Действительно, в таком ракурсе может решаться целый ряд конкретных прецедентных вопросов прав человека, но с одной особенностью – решение большинства вопросов окажется многовариантным. Приоритеты в подходах могут выстраиваться в зависимости от искусства обоснования разных позиций, без углубления в фундаментальные основания проблемы, поскольку при данном подходе они не выявляются. При этом на итоговый вердикт важное влияние могут оказывать управленческие и материально-финансовые социальные силы дискутирующих сторон.

Второй подход к проблеме – более широкий, социально-философский, цивилизационный. Он связывает формирование современных подходов к правам человека с социокультурной эволюцией и историей мысли человечества на базе философско-правового знания [112]. В своей статье мы отмечали, что он – «мировоззренческо-правовой, опирается на развитие правовой культуры. Связан с выявлением взаимосвязи исторического и логического в возникновении, историческом развитии и дальнейшем преобразовании прав человека на базе определенных социокультурных и цивилизационных традиций, а также с тем, как проявляется данная проблема в современном обществе. При этом раскрываются истоки проблемы, прослеживаются пути ее развития, возникает широкое понимание ее современного состояния. В результате формируется теоретическая основа для рассмотрения множества отдельных вопросов прав человека на базе общих методологических, аксиологических, праксиологических принципов и научно-философских путей разрешения общеправовых и конкретно-юридических вопросов прав человека» [130, с.1203]. В нашем социально-философском исследовании мы придерживаемся второго подхода, тем более, что он

значительно развит в ряде философских исследований (Ю. В.Емельянов, Б.С.Ерасов, А.В.Иванов, Н.Н.Моисеев, М.П.Мчедлов, И.А.Пфаненштиль, С.Хантигтон, А.Н.Чумаков, Ю.В.Яковец, М.П.Яценко) [83; 84; 92; 166; 204; 226; 226; 257; 270; 278; 279].

Социально-философский анализ показывает, что формы и степень реализации прав человека на каждом историческом этапе эволюции человечества изменяются, а мы добавим, и в разных социально-культурных, цивилизационных традициях, где они имеют несомненную специфику. На ранних этапах социальной эволюции, когда еще не было ни государства, ни специфического правового бытия, осуществление прав индивидов в родоплеменной организации происходило в рамках синкретических норм, регулирующих общественную жизнь и жизнь каждого человека. Но затем на разных континентах, в разных их регионах, в отличающихся природно-географических условиях развитие человечества шло неодинаково, что в итоге и сформировало многообразие культур и цивилизаций на планете. Однако цивилизационная специфика развития прав человека, несмотря на актуальность данной проблемы, исследована еще далеко недостаточно, что отмечает ряд исследователей (О.С.Звонарева, И.С.Искевич, Т.В.Кашанина, Б.А.Куркин, Л.Х.Мингазов, М.А.Супатаев, В.Е.Чиркин) [87; 112; 139; 162; 229-231; 267]. Кроме того, правоведы и философы права отмечают актуальность обращения к социально-культурному и цивилизационному подходам к праву и к правам человека, особенно при исследовании ряда проблем прав человека в условиях глобализации. По нашему мнению, это вполне согласуется с современными социально-философскими изысканиями. Б.А.Куркин и И.С.Искевич пишут: «Для современной российской правовой теории, теории прав человека характерно и разнообразие методологических подходов к изучению этого института, среди которых все больший удельный вес приобретает так называемый цивилизационный (культурологический) подход – в противовес традиционному и формационному» [139, с.105].

Мы согласны с мнением М.А.Супатаева о том, что в правоведении необходимым и эффективным является применение цивилизационно-культурного подхода к праву. Он обосновывает, что к пониманию эволюции правовых отношений целесообразно применять не только западный цивилизационный анализ (с опорой лишь на

социально-экономические критерии понимания социума и его права), но и на более широкий цивилизационный подход (Н.Я.Данилевский, О.Шпенглер, С.Хантингтон), который с конца XX века плодотворно развивается в трудах ряда современных отечественных философов [229; 230; 231]. В теории социально-правовых отношений изучение специфики социокультурного и цивилизационного развития разных социумов также дает важные результаты. Это, прежде всего, специфика западной, российской и восточной (индокитайской) цивилизаций на евразийском континенте. М.А.Супатаев отмечает, что: «всемирную историю в самом широком ее понимании можно представить как закономерное развитие в ходе культурно-духовной эволюции человечества ряда базовых крупномасштабных культурно-исторических образований человеческих цивилизаций и правовых систем, различающихся по системообразующим принципам культурного строя (а также цивилизаций-спутников, ответвлений и гибридных образований, возникших на перекрестках мощного поля соседних цивилизаций), которые в разное время проходят сходные формационные ступени... Думается, именно такого рода размежевание и взаимодействие двух подходов при изучении права – формирующегося цивилизационного подхода и формационной парадигмы могут стать реперными точками для плодотворного взаимодействия юристов, ориентированных на, казалось бы, столь различные макротеоретические установки в правоведении» [229, с.116-117].

Соглашаясь с мнением отмеченных выше ученых-правоведов, отметим, что «для разных культур и цивилизаций характерны: специфическая системная организация общества, базисная традиционная и исторически развивающаяся на ней более поздняя культура, общественно-производственная технология и пр., что в совокупности составляет образ жизни населения, закрепляемый в соответствующей социально-правовой сфере устоев и законов общества» [129]. Такие жизненные принципы объединяют население в народ и обеспечивают его единство на протяжении собственной истории, они также формируют основу правовой культуры.

При исследовании вопросов человека в праве укажем, что человек в системе права может оцениваться многозначно, при существовании в разных условиях и с разных позиций. Он может выступать при этом «и как *объект*, *предмет* (то, что познается), и как *субъект* познания (сам познающий и осмысливающий происходящее

с ним), а затем и как *субъект* практики (тот, кто целенаправленно действует, изменяя социальную жизнь).

А именно:

1) когда индивид или сообщество индивидов не имеют возможностей и прав для изменения своего социального положения в практике общественной жизни, они оказываются объектами воздействий;

2) когда мы познаем человека в целом, как абстрактную и общую часть (исходный элемент) социума, он также оказывается *объектом* познания (в целом);

3) когда познаются отдельные стороны и аспекты бытия отдельных людей, например, в правовой реальности, в праве, то человек оказывается *предметом* познания (определенной стороной, частью общего объекта);

4) поскольку именно человек в известном нам объективном мире планеты обладает свойствами познания, мышления, творчества и практически-преобразующей деятельности, создает культуру, в том числе и правовую, он является *субъектом* познания и практики» [130, с.1204].

Используя метод взаимосвязи исторического и логического познания, проследим, как осуществлялась общая эволюция отношений человека и общности в первобытнообщинном строе, поскольку именно здесь зарождаются те основы взаимодействий индивида и социума, которые затем специфически развиваются в отдельные формы правовых отношений в истории разных социальных культур, цивилизаций, государств. Н.И.Матузов и А.В.Малько, раскрывая данный вопрос со ссылкой на труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [155; т.21], указывают, что общество возникло гораздо раньше государства, где специально формируется и осмысливается право, как социально-государственный феномен. Ученые отмечают: «чтобы более полно уяснить вопрос о происхождении права, надо проанализировать те нормы бытия, которые существовали в первобытном обществе» [160]. Н.И.Матузов, А.В.Малько, М.Н.Марченко отмечают, что именно в истоках родовой общины возникли первые формы общественной жизни людей. Уже тогда появилась необходимость саморегуляции жизни, управления поведением людей в общине и в окружающем мире. В истории человечества первобытнообщинный строй, по данным современной науки, оказался самым длительным – более миллиона

лет. В этом строе сформировались такие характерные черты, как наличие примитивных орудий труда и неспособность человека без помощи общины выжить и обеспечить себя пищей, одеждой, жилищем [156; 160].

По-видимому, самое раннее, первичное разделение общности шло по естественному биосоциальному принципу стада (стаи) и вожака, когда в сложных ситуациях на первый план выдвигались наиболее сильные, смелые или опытные особи, а остальные следовали за ними. Подобная самодифференциация закреплялась в социальной организации рода и племени. Это были вожди (самые сильные и смелые), старейшины (самые мудрые) и шаманы (способные общаться с духами и высшими силами мира). Особые индивиды выделялись в обществе в силу своих выдающихся природных задатков (силы, ловкости, смекалки, общения с высшими силами и пр.), эти задатки затем в течение жизни развивались как способности и важные черты характера. В итоге формировалась племенная знать (из вождей, старейшин, шаманов), которая, по сути, представляла собой прототипы будущего социального управления – высшей политической власти, думской (совещательной и правотворческой) власти, идеологической (религиозной и пр.) власти.

Исследования ученых-правоведов в области истории государства и права утверждают, что племенная знать, обладая отмеченными преимуществами, могла не только управлять людьми, но устанавливать и требовать соблюдения правил общинной жизни [104; 105; 106; 117; 159; 160; 182; 187]. В жестких внешних природных условиях формировались протонормы общинной жизни (в том числе, в виде общинных запретов – табу), которые при низкой производительности труда в сложных внешних условиях позволяли выживать и развиваться роду, племени, народу. В родоплеменных общностях еще не существовало частной собственности на средства производства, все были в хозяйственно-экономическом отношении равны. Власть распространялась только в рамках родоплеменной общины, выражала волю рода, племени и базировалась на кровнородственных связях, опираясь на авторитет и уважение традиций членами рода. Важнейшие вопросы общинной жизнедеятельности решались как обществом в целом (родовые, племенные собрания – вече), так и его управляющим звеном – племенной знатью (вождями, старейшинами, советами старейшин, шаманами, жрецами и т.д.) [160, гл.1, 2].

К настоящему времени накопился большой объем новых исследовательских материалов, артефактов культуры, раскрывающих основы понимания реальной жизни многих этносов, народов в догосударственную эпоху существования человечества, которые проливают свет и на закономерности формирования исходных родоплеменных протоправовых отношений. Это, например, исследования таких ученых-гуманитариев (археологов, этнологов, культурологов), как В.П.Алексеев, С.А.Арутюнов, П.И.Борисковский, Ю.В.Бромлей, Г.Гачев, Л.Н.Гумилев, Р.Ф.Итс, А.И.Мартынов, Э.Тейлор, В.Н.Топоров, Н.Н.Чебоксаров, И.А.Чебоксарова, В.А.Чудинов и ряд других специалистов [17; 31; 46; 70; 108; 237; 264]. Новые знания позволяют более глубоко раскрыть механизмы общинного управления, постепенной эволюции к праву княжеского, жреческого и государственного вида.

Согласно исследованиям этнологов, правоведов, философов, в догосударственный период человек научился регулировать свое поведение, которое выражалось в таких социальных нормах, как обычаи, ритуалы, обряды. Социальные нормы первобытного общества, которые в терминах современной теории государства и права именуются мононормами, выражали единую цель общества – выжить сообща, обеспечить жизнеспособность своего народа, продолжить род, противостоять стихиям природы. Мононормы, или целостные протонормы человеческого бытия, по сути своей были универсальными, синкретичными. Они одновременно выступали как нормы организации общинной жизни, нормы нравственности, первобытной морали, проявлялись в обычаях, традициях, ритуалах, системах запрета (табу) и т.д. Мораль и право, как формы общественного сознания, имеющие между собой много общего, также зародились и существовали в тесном взаимодействии еще в общинном строе. Там они в своем первобытном виде выполняли общую социальную функцию – регулировали поведение в сообществах людей с помощью устойчивых правил согласованного поведения. Нравственность и мораль регулировались преимущественно силой общественного мнения, а протонормы – силой табу.

Исследователи (Н.И.Матузов, А.В.Малько, М.Н.Марченко, В.Н.Синюков, А.Ф.Черданцев) [153: 156; 160] отмечают, что исходные социальные нормы в догосударственный период (протонормы и жесткие запреты – табу) отличались следующими характеристиками. Протонормы: 1) регулировали отношения между людьми,

что стало отличать их от норм несоциальных [153: 160]; 2) реализовывались прежде всего в виде обычаев; 3) закреплялись в сознании и проявлялись в поведении людей, передавались в устной форме и путем подражания старшим и более опытным членам общины; 4) обеспечивались силой привычки, а также мерами убеждения (внушения) и принуждения (вплоть до изгнания из общины); 5) ведущим способом регулирования был запрет (система табу), а права и обязанности в их современном понимании еще отсутствовали; 6) нормы жизни людей в основном зависели от тех условий окружающей природы, в которых они существовали и к которым приспосабливались; 7) эти протонормы выражали интересы всех членов рода и племени [153; 160]. Тогда еще не было ни социальных норм, ни права в его современном понимании, в виде писаных законов. Но затем первобытнообщинный строй (догосударственный период) в социальной эволюции сменился классовым обществом с его политической основой – государством. Вместе с государством развивались политико-правовые отношения, в том числе, социальный институт права. С этого времени уже невозможно было существование государства без права, а права – без государства.

Согласно общепринятым взглядам, правовые нормы в государстве складывались следующим образом: «1) мононормы (табу или протонормы) перерастали в нормы обычного права, путем их санкционирования силой государства; 2) в государстве осуществлялось правотворчество, создавались писаные законы, издавались документы, содержащие свод юридических норм, актов (указы, постановления, законы и т.п.); 3) формировалось судебное право, включающее в себя конкретные решения по определенным видам случаев – прецедентам, которые затем принимались судебными органами за образцы решения вопросов, становились обязательными к исполнению и приобретали вид способов для решений других аналогичных дел» [160, гл.2. с.103].

Далее при рассмотрении темы в указанном направлении обратим внимание на многочисленные исследования социокультурной и цивилизационной эволюции человечества (Р.Г.Апресян, С.А.Арутюнов, Л.Н.Гумилев, Т.П.Григорьева, А.А.Гусейнов, И.А.Ильин, М.С.Каган, Ю.И.Колюжов, Т.А.Семилет, С.Л.Франк, Н.Н.Чебоксаров, И.А.Чебоксарова) [31; 67; 69; 70; 71; 72; 96; 104; 118; 137; 258; 264]. В трудах данных ученых показано, что в догосударственный период, а особенно в

период развития государств, в разных цивилизациях пути эволюции оказывались неоднозначными. Отмечено, что в разных природно-климатических условиях ход социальной эволюции даже на уровне общинного строя был неодинаков.

Так, в суровых внешних условиях, например, в холодном климате трудиться приходилось всем членам общины, включая ее руководителей, и с высоким напряжением. Излишков было очень немного, практически весь готовый продукт шел на жизнеобеспечение общины, поселения. Руководители в общине действовали сообразно главе семейства – заботились о всех членах общины, воспитывали, развивали их, а также защищали, особенно в сложные времена. Труд считался главной социальной ценностью, пользовался высоким уважением. Формировался общинный коллективизм. Главные вопросы общины решались сообща на общем собрании – вече. Поэтому в такой социокультурной форме организации общины господствовало вечевое право (вначале в родовых общинах, затем в княжествах, а позже – в государствах, империях патернального типа).

Напротив, в более мягких природно-климатических условиях с благодатным климатом готовый общинный продукт можно было получить с наименьшими затратами сил и в наибольшем количестве. Скапливались излишки готового продукта, значительная часть которых оказывалась в руках у племенной знати. По мере того, как племенная знать, богатела, шло закономерное осознание ею своего особого, привилегированного, высшего по сравнению с другими, социального положения. Власть стала осознаваться правящей группой не только как высокая ответственность перед общиной, но и как особая сила для присвоения излишков продукта, для накопления богатств и для дальнейшего наращивания власти, уже не коллективистского, а эгоцентричного типа, в целом противостоящей обществу.

Увеличивались различия в уровне жизни и материальных доходов между членами общины и общинной знатью. Право решения основных вопросов жизни переходило от общины (вечевого права) к узкому кругу правящих лиц (к верхушечному праву). Общинное протоправо (протонормы, табу) при этом все более переделывалось, подстраивалось под интересы общинной знати. Закономерно исчезало исходное равноправие общинного коллективизма, на смену ему приходили индивидуализм и эгоизм правящей верхушки, неравноправие общины и правящих ею лиц в пользу

последних. Для охраны себя, своей избыточной собственности, своего особого положения и права в социуме, племенная знать стала создавать группы стражей нового порядка, которые имели привилегии по сравнению с остальным населением, в силу чего усердно несли эту службу. Так эволюционно происходило расчленение социума на антагонистические части, с принципиально разными условиями существования.

В итоге уже в догосударственный период возникли предпосылки для разных путей социокультурной эволюции отдельных стран и цивилизаций. Как отмечают исследователи (В.П.Дик, А.А.Ивин, Б.Н.Кагиров, В.И.Панарин, В.И.Паршиков, А.А.Соболев, Н.М.Чуринов [78; 94; 107; 251; 271]), в развитии разных стран и культур выделились принципиально разные пути эволюции человечества [78] (как мы знаем, это отмечал и К.Маркс, выделяя не только западный путь преобразования общественно-экономических формаций, но также особый азиатский путь развития общества). С одной стороны, возникали общества, развивавшиеся без наращивания жестких классовых противоречий, внутрисоциальных конфликтов. Это *коллективистские* социумы *патерналистского* (*патернального* [94; 251; 271]) типа. Здесь, как отмечают авторы, шла последовательная социокультурная эволюция через несколько основных этапов. «Это: 1) община во главе с общинным (племенным) управлением, где все трудятся во благо социума, а выживание каждого есть условие выживания всех (на Руси – существование во благо Рода, народа); 2) княжеское и храмовое (по В.А. Чудинову) общество, где во главе стоят князья (повседневное и военное управление), мудрецы (духовное управление – волхвы и пр.), охраняющие единство и развитие своего народа; 3) патерналистское государство (царское, восточно-императорское и т.п.) как целостное нравственное управление полиэтничным народом на большой территории; 4) некапиталистическое или социалистическое, сословно-народное, духовно-единое государство; 5) возможно, в будущем, ноосферное общество» [78, с.40].

С другой стороны, ряд государств и цивилизаций (западная, ближневосточная, египетская) пошли по иному пути, с высокой остротой социально-классовых противоречий, войн и классовой борьбы, доходящей до социальных революций. Они обозначены как *индивидуалистические* общества, или общества *либерального* типа ([94; 251; 271]). В частности, это хорошо показано в марксистском учении на примере

выявления и эволюции антагонистических общественно-экономических формаций. Затем процесс конфликтного социогенеза охватил и надгосударственные уровни общественной организации. Как отмечают В.П.Дик, В.И.Панарин, В.И.Паршиков: «Это: 1) первобытное табуированное рабство (где рабы – плененные воины и обнищавшие соплеменники, потерявшие свою волшебную силу «ману» и т.п., выпадают, согласно табу, из полноправных членов общины, племени); 2) типичное рабовладельческое – физическое рабство (где индивид – говорящее орудие); 3) феодальное религиозное (психодуховное) рабство, где индивид – раб божий, с порабощением души и далее – телесной деятельности; 4) капиталистическое экономическое рабство, где индивид, раб-очий – раб фабричного производства; 5) посткапиталистическое финансовое и информационное рабство, где индивид – раб высших финансовых структур и массовых информационных технологий, бессмысленного потребления и самораспада под воздействием массовой ”культуры”» [78, с.38]. «На глобальном уровне формируется расчлененное элитарно-массовое общество – прослеживается один и тот же рабовладельческий, элитарно-массовый социогенотип, но в разных социально-исторических формах с разными видами рабства перед элитой – телесного (позднего первобытного и рабовладельческого строя), духовного (феодального строя), финансово-экономического (капитализма), информационно-кибернетического, цифрового рабства (в условиях информационного посткапитализма). В итоге социогенез по существу сужается до проблем не целого общества, а лишь его части, элиты (с изучением ее истории, теории, социологии, элитологии и т.п.), с появлением особой науки – элитологии» [78, с.39; 244].

Таким образом, исследователями показана общая цивилизационная специфика эволюции человечества по разным путям. Выявлено, что в социальной и социально-правовой эволюции сформировались два наиболее общих цивилизационных пути – либеральный (характерный для западной цивилизации) и патернальный, в наибольшей мере присущий российской и восточной цивилизациям, рассматриваемым в диссертации. Для нас в указанных закономерностях исследовательский интерес представляют цивилизационные преобразования права и прав человека.

Вначале проследим общее социокультурное преобразование человечества на пути от первобытнообщинного к государственному строю, раскрытому в ряде трудов

ученых [31; 67; 69; 70; 71; 72; 96; 104; 118; 137; 258; 264]. В связи с тем, что «данная проблематика очень обширна и представлена во множестве трудов по истории и теории правовых учений, мы обратимся лишь к результатам основных исследований на континенте Евразия» [129, с.46]. Будем опираться на идеи евразийства, в которых анализируются основные цивилизации Евразии, где сформировалось большинство самобытных развитых культур [18; 81; 92; 123; 124; 194; 250]. Некоторые исследователи выделяют такие различающиеся между собой, хотя и взаимосвязанные, культуры, как 1) западно-евразийская (западно-европейская или западная); 2) северо-евразийская (российская или русская); 3) восточно-евразийская (индо-китайская с прилегающими странами, регионами Юго-Восточной Азии); 4) переднеазиатско-евразийская (стран Передней Азии и Ближнего Востока, а также близких по культуре северо-африканских стран) [250; 123]. Также специалисты отмечают, что западно-евразийская и переднеазиатско-евразийская культуры (географически постоянно взаимодействующие в Средиземноморском бассейне), изначально связанные с развитием античного древнего мира, имеют между собой определенные общие корни происхождения (что в целом характеризует западный тип эволюции). Хотя в дальнейшем, например, по религиозному признаку, они разделились на христианский и мусульманский миры [49; 84; 87; 92; 94; 124; 139;147;166; 250]. Для нашего исследования важно, что наиболее выраженной спецификой обладают три основные формы евразийской культуры и цивилизации, в том числе, по устройству своих государственно-правовых систем: 1) западная (западно-евразийская), 2) восточная (восточно-евразийская, индокитайская), 3) российская (северо-евразийская) [250; 123]. Именно на этих цивилизациях, на специфике их правовых отношений применительно к человеку мы сосредоточим внимание в нашей диссертационной работе.

Опираясь на предыдущий материал, укажем, что эволюция западной цивилизации и ее права в целом соотносится с формированием социумов (государств) либерального типа, а эволюция российской и восточной (индокитайской) цивилизаций связана с образованием обществ патерналистского (патернального) типа (А.А.Ивин, Б.Н.Кагиров, А.А.Соболев, Т.Г.Соболева, Н.М.Чуринов) [94; 107; 251; 271]. Эта цивилизационная специфика выражается также в особенностях понимания и решения проблемы прав человека. Данные вопросы подробно исследуются нами в следующих

трех параграфах данной главы. А пока на основе социально-философского анализа общей социально-культурной и цивилизационной эволюции права и человека в праве предложим собственную типологию этапов данной эволюции. На эту типологию мы будем опираться в дальнейшем исследовании.

Изложенный выше материал позволяет сделать вывод о том, что в догосударственный период и на первых этапах развития государства и классового общества основная часть населения социума практически являлась *объектом* воздействия традиций протоправа, а затем государственного права (законов классового общества). Поэтому в истоках социокультурной эволюции исходно существовало лишь *право социальной общности*, затем – *право государства*. В первых государствах большинство населения (за исключением правящих верхов), хотя и обладало сознанием, но еще не имело правового самосознания и не могло осознавать свое место и роль в социально-правовых отношениях.

Далее следовал государственный период существования социума. В этот период формируется и закономерно преобразуется государственное право. В этот период отношения права (государства), человека в праве и прав человека закономерно изменялись. На основе проведенного социально-философского анализа нами выделены следующие этапы эволюции человека в праве и прав человека [121; 129].

Первый этап эволюции отношений человека в праве представлял собой такой исторический период, в котором большинство людей (населения) представляло собой *объект* государственно-правовых воздействий. Иными словами, первый эволюционный этап можно обозначить, как «*право государства*», где человек – лишь объект воздействия такого права, где особое место человека в праве существует пока только в возможности, потенциально – в исторической перспективе. Следовательно, данный этап следует обозначить как закономерный, необходимый, но еще «эмбриональный» период становления прав человека, лишь как будущего субъекта социально-правовых отношений. Иными словами, на первом этапе человек как правовой субъект существует лишь в *возможности* его дальнейшего проявления.

Качественно новый *второй эволюционный этап формирования прав человека* мог наступить лишь по мере развития определенного уровня социального сознания и формирования самосознания у народонаселения. В западной цивилизации это происходит в Новое время (XVII-XIX века) в процессе технических революций и развития

промышленного производства материальных благ, развития образованности населения в связи с прогрессом производительных сил общества и социальных знаний. В этих условиях и в процессе собственного саморазвития человек начинает по-новому осознавать свое место и роль в обществе. Люди все более понимают важность и необходимость отстаивания своих жизненных прав. А интеллигенция, ученые и философы того времени разрабатывают ряд концепций особых прав человека и гражданина как *субъекта* правовых отношений. Этот эволюционный этап мы можем определить как осознание места и роли человека-субъекта в государственном праве, и обозначить его как «*человек в праве*».

Новый, *третий эволюционный этап* в осознании места и роли прав человека в обществе наступает в XX веке. Концептуальное и практическое развитие преимущественно западной традиции в отношении все более глубокого осознания прав человека привело к выделению особой самостоятельной социальной и юридической проблемы – прав человека. Вначале это происходило на государственном уровне в ряде западных стран. Но затем очень быстро перешло на международный уровень (о чем специально пойдет речь во второй главе диссертации). В системе социального права, правовых отношений это связано с развитием, наряду с правом государства, особой *социально-правовой отрасли – права́ человека*. Поэтому третий эволюционный этап можно обозначить как «*права́ человека*». Здесь человек выступает уже не просто как субъект социально-правовых отношений, но и *действует* в рамках особой новой отрасли права. Эта отрасль специально посвящена решению множества конкретных вопросов – прав и свобод человека и гражданина в системе общественных отношений.

Четвертый этап в осознании места и роли человека как субъекта социально-правовых отношений связан с дальнейшим более глубоким осмыслением совокупных прав и обязанностей человека в обществе, свобод и ответственности гражданина за свои действия в усложняющейся социальной системе. Преимущественно в русле российской цивилизационной традиции осмысления права и правовых отношений как органичной части (сферы) целого – социальной системы страны (макросоциосистемы государства) развиваются идеи системного характера. Их общий смысл заключается в том, что человек, будучи разумным существом и субъектом своего общества, должен в полной мере осознавать баланс отношений элемента (человека) и

системы (общества), в совокупности его необходимых связей (обязанностей, ответственности), а также степеней собственной свободы (собственных прав и социальной свободы). В неконфликтном обществе при этом должна соблюдаться *мера* прав и обязанностей субъекта, а также *мера* его социальной свободы (по отношению к обществу) и ответственности (перед обществом), в том числе, при осознании отношений права, морали и нравственности. Данный четвертый этап можно обозначить как «*права́ и право-обязанное поведение человека*». Он отчасти воплотился в системе конституционных прав и обязанностей советского периода, но затем утратил возможность реализации с распадом страны.

В начале нашего века он существует как концептуально-правовая идея для организации сбалансированного общества с соответствующим правовым статусом субъекта, осознающего меру своих прав и обязанностей, а также свободы и ответственности в системе социально-правовых, морально-правовых и общесоциальных отношений. Б.А.Куркин и И.С.Искевич отмечают: «В отечественной литературе обращается внимание и на невозможность трактовки прав и свобод человека как высших, абсолютных ценностей, не подлежащих никаким ограничениям. Например, А.Ф.Черданцев отмечает, что права и интересы человека, гражданина фактически не ставятся выше интересов общества. Это вытекает из конституций самих правовых государств. Осуществление прав и свобод каждого отдельного человека ограничивается в первую очередь правами другого человека. Их осуществление, как сказано, например, в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, не должно нарушать права и свободы других лиц» [139, с.107].

Обобщая материал параграфа, отметим, что в нем осуществлен социально-философский анализ взаимосвязи философии и теория права по вопросам человека в праве и прав человека; определены сответствующие понятия в системе правовой культуры. Обоснована эффективность социокультурного и цивилизационного подходов при социально-философском анализе проблемы прав человека.

Исследование происхождения и эволюции проблемы прав человека и человека в праве позволило выделить два большие периода. Это догосударственный, общинный период относительно сходных социально-культурных преобразований первобытно-общинного строя, где человек объективно был частью общинной протосистемы и действовал в согласии с ее законами обычного (общинного) протоправа (в виде мо-

нонорм или протонорм, в том числе табу). Эволюция шла по пути формирования более сложных территориальных социосистем стран с их государственным устройством. Второй период – эволюции государств, специфично проявляющейся в разных цивилизациях. В этот период в связи с развитием сознания людей и ростом их правосознания происходила эволюция отношений человека в праве и прав человека. В ней можно выделить *четыре основные этапа* такого развития [121; 129]:

1) *право государства* (где права большинства людей, как объектов правового воздействия, существуют лишь в возможности их будущего развития);

2) *человек в праве* (где идет последовательное осмысление места и роли человека как субъекта в системе правовых отношений);

3) *права́ человека* (где они уже закрепляются в специальной отрасли права и юридически проявляются на этой законодательной основе);

4) *права́ и право-обязанное поведение человека* (где субъект имеет развитое правосознание, позволяющее ему определить меру собственного право-обязанного, свободо-ответственного поведения в обществе; в начале нашего века существует пока концептуально).

К проведенным выше рассуждениям в следующих параграфах данной главы мы добавим материал социально-философского анализа неоднозначных цивилизационных путей эволюции правовых отношений и человека в праве на примере цивилизаций Запада, Востока и России. Это даст нам возможность выявить и сравнить пути эволюции социальных процессов и социально-правовых культур в разных цивилизациях, что порождает в итоге неоднозначные идеи и действия по поводу реализации прав человека, совокупности его прав и обязанностей в современном обществе.

1.2. Специфика западного цивилизационного подхода к человеку в праве и к правам человека

Предметом рассмотрения в данном параграфе является западная цивилизационная традиция в развитии проблемы прав человека. С позиций системно-философского подхода, в общественной жизни люди являются элементами социальных систем разных уровней и степени общности – семьи, рода, племени, города, малого или большого государства, международного сообщества, формирующейся на наших глазах глобальной социальной системы. Как известно, человек по своей сути – существо общественное, обладающее сознанием. Он является неотъемлемой частью социальной системы, отражает в себе специфику той системы, частью которой является. Однако развитие сознания человека, в свою очередь, способно изменять социальную систему, определять особенности ее преобразования, социокультурной эволюции. Т.е., связи и взаимодействия элемента и системы, человека и общества диалектические, приводящие к взаимным изменениям как человека, так и общества.

Во все времена люди были определенным образом связаны с обществом множеством социальных отношений, взаимодействий, в которых, с одной стороны, утрачивали часть самостоятельности, но при этом приобретали защищенность социальной средой от окружающего мира, а с другой – могли проявлять определенную свободу выбора и действий в системе общественных отношений. Люди не могли существовать вне общества, а общество, накладывало на них ряд необходимых ограничений, обязанностей, уменьшая свободу их действий. Одни ограничения принимались добровольно и естественно (например, совместный труд во благо семьи, рода), другие, напротив, вызывали недовольство и сопротивление (например, система рабовладения, особенно, на закате рабовладельческого строя).

Главная закономерность бытия человека как социального существа с позиций философии и теории права заключается в том, что *в социальной системе человек (элемент данной системы, обладающий сознанием) существует как право-обязанное (или обязанно-правовое) существо*: он связан с обществом: 1) системой свобод в виде прав и 2) системой ответственности в виде обязанностей (ограничений, повинностей и пр.). Причем, человек как существо мыслящее, активное, эволюционирующее, развивающееся, в наибольшей мере, стремится именно к расширению

своих прав и свобод и в наименьшей степени – к нарастанию обязанностей и ответственности. В исследованных нами эволюционных этапах отношений человека и права (общества, государства) последовательно изменялись степени свободы людей от наименьших (на первом этапе «право государства») до все более высоких (третий этап «правà человека»). Кроме того, в разных цивилизациях этот процесс имел специфику. В общих чертах, специфику формирования западной цивилизационной правовой традиции можно представить следующим образом.

Начиная со сложных форм организации общества в виде государств, прежде всего, в Средиземноморском бассейне (от античных полисов до территориально разрастающихся целостностей) система право-обязанных отношений субъекта с обществом, изменялась при переходе от общинного существования к жизни в государстве. Вначале она регулировалась обычным правом, вышедшим из общинных норм бытия людей, передающихся из поколений в поколения. Изначально все подчинялись общинному закону, где племенная знать получала неоспариваемые преимущества, которые, однако, компенсировались реальной заботой руководства общины о своих соплеменниках, их действиями для защиты и процветания всего рода, народа. Но по мере развития социальных общностей в местах, привлекательных для человека (около торговых путей, с производством необходимых предметов жизнедеятельности, с более комфортной и защищенной средой существования и пр.), в эти места проживания стекались люди из окружающих местностей, которые вынуждены были принимать нормы жизни исходной общности, подчиняться им, в обмен на более благоприятное существование. Эти нормы для пришельцев были новыми, порой необычными. Но для ассимиляции пришельцев в этой новой общности, существующие нормы надо было осваивать и необходимо было им подчиняться. Постепенно родоплеменные, общинные отношения заменялись социально-государственными, в том числе, социально-правовыми.

Одновременное развитие цивилизации и письменности позволяло формулировать и передавать нормы жизни в расширяющейся и усложняющейся общности людей предгосударственного вида – в письменной форме. Писаные нормы приобретали вид законов, которые распространялись на все большее количество людей в расширяющейся социальной общности предгосударственных и государственных систем, от

локальных образований (полис как город-государство) до территориальных образований (государство как территория, включающая ряд городов, других поселений и участки земли между ними на более широких территориях) [173]. Эти писаные законы передавались в социосистеме или «на слух», для чего специально существовали глашатаи (для не умеющих читать или не имеющих доступ к писаным законам), или же могли быть прочитаны теми людьми, которые имели доступ к писаным законам. Совокупность писаных законов формировала законодательство первых западных государств. Позднее именно свод законов – законодательство, как совокупность писаных юридических установлений жизни, лег в основу социально-государственного управления.

Формировался особый социальный институт права, где нормы жизни создавались, фиксировались в законах и реализовывались в общественной практике. В идеале право призвано было определить удовлетворявшую всех *меру сочетания* прав и свобод, а также обязанностей и ограничений разных людей и социальных слоев данного общества. Но неоднородность разраставшихся сложных родоплеменных общин на высоких стадиях их развития (при формировании предгосударственных общностей), дававшая преимущество племенной знати, а также более низкое положение значительной части пришельцев-инородцев, входящих в состав новых общностей, приводила к реальному неравноправию людей в социальной системе.

Преимущество получали правящие и знатные социальные группы; меньше социальных прав имели остальные коренные жители; большинство пришельцев имело еще меньше прав и больше обязанностей (для получения возможности ассимилироваться в это более благополучное сообщество); захваченные же воины и пленники-инородцы, приведенные в данное сообщество, практически не имели никаких прав. Высшие слои управленцев недаром получили название *правящих*, поскольку они могли контролировать формирование писаных законов, изменять систему прав и обязанностей в свою пользу. Возможно, что сам свод законов получил название «права», исходя из возможностей получения высшими слоями именно большинства социальных прав. Правящие слои могли получать значительную выгоду в существовании, максимизируя (делая наибольшими) собственные права, одновременно минимизируя (по возможности уменьшая) свои обязанности и ответственность перед

остальным населением. С другой стороны, увеличение богатства правящих и знатных слоев в значительной мере обеспечивалось трудом людей данного общества. Соответственно, в писаных законах правящим слоям выгодно было закрепить нарастание обязанностей у подчиненных слоев тружеников. Также было выгодно узаконить бесправие определенных людей (их рабство), которые при этом переходили в собственность знатных личностей (становящихся рабовладельцами) и вообще лишались человеческих прав. Сами законодатели подчинялись верховной власти.

В итоге в ряде полисов и более крупных государств античного мира законы, призванные в идеале соблюдать равноправие, меру прав и обязанностей всех людей данного сообщества, заботу власти о своем населении, фактически превращались в писаные законы неравноправия населения и бесправия его значительной части. Равноправие стало лишь манипулятивным прикрытием фактически неравноправного законодательства. Образовался *фактический разрыв*, с одной стороны, между декларативными фразами об ответственности власти за благосостояние населения, о формальном равенстве людей, а с другой – между реальным социальным неравноправием, предельной свободой высших слоев, невысокой степенью свободы ремесленников и крестьян и рабством низших слоев, которых юридически даже не считали людьми. Иными словами, начиная с античности, в западной цивилизации сформировалась «*триада*», или трехвекторность принципиально разных социально-правовых отношений:

1) безусловные права властных сильных личностей» –

2) формальное всеобщее равенство прав –

3) «*права» угнетенных (приближенные к бесправию)* [122, с.2197].

В целом же большая часть населения государств оказывалась *объектом* социального управления на основе законодательства государства (от имени которого выступала верховная власть). Историческая практика общественных отношений в социальной эволюции, зафиксированная в истории права западного общества, также показывала, что реальная правовая жизнь людей не соответствовала ожидаемому идеалу равноправного существования людей в обществе. Рушились надежды большинства людей на лучшую жизнь, связанную с соразмерностью прав и обязанностей, что давало бы им значительную социальную свободу. Это вызывало недовольства, мно-

жество социальных конфликтов (от мелких до больших восстаний, войн), которые в итоге разрушали целые страны (государства), но при этом одновременно становились движущей силой последующего социального развития.

А теперь мы более подробно исследуем проблему отношений права, человека в праве и прав человека [125; 129] в западной цивилизационной традиции на базе принципа взаимосвязи исторического и логического. Согласно этому принципу, каким образом изменялись события в истории, так в целом развивалась и человеческая мысль, отражавшая этот процесс в идеальной субъективной форме (Ф.Энгельс) [274]. В опубликованной нами статье по теме диссертации мы указывали следующее: «Западная традиция изучения природного и социального мира, в том числе, происхождения, сущности, эволюции права является очень богатой. Она берет свое начало с античности, где появился ряд оригинальных и актуальных до настоящего времени социально-правовых идей, например, в мыслях Сократа, трудах Платона, Аристотеля, в идеях и постулатах римского права. В определенной мере эта традиция проявляется в средневековье, развивается в эпоху Возрождения. Но действительное богатство философско-правовой мысли на Западе начинается с Нового времени, достигая определенной вершины в трудах немецкой классической философии и большого разнообразия взглядов в XIX-XX веках в русле идей социологии и позитивизма. Феномен западной традиции исследован в большом количестве трудов по истории философии, истории и теории права, истории социологии и социальной философии. Труды наиболее известных мыслителей составили целые тома авторских сочинений (Платон, Аристотель, Т.Гоббс, Дж.Локк, Ж.-Ж.Руссо, И.Кант, Г.Гегель, К.Маркс и Ф.Энгельс и др.), также эти труды собраны в научно-философские сборники текстов – в философские антологии (античности, мировой философии, западной философии)» [129, с.46-47]. Кроме того, данный материал фундаментально представлен в ряде учебных изданий по истории права, политических и правовых учений (авторы и редакторы С.С.Алексеев, Р.Г.Апресян, Д.Антисери, Л.Д.Байрачная, Г.Берман, Г.А.Борисов, О.Г.Данильян, Г.Г.Демиденко, И.А.Ильин, С.Кащенко, С.И.Максимов, А.В.Малько, М.Н.Марченко, Н.И.Матузов, И.Ф.Мачин, В.С.Нерсесянц, Б.Рассел, Дж.Реале, Н.И.Синюков, А.Ф.Черданцев и ряд др. ученых) [30; 42; 75; 95; 96; 104; 105; 150; 153; 156; 160; 182; 187; 205; 206; 242; 265].

История западного мира наполнена как реальными стремлениями множества людей к освобождению, признанию требуемых прав, так и теоретическими изысканиями, идеями в этой области. В западной цивилизации развитие права, изменений места и роли человека в праве, а позднее – специально прав человека – осуществлялось вместе с эволюцией западных государств – от Античности к Средневековью, эпохам Просвещения, Нового времени и т.д., вплоть до аналогичных правовых вопросов в начале XXI века. История западной цивилизации включает по преимуществу эволюцию антагонистических формаций – от рабовладения до капитализма включительно. Она наполнена теоретическими изысканиями в этой области. «Наиболее важными историческими этапами развития права в западной социокультурной традиции, вслед за протоправом (мононормами) родоплеменного общества, являются: 1) античные формы права; 2) феодальное право, по преимуществу теологическое; 3) буржуазное право, закономерно переходящее в светскую форму; 4) современное право западного постиндустриального, информационного общества, имеющее преимущественно сциентистскую основу» [129, с.47].

Чтобы более подробно проследить данный путь социальных преобразований права, необходимо использовать подходящую для этого методологию, то есть применить к исследованию учение о наиболее общих методах познания предмета, а также о теоретических основах данных методов. Специалисты, работающие в области теории государства и права (С.С.Алексеев, Д.А.Керимов, Р.Лукич, В.С.Нерсесянц и др.) обычно называют такие традиционные методы познания истории права, как догматический, исторический, философский (метафизическо-механистический, присущий эпохе Нового времени) с помощью которых довольно эффективно можно описать изменения правовой реальности вплоть до Нового времени включительно [113; 148]. В то же время, начиная с XIX в., а далее в XX в. и в начале XXI в. стали широко применяться другие методы: диалектический, системно-философский [157; 158; 241; 248; 249; 275].

Исследователи по истории права отмечают, что социально-правовая реальность *античности* была довольно разнообразна. В разных небольших государствах (полисах) Древней Греции сформировались разные формы общественной организации, управления и права. Например, при изучении наследия Платона и Аристотеля хоро-

шо просматривается линия преобразования античных государств как в направлении более справедливого устройства жизни людей, так и в направлении нарастания социальной несправедливости.

Платон в своих трактатах «Государство», «Законы» и в диалоге «Политик» рассматривал не только идеальное государство, в основе которого лежали Благо и Справедливость, но и реальные формы государств, которые были далеки от совершенства. Это четыре основные формы: тимократия, олигархия, демократия, тирания [26]. Первой отрицательной формой государства и правления философ считал *тимократию* (власть честолюбцев), где уже накапливаются избыточные богатства, появляется тяга к роскоши. *Олигархия* (как власть немногих богатых людей) в принципе отстраняет более бедных свободных граждан полиса от власти, лишает их многих прав. *Демократия* (власть большинства) лишь усиливает и закрепляет раскол, насилие, конфликты в обществе, нарастают зависть и злоба обедневших, начинается «дележ» власти между победившим большинством. *Тирания* это, по Платону, наихудшая из форм правления, представляющая вырождение демократии. Тиран, вознесшийся на волне народа, начинает уничтожать своих врагов, вплоть до последнего: так избыток свободы приводит к рабству.

Ученик Платона – Аристотель, развивая учение о государстве, пошел дальше своего учителя. Свои идеи он изложил в трактате «Политика», написанном в конце жизни, в котором он, по сути, заложил основы античной социальной и политической философии. Аристотель выделил три основных типа государственного устройства и правления, каждый тип мог проявляться в альтернативных (правильных и неправильных) формах, которые при определенных условиях могли переходить друг в друга. Мыслитель выделил правильные (более справедливые) и неправильные (несправедливые) формы власти и государственного права, рассматривая человека как существо политическое, общественное. По его мнению, в правильных формах государства власть руководствуется общественной пользой, а в неправильных – личной выгодой [25; 26, т.1].

Так, правильными формами государств Аристотель считал монархию, аристократию и политию. *Монархия* (или царская власть) – власть одного правителя. *Аристократия* (власть высших светлых сил в обществе) – это правление немногих и

«лучших». *Полития* (как правление лучшего большинства) уже представляет интересы большинства «среднего класса», право владения оружием, способна сохранить единство общества. Но кроме того, правильные формы правления могут вырождаться, принося с собой конфликты и приходя в упадок. Так, монархия вырождается в *тиранию*, где тиран уже не заботится о благе подданных, он враг добродетели, уничтожающий общее благо. Аристократия может выродиться в *олигархию* – господство немногих алчных богатых людей. Полития способна переродиться в *демократию* как власть темного необразованного большинства, в котором могут проснуться демонические силы разрушения. По Аристотелю, гражданскими правами должны наделяться лишь высшие сословия и воины – те, которые заботятся об общем благе [29]. Также не следует забывать, что во всех этих социосистемах рабы не считались людьми.

Таким образом, еще в эпоху античности на Западе выделились социальные системы: или преимущественно патриархального (патернального, патерналистского) типа (например, монархия – власть царя, заботящегося о своем народе), или либерального типа (например, тирания, тимократия); в каждой из них выстраивались специфические формы управления и права. Первый тип получил преобладающее развитие в эпоху феодализма, а в последующей истории сформировал основы теологических концепций права или религиозного права. Второй тип получил наибольшее развитие в буржуазную эпоху, а затем сформировал основу светских (а также атеистических) концепций права. Второй (либеральный) тип государственного управления и права в античную эпоху получил свое наивысшее воплощение в государственном строе Древнего Рима. Поэтому неслучайно история западного права связана с доскональным изучением и воспроизведением в Новое время (и позднее) либерального римского частного права.

Относительная унификация общественной жизни и ее правовой основы, во многом заложившая социальный и концептуальный стержень западной правовой цивилизационной традиции, произошла в Древнем Риме на более поздних этапах его существования. Здесь были разработаны формы публичного и частного права. Но если римское *публичное* право (в наибольшей степени отражающие законы государства и его народонаселения), как отмечают Т.Г.Васильева, Д.В.Дождев, А.В.Зайков, И.В.Кудряшов, И.Б.Новицкий, О.А.Омельченко, О.М.Пашаева, И.А.Покровский,

Ч.Санфилиппо и др., со временем осталось в основном лишь историческим явлением, то римское *частное* право (в значительной мере связанное с правами личности, человека), напротив, послужило образцом и определенным догматом для последующего развития западного права [104; 105]. Применительно к изучению римского права в истории и современности, специалисты-правоведы применяют догматический подход и метод, связанный с перенесением основных догматов римского частного права в исторически более поздние правовые системы.

Так, римское частное право легло в основу развития, отчасти феодального, и особенно западного буржуазного частного права [100]. В настоящее время это римское право широко применяется в международном праве, которое в значительной мере выстраивается по западному типу, то есть, на основе западоцентризма [107], или в более узком плане – европоцентризма [49; 84; 87; 139; 226]. По этому поводу еще Ф. Энгельс писал, что «римское право является настолько классическим юридическим выражением жизненных условий и конфликтов общества, в котором господствует частная собственность, что все позднейшие законодательства не могли внести в него никаких существенных улучшений» [155, т.21, с.347].

Именно в античном Риме система юридических понятий, связанных с частным правом, получила логическое развитие. Была разработана концепция об общих принципах права, законности, а также прописаны четкие процессуальные нормы применения законов в общественной практике и судебной деятельности. Очень четко были определены правовые отношения товаровладельцев (покупатель и продавец, кредитор и должник, договор, обязательство и т.д.). Когда в средневековой Европе нормы обычного права (традиционного, неписаного, базировавшегося на обычаях) стали ослабевать, началось широкое заимствование и усвоение классического «писаного» римского права. Но особое распространение этот процесс получил в период развития буржуазного строя.

В связи с широким использованием в западной цивилизационно-правовой традиции римского права появился специальный термин – рецепция римского права. Понятие «рецепция» (от receptio – «принятие») обычно трактуется как «восстановление действия (отбор, заимствование, переработка и усвоение) того нормативного, идейно-теоретического содержания римского права, которое оказалось пригодным

для регулирования новых отношений» [175; 159; 176] на более высокой ступени общественного развития [100]. Это был сложный историко-правовой процесс заимствования на основе отбора, последующей переработки (применительно к новым условиям), усвоения и применения нормативного содержания римского права другими государствами, когда чужое право становилось своим, т.е. частью права иной, исторически более поздней социальной системы.

Но кроме усвоения эффективно действующего «старого римского» классического частного права, развивались новации в праве Нового времени. Они были связаны с закономерным усложнением и дальнейшим развитием капитализма в Европе. Учеными более широко применялся *исторический* метод в познании права в разные исторические периоды, Сравнительно-исторический подход позволял сравнивать прошлые и настоящие процессы и достижения в сфере социально-правовых отношений. По мере накопления, в течение столетий, опыта юридической практики и ее теоретического осмысления складывались западные философско-правовые системы (правовой реальности) и соответствующие социально-правовые идеи, наиболее значимыми из которых являются концепции XVII–XIX веков.

Последовательно в историческом времени формируются: теория естественного права, историческая школа права, школа позитивного права (юридический позитивизм), философия права Г.Гегеля, материалистические воззрения на право и на человека в праве в марксизме [129].

Рассмотрим лишь кратко основные идеи представителей данных учений (поскольку они широко описаны во многих источниках), а затем на основе общего анализа истории и теории права определим место и роль человека в праве в западной цивилизации. В данном изложении мы опираемся на труды по истории и теории общества, права и прав человека.

Главными представителями естественно-правовой теории XVII–XVIII веков являются Т.Гоббс, Дж.Локк, Ш.Л.Монтескье, Ж.Ж.Руссо, Ф.М.А.Вольтер. Несмотря на ряд различий, у данных мыслителей просматривается ряд общих принципиальных идей. В.Я.Неказаков, исследуя данные историко-философские вопросы эволюции права, отмечает, что каждый человек, согласно своей природе, обладает естественными, неотъемлемыми правами (право на жизнь, право на свободу и пр.). Указанные

права принадлежат людям от рождения и не могут быть отняты ни государством, ни обществом: это право человека реализовывать свои естественные права в обществе. Естественно-правовая теория нашла свое одобрение в обществе и получила свое юридическое закрепление в истории, в нормативно-правовых актах того времени. Это: 1) английская Великая Хартия Вольностей (1215 г.), 2) Петиции о праве (Англия, 1628 г.), 3) Хабеас Корпус Акт (Англия, 1679 г.), 4) Билль о правах (Великобритания, 1689 г.) [129; 104; 105; 175].

В качестве примеров концептуальных основ западного цивилизационного подхода к пониманию человека в праве и развития концепции естественных прав человека рассмотрим основные идеи Т.Гоббса и Дж.Локка, поскольку в них рассматриваются не только вопросы государства, права, но и прав человека.

Жизнедеятельность Т.Гоббса связана с периодом Английской революции середины XVII века, что повлияло на его идеи, главные из которых нашли отражение в таких его трудах, как «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского», «О гражданине» [129; 104; 105; 65; 241]. В них была обоснована авторская теория политической власти, государства и права. Философско-методологические основания теории определялись господствовавшими в то время механистическим материализмом, метафизическим методом познания, детерминизмом и деизмом.

Согласно Т.Гоббсу, мир состоит из естественных (созданных природой) и искусственных (построенных человеком) тел (вещей). Тела взаимодействуют на основе прирожденных и приобретенных качеств, подчиняются законам детерминизма. Человек тоже есть тело. Поэтому его воля, поступки, действия включаются в общую систему причин и следствий, действующих в природе и в обществе. Государство же, по убеждению Т.Гоббса, является телом искусственным, созданным людьми. Подобно человеку, государство (в лице множеств людей) создает не существующие в природе социальные вещи, предметы, общественные организации и т.д. [65; 241].

Т.Гоббс изучал природу, а также качества и страсти человека, которого он считал *разумным*, но *эгоистичным*. Согласно Т.Гоббсу, человек наделен сильными страстями естественного (природного) характера. Для такого человека характерны властолюбие, стремление к наживе и богатству, жажда чувственных удовольствий, не-

доверие, стремление к безопасности, а также любовь к славе (честолюбие). Отношения подобных людей сводятся к взаимному соперничеству, недоверию. Разгораются страсти: жажда славы, наряду с нарастающими конфликтами, раздорами, враждой, завистью и местью. Эти взаимные страсти делают людей врагами. Т.Гоббс выводит принцип межличностных отношений: «Человек человеку – волк» (homo homini lupus est). Поэтому эгоистичный человек в своих естественных порывах может находиться лишь в состоянии «войны всех против всех» (bellum omnia contra omnes) [104; 105]. Это в целом – естественное состояние человеческого рода. Противовесом может оказаться лишь страх, способный остановить разгорание указанных страстей, поскольку главные морально-психические состояния – эгоизм и индивидуализм – приводят к отталкиванию людей друг от друга [65; 239].

Эти выводы привели Т.Гоббса к пессимистичному взгляду на природу человека. Выход из такой ситуации он видел в разумной природе людей, благодаря чему они должны понять, что «война всех против всех» гибельна в принципе. Это вынуждает человека искать выход из создавшегося положения. Единственный выход – достижение взаимного рационального договора. Т.Гоббс утверждает, что *естественное право* – это *свобода* человека делать все для самосохранения; а *естественный закон* – это *запрет* делать то, что опасно для жизни людей [65; 104; 105]. Тогда приходит решение: необходимо выйти из «состояния войны всех против всех». Для этого необходимо взаимно отказаться от права на все, но при этом создать общую договорную балансирующую власть. Эта власть может быть организована путем создания искусственной общей управляющей организации. Это и есть *государство*, которое, согласно Т.Гоббсу, возникает и существует на основе договора. На указанных основаниях, Т.Гоббс формулирует *договорную теорию государства и права*. Такая «общая власть» государства должна обеспечить свободную и безопасную жизнь людей на пути к общему благу [37; 104; 105]. Государство опирается на законы, которые по Т.Гоббсу, представляют собой естественные *запреты* совершать то, что разрушает совместную договорную социальную жизнь людей. Договор правящих лиц стал основой формирующегося государства нового типа – развивающегося буржуазного строя. Если это совершилось, то множество людей, объединенное таким образом в одном лице, называется государством, по-латыни – *civitas.* Таково рождение

того великого Левиафана... которому мы... обязаны своим миром и своей защитой» [65, с. 112; 129]. В своем трактате «О гражданине» Т.Гоббс развивает логику действия страстей, среди которых особую роль играет страх. Он пишет, что именно только взаимный страх удерживает людей от безудержной погони за господством. Он объединяет людей в группы, помогая выжить в конкуренции [105].

Далее следуют выводы: 1. Люди рождаются неспособными к общественной жизни, но приобретают склонность к ней в результате воспитания (на современном языке, это социализация). 2. Гражданское общество возникает вследствие опасения одних перед другими [241, с.16; 106]. А люди как члены данного государства несут ответственность за то, что делает верховная власть на основе этого договора [37]. При этом они обязаны вследствие договора подчиняться верховной власти. Абсолютная власть нужна государству для поддержания порядка, обеспечения безопасности человека и охраны собственности. Иными словами, главная роль договорного государства – обеспечивать естественные права́ человека.

Таким образом, согласно данной концепции, государство буржуазного строя – это не естественная самоорганизация людей, способных осуществлять созидательный труд, совместное желанное улучшение жизни во имя общего блага, а искусственное политическое социальное образование, способное ограничить насилие одних над другими, общую вражду, безмерные права личностей, уравновесив их с интересами государства и в целом примиряя общество. Основа законов такого государства – запрет покушений на силу государства, а также обеспечение естественных прав человека за счет силы и законов государства.

Еще один известный английский мыслитель – Дж.Локк – главное внимание уделил таким состояниям человека, как свобода и равенство. Свои идеи ученый изложил в таких произведениях, как «Опыт о человеческом разуме», «Два трактата о правлении» [26; 205, т.3]. Дж.Локк был приверженцем конституционной монархии и правового государства. Но при этом он отвергал концепции врожденных идей и божественных прав королей. Вместо этого он сформулировал свою теорию государственного устройства, основу которой составляет естественное право и общественный договор. Согласно Дж.Локку, основные *естественные права́* человека – это свобода, равенство, неприкосновенность личности и собственности [37; 104; 158]. Единствен-

ный естественный и законный источник власти – это согласие народа, или *общественный договор*. Именно благодаря ему, устраняются взаимные конфликты и создается общество, которое способно сформировать достойную его *власть* в форме правительства. Такое правительство обязано нести ответственность перед своим народом, которым оно управляет. Главной *целью* объединения людей в государство, перехода под власть правительства является *сохранение их собственности*. Все индивиды соглашаются вместе создать единое государство, подчиняться правительству. Но они также берут на себя обязательство подчиняться решению большинства как главному и окончательному. Дж.Локк впервые обосновал взаимосвязь отношений: «личность» – «общество» – «государство» [106].

Дж.Локк уверен, что *права человека* – это отнюдь не вседозволенность. Это свобода распоряжения своей личностью и собственностью, но лишь в случае, если это не наносит ущерба свободе другого человека. Здесь в описании философом светского общества видно проявление взглядов, присущих религиозной морали [104]. Согласно Дж.Локку, государство создается людьми для того, чтобы лучше гарантировать свободу и обеспечить надежное использование своих естественных прав. Свобода – это не анархия, а гарантия от произвола, основа всех других прав человека. Ведь потеряв свободу, человек ставит под угрозу свою жизнь, благополучие, собственность. Поэтому свобода в понимании Дж.Локка предусматривает соблюдение законов природы, ставших законами общества. Он провозглашает: «Там, где нет законов, там нет и свободы» [206, с.52; 129]. Власть, в свою очередь, Власть, в свою очередь, не имеет права претендовать на *неотчуждаемые* права человека как гражданина – на его право собственности, свободу совести, свободу мыслей. Кроме того, Дж.Локк впервые сформулировал принцип разделения законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти. Обосновывал, что законодатели также должны подчиняться созданному и утвержденному закону [105; 206].

В концепции Дж.Локка мы уже видим стремление связать государство, политическую власть и закон не только с «искусственной» деятельностью людей, но и с законами природы, в силу чего сам политический институт государства предстает не только как искусственное, но и отчасти естественно-природное образование. Сделана попытка приблизиться к идее и правовой реальности всеобщего равенства всех лю-

дей в государстве, а не только к реальной завышенной свободе избранных, правящих личностей. Также ставится вопрос об ответственности правительства, олицетворяющего власть государства, перед обществом.

В целом, несмотря на разные варианты теории общественного договора Нового времени, в ней «присутствует ряд общих идей. Они заключаются в том, что человек добровольно отдает часть своей свободы публичной власти государства, но взамен получает определенные гарантии личной свободы и собственности, защищенные государственным правом, законом. Свобода превращает зависимого человека в гражданина, определяет его взаимоотношение с государством на законных основаниях. Это формирует гражданское общество, которое признает и соблюдает права человека. Государство же обязано использовать свою власть только во благо человека, общества в целом. Это, так называемое *правовое государство* – оно признает права человека, опирается на принципы разделения властей и верховенства права» [129, с.48-49; 104; 105; 206]. Но с социально-философской точки зрения, мы можем отметить определенный изъян в предложенном термине, который также очень широко используется в настоящее время в правоведении. Если с позиций формальной логики «государство» считать субъектом, то термин «правовое» оказывается предикатом, т.е. по степени общности более частным, чем термин «государство». Однако фактически эти термины по степени общности равнозначны, т.к. нет ни одного, существующего длительное время государства (за исключением революционных и др. переходных периодов), в котором бы отсутствовало право (не важно какое – от рабовладельческого до социалистического). По этой логике, все государства правовые. Но тогда в чем их качественные отличия? Исходя из этого, предикат должен нести в себе особенности такого правового государства, например, государство рабовладельческого права, государство феодального права, государство либерального права, государство патернального права, государство народно-демократического права и т.д.

Опираясь на труды исследователей права Нового времени, в своей статье мы сделали обобщение по западным социально-правовым концепциям: «Их можно обозначить как либеральные (ставящие во главу угла свободу, хотя и различающуюся по смыслам – для чего? и от чего?). В основу этих концепций ложится исходное естественное равноправие людей в государстве общественного договора. *Свобода* лично-

сти, прежде всего, мыслится как охрана собственности граждан, которая должна обеспечиваться законами правового государства и порядком жизни гражданского общества. Но при этом следует отметить также принципиальное различие ряда концепций государства и права, на примере идей Т.Гоббса и Дж.Локка. Либеральные идеи государства и права Т.Гоббса открыто показывают отличия степеней свободы разных личностей, в результате чего права народа в законах государства-Левиафана практически не учитываются. А в идеях построения государства и права Дж.Локка уже выдвигается требование равенства всех граждан государства (хотя фактически оно может быстро преобразовываться в явное преимущество прав и свобод для избранных, как у Т.Гоббса). По нашему мнению, специалисты верно определяют внутреннюю двойственность идей и практики правового государства, обосновывают неопределенность понятия правового государства (без уточнения его социальной сущности). А это, в свою очередь, несет в себе социальную возможность и опасность быстрых законодательных преобразований – от равноправия и равных свобод для всего населения – к особым правам и свободам для избранных – и к бесправию, с утратой социальной свободы у определенной части населения» [129, с.48-49].

Следующим важным историческим этапом развития социально-правовых концепций считается *развитие исторической школы права* в Германии в конце XVIII – начале XIX веков. Ее основные представители – Г.Гуго, К.Ф.Савиньи, Г.Пухта. В этом направлении философской мысли, развивавшемся в Германии, где еще были сильны традиции обычного права, сохранились черты феодального патриархального уклада, сформировались взгляды, в определенной мере оппозиционные английскому либерализму (где процесс развития капитала шел с опережением). Для этого направления характерен специфический метод познания – *метод истории права*. Посредством применения данного метода подхода, согласно мнению его основателей, современное право не может формироваться в отрыве от собственных социокультурных традиций. В процессе правотворчества необходимо обязательно учитывать историю, культуру, обычаи народов, а затем включать их в качестве ядра правовых основ жизни соответствующего общества.

Историческая школа права получила свою известность после опубликования брошюры Ф.Савиньи «О призвании нашего времени к законодательству и правове-

дению» в 1814 году [39; 206]. Ф.Савиньи обосновывал, что право, подобно языку, нравам и государственному устройству, составляет продукт народной деятельности и находится в нераздельной связи с иными ее проявлениями. Формируется правдивое, по сути, общее народное убеждение, одинаковое чувство внутренней необходимости и справедливости. Право также движется и развивается наравне с иными проявлениями народной деятельности и также подчиняется закону внутренней необходимости. По мнению Ф.Савиньи, каждый период истории есть продолжение прошедших времен и каждый период при соучастии предыдущего непроизвольно творит свой быт. Именно поэтому изучение истории является единственным верным путем к верному познанию современного состояния [104; 105].

И все же основателем исторической школы права считается Г.Гуго. Наибольшую известность получила его работа «Учебник естественного права, или философия положительного права» [27; 187; 255]. Данный мыслитель критически относился к теории естественного права, отвергая ее по ряду причин. Во-первых, он считал, что никогда не создавались искусственно, специально такие договора, поскольку государства и государственные учреждения возникали другими путями. Во-вторых, по мнению ученого, общественный договор был практически невозможен из-за того, что множество незнакомых людей не могло вступать во взаимное соглашение и договориться о вечном подчинении учреждениям, о которых они еще не могут ничего знать. Также люди не могут заранее добровольно подчиняться еще не известным людям, поскольку этого нет в их историческом опыте. В-третьих, власть и право возникали по-разному, и разум, устанавливающий закон, вряд ли играл при этом ведущую роль [104; 105]. Общий вывод, который был сделан Г.Гуго: концепция общественного договора вредна, поскольку никакая власть не способна быть прочной, если не опирается на традиции и обычное право народа, которое естественно и исторически складывалось веками.

В целом исследователи исторического изучения права в западной традиции отмечают следующие ключевые идеи этого направления. Во-первых, право представляет собой историческое явление. Оно возникает естественно, стихийно, а не устанавливается каким-либо или какой-либо волей, а развивается постепенно. Во-вторых, право по своему основному содержанию включает совокупность утвержденных (уза-

коненных) правовых обычаев, исторически сложившихся правил поведения, которые связаны с определенными юридическими последствиями. В-третьих, права человека отрицаются как самостоятельная сущность, поскольку в обычаях предшествующей сословной эпохи они еще не находили своего понимания в качестве «естественных» прав человека [104; 105; 160].

Следующим значительным этапом формирования идей «права, человека в праве и прав человека» [130] в западной цивилизационной традиции следует считать подходы, развитые в русле идеалистической немецкой классической философии. Здесь безусловную роль при рассмотрении морально-правовых проблем сыграло этическое учение И.Канта (1724-1804), его деонтологический подход к праву с позиций категорического императива, универсального нравственного закона бытия. Как отмечалось в первом параграфе данной главы, согласно И.Канту, право представляет собой «ограничение свободы одного индивида условием согласия его свободы со свободой каждого другого, насколько это возможно по всеобщему закону» [109, т.4, ч. 2; 104].

Но наибольший вклад в развитие западных идей права в этот период, как справедливо считается, внес Г.В.Ф.Гегель (1770-1831). Его труд по философскому осмыслению идей права носит соответствующее название – «Философия права» (издан в 1820 г.) [61]. Следует особо отметить, что предыдущие учения о праве, в той или иной мере, можно отнести к разным областям общесоциального знания – к правоведению, социологии, политологии, теории права и философии права, к социальной философии (поэтому они и изучаются разными науками). И только со времени Г.Гегеля формируется отдельная философская область, а затем и отрасль философского знания – *философия права*, имеющая свой объект, предмет и философскую концепцию. В этом несомненная заслуга философа Г.Гегеля. Подчеркнем, что и в современной философии права гегелевский вариант считается классическим. Это, в частности, отмечает В.С.Нерсесянц, специально посвятивший философии права Г.Гегеля отдельный труд «Философия права Гегеля: История и современность» [178].

Согласно Г.Гегелю, философия права представляет собой философскую дисциплину, которая призвана постигнуть мысли, лежащие в основе права. Это становится возможным лишь благодаря познанию сущности права. В.С.Нерсесянц указывает,

что гегелевская наука о праве «имеет своим предметом идею права – как понятие и как ее практическое осуществление» [178, с. 59]. Г.Гегель считал, что «наука о праве есть часть философии, поэтому она должна развивать из понятия идею, представляющую собой разум предмета < ... > Идея права есть свобода, и истинное ее понимание достигается лишь тогда, когда она познается в ее понимании и наличном бытии этого понятия» [61, с. 90-91]. В понимании философа, все мироздание и его саморазвитие есть самореализация (самодвижение) Абсолютной Идеи, которая проявляется, путем отрицания отрицания и закономерных взаимопереходов количества и качества. Постепенно преобразующийся Объективный дух осуществляет творение в природе и в объективных законах общества. Но с появлением и развитием человека возникает и развивается Субъективный дух, одним из важнейших проявлений которого является свобода духа. Эта свобода духа отражается в понятиях общесоциального права, описывается в терминах прав и свобод субъекта – человека в обществе.

Г.Гегель утверждает: право – «наличное бытие вообще есть наличное бытие свободной воли» [61, с.134]. По мнению философа, диалектика воли совпадает с философским построением системы права, которое мыслится как царство реализованной свободы. *Свобода* составляет *субстанцию*, а выражается она в основном определении *воли*. Речь у философа идет о развитой, разумной воле (субъективного духа), которая свободна. По мнению Г.Гегеля, свою реализацию свобода личности находит в частной собственности. Обосновывается также формальное, правовое равенство людей, в чем проявляется одна из основных идей западного цивилизационного подхода к праву и человеку в праве. А именно: *люди* изначально *равны как свободные личности*, соответственно, равны в одинаковом праве на частную собственность – *но не в размере владения собственностью* [61, с.134; 176; 178].

Г.Гегель доказывает различие между гражданским обществом и политическим государством. Под гражданским обществом он понимает конкретное буржуазное общество, т.е. по существу развивает концепцию также в русле западной цивилизационной традиции. Он пишет: «Гражданское общество создано, впрочем, лишь в современном мире, который всем определениям идеи предоставляет впервые их право» [61, с.134]. «Гражданское общество – сфера реализации особенных, частных целей и интересов отдельной личности» [61, с.162]. Гражданское общество мыслится как

опосредованная трудом система потребностей, которая покоится на господстве частной собственности и всеобщем формальном равенстве людей. «Право касается свободы – самого ценного и самого достойного в человеке, и он сам должен знать право, поскольку оно для него обязательно» [61, с.89].

Постулаты философии права, выдвинутые Г.Гегелем, вплоть до настоящего времени многими философами и правоведами признаются основополагающими [179; 185; 197]. В целом в философии Г.Гегеля термин «право» употребляется в разных значениях. Во-первых, право понимается как свобода субъекта, проявленная в "идее права". Во-вторых, право рассматривается как определенная ступень и форма свободы, что обозначается термином "особое право". В-третьих, право трактуется как закон, обозначается при этом термином "позитивное право".

Свое понимание свободы и права философ использовал для обоснования того, что рабство и крепостничество являются ненормальными, асоциальными явлениями с позиций его философии права. По Г.Гегелю, такое отчуждение личной свободы, правоспособности, моральности и религиозности субъектов несправедливо с позиций эволюции духа в социуме, а потому оно должно быть преодолено [61; 153; 160; 178]. В самой природе вещей заключается абсолютное право раба добывать себе свободу [61]. С одной стороны, Г.Гегель обосновал формальное, правовое равенство людей – как свободных личностей, имеющих частную собственность. Но с другой стороны, он постулировал различия в размере владения собственностью. Однако это неминуемо изменяет степени свободы людей в обществе, следовательно, степени их реальных прав, что в итоге дойти до крайних степеней господства – подчинения. Таким образом, и в философии права Г.Гегеля противоречие между формальными и реальными правами людей в обществе также остаются не разрешенными.

Концепция права Г.Гегеля опирается на его общую философскую объективно-идеалистическую систему, а также на диалектический метод, теоретически разработанный в виде трех законов диалектики (закон единства и борьбы противоположностей, закон взаимного перехода количественных и качественных изменений, закон отрицания отрицания) и групп парных категорий (в том числе, диалектических категорий свободы и необходимости, свободы и ответственности) [157].

Но при этом же, как ни парадоксально, при обосновании проблемы свободы и прав человека эта диалектика у Г.Гегеля оказалась мало проявленной на уровне одного и того же субъекта (или личности, или класса). Например, само гегелевское применение парных категорий диалектики требует, чтобы они анализировались на уровне одного и того же предмета (субъекта), в отношении которого осмысливаются парные категории. Так, к человеку следует одновременно применять реалии и понятия свободы и необходимости, прав и обязанностей (или в высшей форме – ответственности). Следовательно, относительно раба или крепостного следовало бы проводить рассуждения о мерах их свободы и необходимости в условиях рабовладельческого (или феодального) строя.

Однако обратим особое внимание на то, что вместо этого анализируются *разноуровневые* реальности и понятия. Например, право раба (или крепостного крестьянина) на свободу видится философом как освобождение от несправедливого насилия (осуществляемого правящим социальным классом рабовладельцев). То есть, мера свободы и прав раба (или крепостного) как субъекта не сравнивается с мерой его же социально необходимого бытия и обязанностей. Исследуется вопрос о насилии эксплуататоров (воздействия противоположного класса угнетателей) по отношению к личности из иного класса – угнетенных, в то же время, не исследуется мера свободы и ответственности, прав и обязанностей, которая должна быть присуща субъекту – личности из правящего эксплуататорского класса. Следовательно, *идет сравнение разноуровневых понятий*: личности (угнетенного) и класса (угнетателей).

С позиций соотношения диалектических категорий общего (общество в целом и его право), особенного (классов данного общества, их прав и ответственности) и единичного (прав и обязанностей отдельных людей в обществе) гегелевские рассуждения об угнетении человека можно рассматривать как соотношение особенного и единичного. Тогда встает вопрос: к какому уровню общности следует применять получаемые результаты: или к единичному (угнетенному человеку), или к особенному (к определенному классу антагонистического общества)? Вслед за этим возникают вопросы: о каком праве следует в итоге вести речь – или о правах человека, или о правах отдельного класса внутри общества, или же об общегосударственном праве? Возможно, эти вопросы еще ждут своего разрешения. Специально Г. Гегелем не рас-

сматривались и одноуровневые полярные категории, например, право и бесправие, свобода и несвобода. Возможно, это было обусловлено тем временем, в котором жил философ. Может быть, диссертант не обнаружил таких вопросов в сочинениях философа из-за недостаточного личного опыта, в связи с чем предстоит дальнейшая исследовательская работа.

Кроме того, возможно, что указанная диалектика применялась Г.Гегелем подспудно, когда подобные вопросы еще нельзя было ставить и обсуждать открыто в силу имевших место политических обстоятельств того исторического времени. Это также могло быть связано с предыдущей, уже сложившейся традицией Нового времени – уделять особое внимание именно правам и свободам человека, без привязки к правомерным обязанностям человека и адекватной ответственности личности.

Но какие бы причины этому не способствовали, в гегелевском учении философии права, правà и свободы человека рассматриваются относительно самостоятельно, как самодостаточные категории и реальности, вполне в соответствии с логикой западной традиции философствования. А поскольку философия права Г.Гегеля и в настоящее время в определенной мере служит классическим основанием для исследования значительной части философско-правовых проблем, вопросов теории государства и права, то сохраняется и определенная традиция самостоятельно-самодостаточного рассмотрения прав и свобод человека как категорий и реальностей, без адекватной связи с обязанностями и ответственностью человека. В целом такое вдение правовых основ поведения человека можно охарактеризовать как *либеральный подход к праву* в западной цивилизационной традиции.

Следующим историческим этапом рассмотрения проблемы «права, человека в праве и прав человека» [121, с.100; 129, с.40-41, 130] можно назвать учение марксизма в XIX веке, основателями которого являются К.Маркс и Ф.Энгельс. Как самостоятельная научно-философская доктрина, марксизм формируется к середине XIX века. Главные работы этих мыслителей, в которых раскрываются социально-правовые идеи: «Манифест коммунистической партии», «Нищета философии» (совместные труды), «К критике политической экономии», «Капитал» (К.Маркс), «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Анти-Дюринг» (Ф.Энгельс) [155, т. 20, 21].

Возникновение марксизма в это время оказалось определено, с одной стороны, ходом исторического развития общества и тем его этапом, на котором противоречия капиталистического в Европе строя особенно обострились. С другой стороны, к середине XIX в. были созданы экономические, социально-политические и философские учения, благодаря которым стало возможным развитие качественно нового этапа научно-философской концепции материализма в форме диалектического и исторического материализма. Данными мыслителями был применен диалектико-материалистический метод познания.

К.Маркс и Ф.Энгельс разработали особый подход к изучению государства и права, в основу которого легли: 1) учение об общественно-экономических формациях, которые закономерно сменяют друг друга в процессе исторического развития; 2) законы способа производства материальных благ, являющиеся первичными в обществе; 3) диалектико-материалистические положения о взаимосвязи базиса (первичного) и надстройки (вторичного в обществе), 4) законы классовых отношений и классовой борьбы, вплоть до социальной революции и смены общественного строя; 5) понимание права как идеальной сущности, части надстройки общества; 6) глубинная связь основ государства и права с соответствующей социально-экономической формацией; 7) идея перехода трудящихся в процессе их исторического освобождения от эксплуатации: «из царства необходимости – в царство свободы».

Исследованию трудов К.Маркса и Ф.Энгельса с позиций теории государства и права посвящены труды большого количества специалистов – отечественных и зарубежных философов и правоведов – С.С.Алексеева, Д.А.Керимова, А.В.Малько, М.Н.Марченко, Н.И.Матузова, И.Ф.Мачина, В.С.Нерсесянца, А.Ф.Черданцева и др. [20; 22; 104; 105; 114; 159; 160; 176; 177; 202; 265]. Как известно, европейская мысль XX–XXI веков разделилась по отношению к взглядам К.Маркса и Ф.Энгельса на два основных противоположных лагеря – марксистов и антимарксистов. В нашей стране, напротив, в советский период это учение всемерно поддерживалось и развивалось. А в постсоветский период отношение к нему стало более взвешенным. Выраженная апологетика учения в советский период сменилась более разносторонним и взвешенным критическим анализом марксизма. Также распространение получили полярные позиции – приверженцев марксизма и антимарксистов. Но, несмотря на разные пози-

ции по отношению к данному учению, признается его важная роль в понимании права и государства – в форме теории государства и права. Нам для диссертационного исследования важно, что в марксизме государство и право относятся к идеологическим отношениям в социуме, к надстройке общества. Вследствие этого утверждается, что преобразования в правовой жизни (в праве, законах общества) и в политической организации (прежде всего, государства) происходят в результате изменений способа производства материальных благ и базиса общества. Каждому экономическому строю общества соответствует свой тип надстроечных отношений, государства и права. К.Маркс писал в письме П.В.Анненкову: «Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов – словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества» [144, т.27, с.405].

В.И.Ленин, оценивая вклад К.Маркса и Ф.Энгельса в развитие теории, писал: «Величайшим завоеванием научной мысли явился исторический материализм Маркса. Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий, – из крепостничества, например, вырастает капитализм» [144, т. 23, с. 44].

Согласно марксизму, при смене общественно-экономических формаций, или строев общества, в направлении от первобытного строя к антагонистическим формациям – рабовладению, феодализму и капитализму наблюдается закономерная смена политико-правовой организации социальной системы. Это происходит потому, что в недрах каждого общественного строя накапливаются социальные противоречия между антагонистическими классами, усиливается классовая борьба, которая составляет источник и движущие силы социального развития. В итоге она переходит в социальную революцию и разрушает старый строй общества, как его базис, так и надстройку, в том числе, государство и право.

Марксистская теория утверждает, что в истории западной цивилизации в разных европейских государствах закономерно сменялись рабовладельческое, феодальное и буржуазное государство и право. Но все эти надстроечные формы не давали освобождения от эксплуатации человека труда и в этом смысле делали его эксплуататорским для трудящихся масс – по существу декларативным. Хотя в процессе эволюции закономерно уменьшалась лишь степень угнетения – от полного порабощения раба, как говорящего животного, до пролетария, как вынужденного продавать капиталисту лишь свою рабочую силу. Поэтому все существовавшие до середины XIX столетия формы государства и права были различными формами эксплуататорского права и государства. Для трудящегося человека это было по преимуществу царство необходимости, но в процессе эволюции постепенно нарастала и его свобода действий, понемногу расширялись его социальные права. И только после социалистической революции, по мнению марксистов, главной целью которой является освобождение трудящихся от эксплуатации, совершается реальный переход из царства необходимости в царство освобожденного человека и его труда.

Марксизм обосновал, что государство порождается не свободной волей людей, а экономическим развитием общества. Государство возникает с появлением частной собственности и антагонистических классов. Оно по своей природе является классовым, поэтому всегда служит интересам господствующего класса – рабовладельцам, феодалам, буржуазии, а не общему благу. «Государство, – пишут К.Маркс и Ф.Энгельс в «Немецкой идеологии», – есть та форма, в которой индивиды, принадлежащие к господствующему классу, осуществляют свои общие интересы» [155, т.3, с.74]. Государство в его буржуазной форме «есть не что иное, как форма организации, которую неизбежно должны принять буржуа, чтобы – как вовне, так и внутри страны – взаимно гарантировать свою собственность и свои интересы» [155, т.3, с.73]. Согласно данному учению, буржуазное государство – эта такая политическая форма организации, с помощью которой буржуазия как внутри своей страны, так и вне ее «гарантирует свою собственность». Иными словами, мы можем понять, что не общество в целом, а совокупность правящих индивидов, объединившихся в особый социальный слой, класс, облеченных властью, реализует в собственных интересах максимум своих прав и свобод. Использует при этом свое особое положение в обще-

стве, невзирая на желания остальной части населения, пренебрегая своими обязанностями и ответственностью перед подвластной частью гражданского буржуазного общества в обеспечении прав и свобод трудящихся классов данного социума.

Также в учении К.Маркса и Ф.Энгельса разработано представление о человеке как высшей социальной ценности [157; 158]. С их точки зрения, право и права́ человека, как элементы юридической надстройки, не могут быть выше, чем существующий экономический строй и определяемое им культурное развитие общества. Мыслители рассматривали права человека как историческую категорию, оценивали их на этапе существования капитализма как составную часть буржуазной демократии. Кроме того, они дали научное политико-экономическое и историческое обоснование сущности человека, доказывая, что права человека не являются прирожденными, а возникают историческим путем. Ф.Энгельс отмечал исключительную значимость познания самого человека и предвещал, что в будущем множество наук сольются в единую науку о человеке.

Так, К.Маркс одним из первых мыслителей поставил человека в центр всех общественных отношений, считая, что именно всестороннее развитие человека, его личности должно стать главной целью общества. По мнению К. Маркса – цель человеческого развития – свобода, «свобода *каждого*: *… развитие каждого есть условие* свободного *развития всех*» [155, т.4. с.447]. При этом К.Маркс отличал права человека как фундаментальные, основополагающие, имеющие всеобщую ценность, от прав гражданина. В своей статье «К еврейскому вопросу» он разрешает проблему соотношения категорий «права человека» и «права гражданина» [155, т.1; с.213]. В этой работе К.Маркс указывает, что «в результате политической эмансипации произошло «раздвоение» человека на самого человека, эгоистического человека, субъекта прав человека, и политического человека, субъекта прав гражданина» [155, т.1, с.89]. Далее в этой работе К.Маркс критикует права́ и свободы, провозглашенные французской революцией и отраженные в Декларации прав человека и гражданина, при этом неоднократно уничижительно характеризует их как «так называемые права человека» [155, т.1, с.87-93].

Согласно марксизму, человек может пользоваться всеми своими правами только при условии ниспровержения всех отношений, в которых он является униженным,

порабощенным существом. По К.Марксу, человек – абстрактный субъект в отношении к государству тогда, как права человека претендуют быть естественными правами. Гражданин имеет права́ только как член политического общества. Это права, чья ценность ограничена. Хотя естественные права человека, казалось бы, должны быть гарантированы ему всегда и везде: они являются врожденными правами. В своем фундаментальном труде «Капитал» К.Маркс обосновал, что ни свобода, ни равенство не могут быть в обществе, которое покоится на прямом принудительном труде [155, т.23, с.137].

Следует отметить, что к середине XIX века в европейской науке выделилось еще одно особое направление, которое к этому времени фактически дистанцировалось от широких философских концепций своего времени – как от идеалистической классической немецкой философии, так и от диалектико-материалистического учения. Это направление *позитивизма*. Его основателями стали О.Конт, Г.Спенсер, Дж.Милль [26; 105]. Оно широко описано в современной теоретической социологии и анализируется с философских и социально-правовых позиций [106]. В позитивистское направление вошли ученые, которые в значительной мере опирались на эмпирические методы познания и в этой эмпирической области знаний, действительно, не нуждались в философских концепциях высокой степени абстракции. Они их в основном не понимали и не принимали. Свое негативное отношение к таким классическим формам философии они выражали следующим образом, в форме широко распространившегося утверждения: «Наука сама себе философия и в философских спекуляциях не нуждается» [104; 105]. Действительно, в науке XIX века в связи с развитием новых технических и социологических методов исследования накапливался богатый фактический материал из разных областей естественнонаучного, социологического, социально-психологического знания и т.д. Нарастающее количество добываемых научных фактов требовало их достаточно широкого анализа, систематизации, дальнейшего осмысления. В это время и сформировалось особое направление познания – научный классический позитивизм, которое также получило название «философия науки». Но при этом основной путь умозаключений в этой философии науки был не дедуктивный, а индуктивный. Остановимся на этом подробнее.

Во-первых, обобщения в философии науки имели преимущественно индуктивный характер, опирались на эмпирические теории. Во-вторых, получаемое знание должно было быть востребованным и в этом смысле быть положительным, позитивным. Это объясняется тем, что многие получаемые тогда научные результаты (например, в области эмпирической социологии, начавшейся развиваться социальной антропологии, психологии и т.п.) имели практическую, прикладную направленность. В-третьих, такое научное знание отличалось прагматичностью, т.е. должно было быть не просто полезным, но и приносить пользу, выгоду его разработчикам в условиях развития товарно-денежных отношений. В-четвертых, оно должно было быть утилитарным, т.е. практически использоваться для получения позитивного (выгодного) и реального результата.

Философия науки довольно быстро приобрела популярность среди исследователей теоретической, а затем и прикладной направленности в частных областях знаний, что, в свою очередь, вызвало появление ряда более частных концепций позитивизма и прагматизма. В области теории права также появились аналогичные концепции. Наибольшую известность среди них получили юридический позитивизм, нормативизм, социологическая теория права (социологическая юриспруденция) [104; 105]. Эти направления мысли, также вошедшие в совокупность идей западной цивилизации, нашли свое отражение в современной концепции прав человека и в международном праве.

Юридический позитивизм, который разрабатывался в трудах Д.Остина, К.Бергбома и др., формировался как теория, оппозиционная по отношению к теории естественного права, которую он считал заблуждением. Юридический позитивизм признавал лишь позитивное право, которые он рассматривал как нормы и правила поведения, установленные или санкционированы государством в отношении членов общества. Но поскольку эти нормы закреплялись в законах государства, то юридический позитивизм не делал различия между правом и законом и отождествлял их. Этот принцип в отмеченной теории считался определяющим независимо от того, какими бы ни были законы – демократическими или недемократическими, гуманными или антигуманными, справедливыми или несправедливыми [105; 106]. Мы можем заключить, что согласно юридическому позитивизму право и есть законы, устано в-

ленные государством. Данная теория права возвела формально-логически выведенный закон в ранг высшего долженствования; по существу аннулировала социокультурную связь права и морали, нравственности; провозгласила непререкаемый *принцип верховенства закона (права)*. Данный принцип имеет широкое распространение и в настоящее время. Таким образом, данная теория фактически разделила нормативно-правовое и нравственное содержание законов, оставив за ними только первую часть [18; 20].

Нормативизм – еще одна позитивистская концепция права, близкая по содержанию к предыдущей и возникшая позднее, в первой половине XX в. Ее основоположником считается Г.Кельзен. Нормативизм обосновывается как «чистое учение о праве». Эта «чистота», по Г.Кельзену, заключается в том, что изучается только право и ничего более, что могло бы быть с ним связано (например, социально-экономические, морально-нравственные, политические отношения, которые при этом не учитываются). С позиций нормативизма право – это чистая сфера долженствования, которая на практике предстает как многоступенчатая система, пирамида норм.

Такая пирамида норм включает в себя правила должного поведения. На вершине же такой пирамиды должна находиться главная абстрактно-гипотетическая норма. Эта норма считается исходной для всей пирамиды норм и правопорядка в обществе. Из этой абстрактно-абсолютизированной основной нормы вытекают все остальные нормы права, вплоть до конктеризированных норм, которые необходимы для решения конкретных дел в судебных и административных органах. Право, таким образом, оказывается иерархической замкнутой системой, на вершине которого стоит норма наивысшей силы, подчиняющая себе все остальные. Таким образом, здесь имеет место юридическая аксиоматическая система, из которой выводится весь алгоритм действий. Причем, аксиоматика может быть задана произвольно, в том числе, независимо от реально существующих социально-правовых отношений. Анализ данного подхода показывает, что он, по сути, является направлением мысли, противоположным исторической школе права.

К числу позитивистских относится еще одна значимая концепция в западной цивилизационной традиции. Это *социологическая теория права*, или *социологиче-*

ская юриспруденция. Ее представителями являются Р.Иеринг, Ф.Жени, Е.Эрлих, Р.Паунд [45; 105; 106; 159]. Концепция зародилась во второй половине XIX в., хотя основное развитие получила лишь в XX в., преимущественно в США. Эта теория разбивается на ряд течений. Но общим для них является утверждение о том, что право не должно сводиться к законодательно закрепленным нормам, то есть к законам государства. Юридические нормы вообще не следует считать правом. Право представляет собой не «мертвые» законы, а реальные динамичные правоотношения. именно эти последние являются «живым» правом [105]. Иными словами, согласно данной концепции, право законов государства определяется как «мертвое» право. Поскольку в данной теории признается приоритет «живого» права, то при решении конкретных дел в судах и других правовых инстанциях это дает основание для довольно произвольного толкования конкретных дел, их исправления, корректировки и т.д. Социологическая юриспруденция делает правовую концепцию релятивистской, ситуативной, обосновывает целесообразность решения многих юридических вопросов «по прецеденту». Эта социологическая теория права составляет концептуальную основу прецедентного права, в том числе, в области прав человека. Согласно социологической юриспруденции, право может быть реально выражено в правилах, которые фактически и независимо от государства могут формулироваться в процессе деятельности различных объединений людей [105]. Это по существу подрывает не только силу основного конституционного закона государства, но и всей государственной законодательной системы. При видимости творческой активности личностей и масс, данная теория фактически может провоцировать нарастание социальной нестабильности.

Обобщая результаты параграфа, отметим, что цивилизационное развитие западных правовых систем и соответствующих правовых идей – это сложная совокупность общесоциальных, государственно-правовых и собственно правовых процессов, которые охватывали как область прав человека (отдельных людей), так и целых социальных слоев, классов, общества в целом. Многообразные социальные преобразования в западной цивилизации находили отражение в исторически меняющихся и в то же время преемственных правовых концепциях и идеях философии права.

Многообразие правовых явлений и динамика социально-правовой реальности, наличие разнообразных социальных интересов и ценностных установок исследователей приводили к весьма неоднозначным подходам в осмыслении права, к разработке различающихся правовых концепций. С позиций социально-философского анализа, основными теориями права, в которых проявляются не только общесоциальные подходы, но обсуждается место и роль человека в праве, являются следующие: теория естественного права; историческая школа права; философия права Г.Гегеля, концепция права в марксизме, юридический позитивизм, нормативизм, социологическая теория права [177].

Большинство из указанных концепций в их социальном измерении можно назвать либеральными, поскольку за основу рассмотрения они принимают те или иные права́ и свободы человека. Следовательно, главные вопросы сводятся к анализу прав человека (естественных, нормативных и пр.), среди которых первостепенными считаются свобода, равенство, право защиты частной собственности. Обосновывается, что в процессе социальной эволюции увеличиваются степени свободы действий социальных субъектов, что определяет нарастание интереса к теоретическому осмыслению прав и свобод субъекта. Считается, что правовой закон на уровне страны выступает средством регулирования отношений как между людьми на территории государства, так и между обществом и личностью, являясь необходимым условием и способом человеческого существования в системной социальной общности.

Социально-философский и социально-правовой анализ западной цивилизационной традиции показывает, что в процессе развития идей прав человека здесь пройдены три этапа: «право государства», «человек в праве» и «права человека». Даже сами законы страны неслучайно получают обобщенное название *пра́ва* (государства). Тем самым, акцентируется внимание на одностороннем аспекте законодательства в целом, на приоритете прав по отношению к обязанностям и долженствованию – как общества по отношению к личности, так и личности по отношению к обществу. С одной стороны, это возможный приоритет прав государства-Левиафана, а с другой – приоритет прав особой либеральной личности (например, олигархической) даже по отношению к государству. По нашему мнению, в западной традиции, таким образом, формируется «двухсторонний (альтернативный) либерализм» – как диктаторского

государства по отношению к человеку (особенно на первом этапе эволюции «право государства»), так и преимущественных претензий человека к законодательству государства (особенно на третьем этапе эволюции «права́ человека»).

Как отмечал А.С.Панарин, при изменении социальной обстановки в условиях нестабильности XXI века, это может порождать усиление разных сторон такого двустороннего либерализма в законодательстве, вплоть до противоречий личности и государства [190]. При таких либеральных альтернативах: или подрывается устойчивость государства при активизации «либерально-правозащитных» действий групп личностей в условиях «цветных», «цветочных» и т.п. революций; или же наращивается диктат государственного закона с подавлением масс людей.

В опубликованной нами статье мы резюмировали: «Социально-философский анализ западной традиции, акцентирующей внимание на проблемах места человека в праве и прав человека, показал, что для западной цивилизации, в связи с выраженным развитием в ней (в отличие от традиционных обществ) классово-антагонистических формаций, идеи прав человека развиваются в разных, противоположных направлениях, а также в виде попыток их формального объединения. Это «разноплановые движения: 1) борьба против порабощения и за освобождение, свободу изначально угнетенных людей (например, глубоко отраженную в диалектике отношений раба и господина Г.Гегелем); 2) движение за наращивание своих прав, их либерализацию у личностей, уже и без того имеющих экономическое и властное преобладание в обществе; 3) попытка подвести под противоположные цели и социальные процессы единую формально-логическую декларативную основу в виде концепций формального равенства прав человека, по сути, нивелирующих реальную полярную сущность первого и второго движений» [122, с.2197; 129].

Также нами отмечено следующее: «С одной стороны, в исторически длительном процессе безусловного подчинения человека обществу, постепенно долговременное безропотное подчинение людей внешним (по отношению к ним) эксплуататорским государственным законам, по мере развития сознания и самосознания трудящихся, стало сменяться осознанием несправедливого положения людей в обществе. Это все более формировало решимость множества трудящихся людей бороться за свои права. С другой (противоположной) стороны, укреплялся эгоцентризм и рационализм в

узаконивании и реализации прав, характерный для деятельности волевых личностей, прежде всего, в правящих и богатейших слоях общества. При этом происходило ослабление нравственных и морально-нравственных аспектов права, в обществе распространялись двойные стандарты, укреплялась властвующая бездуховность. Одновременно разрабатывались определенные уравновешивающие социально-правовые механизмы, призванные снижать накал социальной напряженности. Это разработка формально-декларативных, объединяющих социум, концепций равенства прав людей, а также законодательное, конституционное (где таковое имеется) закрепление равенства прав человека и гражданина. Соответственно, в законах декларируется гражданско-демократическое равенство прав и свобод *всех* граждан перед законом» [122, с.2197]. Но практика социально-правовых отношений показывает, что как правило они весьма далеки от формально продекларированной гармонии равенства отношений и прав субъектов.

В итоге, обобщая материал параграфа, отметим следующее. Социально-философский анализ показал, что в западной цивилизационной традиции пройдены первый, второй и третий этапы эволюции («право государства», «человек в праве», «права человека»). Однако при этом неизменной осталась *триада* отношений или *трехвекторность* принципиально разных прав в обществе: “*права угнетенных (минимальные) – формальное всеобщее равенство прав – права властных сильных личностей (максимальные)”*» [122, с.2197]. В первой и последней части «триады» имеют место крайние позиции социальных субъектов, которые принципиально поразному решают свои социально-правовые проблемы. А средняя часть «триады» – во многом декларативная, уравновешивающе-манипулятивная.

В результате до сих пор в западных концептуальных подходах имеют место *принципиально разные* пути решения проблемы прав человека: движения за освобождение угнетенных слоев; распространение формально-декларативных лозунгов о всеобщем равенстве прав – очень заманчивых, но практически нереальных; узаконивание «верховенства права» с максимизацией привилегий «сильных мира сего». В условиях фактической нерешенности проблемы прав человека, но законодательно провозглашенного формального равенства прав людей в русле западной социокультурной традиции, вполне закономерно, что проблема человека в праве (его места, ро-

ли в системе общесоциальных и государственно-правовых отношений) в XX веке перерастает в *особую* правовую и социально-философскую проблему, обозначаемую как «права человека» [122, с.2197]. Важно, что именно здесь данная проблема широко разрабатывается и с уровня одной (западной) цивилизации переходит на международный и глобальный уровни организации общества. А на рубеже XX–XXI веков исследователями поставлена такая важная теоретическая и практическая проблема, как выделение и разработка особой отрасли права, обозначаемой в научной литературе как «право прав человека» [122, с.2197] (А.Х.Саидов и др.) [215]. В этом заключается несомненное значение и приоритет идей и практики западной цивилизации. Но, в то же время, социальные и концептуальные противоречия в отношении прав человека, характерные для западной традиции, сохранились вплоть до настоящего времени и породили ряд соответствующих государственных и международных проблем.

Для более глубокого социально-философского анализа специфики понимания и решения проблем человека в праве и прав человека [125; 129], в следующих параграфах данной главы мы рассмотрим их эволюцию в других ведущих цивилизациях – восточной (индокитайской) и русской (российской).

1.3. Особенности восточных (кастовой и конфуцианской) традиций установления места и прав человека в обществе

Предметом данного параграфа является исследование цивилизационной специфики трансформаций права, человека в праве и прав человека в восточной цивилизации. Это связано с тем, что социально-философский анализ исторического развития прав человека в обществе показывает реальное *многообразие правовых подсистем общества как целостной системы с позиций цивилизационного подхода*. Во всемирном социуме сформировались разные цивилизации, и в каждой из них – свои системы законов (законодательства), специфические правовые подсистемы, отражающие законодательно различное положение социальных слоев, групп, отдельных людей в обществе на базе сложившихся традиций и актуального состояния общественной жизни. Так, выраженная специфика понимания места человека в праве и прав человека [122] просматривается в западной, китайской, индийской, японской, ближневосточной, африканской цивилизациях; своеобразная специфика понимания человека в праве просматривается и в разных религиозно-культурных традициях, например, в христианском и исламском мире. По нашему мнению, Г.К.Искакова в результате проведенного ею исследования вполне справедливо обосновывает, что провозглашенные в международно-правовых актах права человека в каждой стране реализуются своеобразно, лишь в своей конкретно-исторической, социально-культурной форме, с учетом специфики политического режима и политической системы в целом, расстановки и борьбы общественно-политических сил и традиций [101; 125; 129].

К несомненной важности цивилизационного подхода не только в философии, но и в праве, в том числе, в сфере прав человека приходит все больше ученых-правоведов (Ж.Д.Бусурманов, А.М.Величко, О.А.Жидков, О.С.Звонарева, И.А.Ильин, Г.К.Искакова, И.С.Искевич, Б.А.Куркин, Н.А.Крашенинникова, Е.А.Лукашева, Д.В.Масленников, П.И.Новгородцев, М.Т.Степанянц, М.А.Супатаев, А.Г.Халиков, В.Е.Чиркин) [43; 49; 55; 85; 87; 96; 101-105; 132; 137; 139; 147; 182; 296; 210; 212; 226; 229; 230; 260; 267]. А.Г.Халиков в своем исследовании обращается к сравнительному анализу права и прав человека в цивилизациях Запада и Востока, которое для нас важно при обсуждении поставленного в данном параграфе вопроса. Специалист отмечает важность изучения восточного и западного цивилизаци-

онного пути развития прав человека. Он указывает, что «первые официальные признания прав человека на начальных стадиях социальной жизни как в цивилизации Древнего Востока, так и в цивилизации Запада созвучны и похожи» [260, с.36]. Затем А.Г.Халиков пишет, что «со временем постепенно стала появляться разница в способах признания и познания прав в восточной и западной цивилизациях, обусловленная географическим месторасположением, природными явлениями и особенностями развития сознания народов. Естественные права были наследственным правом родовой эпохи. На новой же ступени они стали проявляться как общинные права. В результате права и обязанности населения воплотились в возможностях и обязанностях людей первых восточных государств», в частности, «в обеспечении народа необходимыми ценностями путем справедливого разделения труда, плодов труда, при сохранении централизованного управления и упорядочении усложняющихся отношений и обеспечении порядка и безопасности жизни народа» [260, с.36].

В данном параграфе мы обращаемся к специфичной восточной (восточно-евразийской) традиции, также еще обозначаемой как индокитайская, буддийско-конфуцианская и т.п. В целом это позволит осуществить краткий социально-философский и философско-правовой обзор основных путей социокультурной эволюции евразийских традиций (восточной, западной, российской) и социокультурных путей реализации идей прав человека, а также право-обязанного, свободо-ответственного поведения человека в обществе [129]. Во второй главе диссертации это поможет нам сделать необходимые обобщения социально-философского характера по вопросам цивилизационного разнообразия подходов к праву и правам человека [122] в современном глобализирующемся обществе.

Обращаясь в данном параграфе к рассмотрению, несомненно специфичного, восточного евразийского социокультурного пути применительно к теме нашего исследования, укажем, что его социально-географическим и концептуальным ядром являются социально-правовые традиции Индии и Китая – индокитайская правовая традиция (укажем, что в сравнительном правоведении восточная правовая традиция часто обозначается как дальневосточная).

Духовные основы буддийско-конфуцианской традиции отличаются широтой взглядов и специфичностью. И хотя в классификации правовых семей эту традицию

относят чаще к классу религиозных, мы считаем, что в ней не менее богат компонент общей традиционной культуры, где соответствующая религия составляет только ее часть, а порой и следует за более древней социокультурной традицией. Именно в указанном ракурсе рассмотрим данную социально-правовую культуру. В восточной традиции переплетается множество самобытных народных религий Восточной и Юго-Восточной Азии – шаманизм, буддизм махаяны, даосизм, легизм, синтоизм и пр. Но при этом приоритет буддийско-конфуцианской традиции очевиден [129]. Такие страны, как Индия, Бангладеш, Шри-Ланка, Китай, Япония, Южная Корея, Китай, Гонконг, Сингапур, Камбоджа и др. являются наиболее яркими представителями этой культуры.

Поскольку Восток имеет ряд сходных черт бытия людей в традиционных обществах, он рассматривается в ряде трудов по восточной философии, например, в следующих: Л.С.Васильев «История религий Востока» (т.1-2) [51], Е.В.Завадская «Культура Востока в современном мире» [86] «История восточной философии» (под ред. М.Т.Степанянца) [102], М.Т.Степанянц «Восточная философия Вводный курс. Избранные тексты» [129]. Но кроме этого, имеется несомненная специфика в мироустройстве, философских, мировоззренческих, социально-политических и социально-правовых основаниях жизни индийского и китайского общества. Чтобы лучше понять отмеченные социокультурные пути формирования и развития законов государств, вначале мы отдельно рассмотрим идейные и социально-правовые особенности данных крупнейших восточных цивилизаций.

Рассмотрим вначале *традицию, сформировавшуюся в Индии*.

Обратим внимание на следующие работы: «Древняя Индия – Веды (священные индийские писания)» [80]; «Боги, брахманы, люди. Четыре тысячи лет индуизма». Под. ред. Д.Збавител [44]; «Древнеиндийская философия» (тексты) с комментариями В.В.Бродова [79]; Н.А.Крашенинникова «Индусское право: История и современность» [132]; А.А.Куценков «Эволюция индийской касты» [140]; Б.П.Мозолин «Личность, право, экономика современной Индии» [165] и др. [129].

Наиболее ранними письменными философско-мифо-религиозными источниками считаются «Веды» Древней Индии [28; 51; 80; 102]. Это огромное по объему и историко-культурному содержанию многокнижное (многотомное) произведение,

значительная часть которого еще до сих пор не переведена с санскрита на современный язык. Ниже приводится материал, опубликованный нами в статье, где исследована восточная индо-буддийская традиция, отражающая место человека в праве [129].

Веды – это традиционно-бытовые и духовно-религиозные тексты древних ариев, в которых собраны ритуалы, обряды, молитвы, священные тексты, общие знания того времени об окружающем мире и о событиях, происходивших с людьми. Согласно Ведам, общество людей аналогично устроению мира Богов, которые творят как людей, так и весь социум. Положение человека – срединное между небесными и подземными божествами. Веды, которые по мнению большинства ученых возникли между вторым и первым тысячелетием до нашей эры, сыграли главную роль в развитии духовной культуры древнеиндийского общества, включая философскую мысль. В Ведах содержится синкретичное, т.е. еще не дифференцированное знание о Космосе, Богах, природе, традициях, бытии, верованиях и суевериях людей, одновременно в мифологической, религиозной и (прото)философской формах, а отчасти в виде естественных знаний людей о Мире. Веды считаются богатейшим дофилософским источником культуры [129].

Согласно ведическим знаниям и выстроенной в соответствии с ними социальной организации, индийское общество было жестко разделено: 1) на сословия (варны) и 2) на касты (профессионально-корпоративное деление). Традиционно выделяются четыре варны – самые большие и значимые социальные слоя. Это брахманы (первоначально священнослужители, жрецы, а затем и правители); кшатрии (воины, военная знать); вайшьи (земледельцы, ремесленники, торговцы); шудры (слуги, ремесленники, зависимые люди).

Касты представляют собой, по сути, дальнейшее деление варн и их все более глубокую дифференциацию по разным признакам, в том числе, по виду деятельности и социальному положению [140; 44; 99]. Чаще всего каста – это замкнутая профессиональная корпорация в Древней Индии, принадлежность к которой передается по наследству. Каста – группа людей, объединенных специфическими занятиями или профессиями. Каждой касте соответствует свой свод правил, регулирующих поведение людей в общении между собой и по отношению к членам других каст. По мере

разрастания и усложнения индийского общества увеличивалось число каст и подкаст. В настоящее время их существует несколько тысяч. И до сих пор в ряде частей страны, несмотря на служебные успехи, богатство и политическую власть отдельных людей, переход из одной касты в другую оказывается практически невозможен [129].

Основной нормой надлежащего поведения для человека как представителя определенной варны (сословия) является дарованная божеством драхма. *Драхма* – это одновременно и закон, и долг, и нравственная норма поведения, и обычай и т.д. Иными словами, драхма, является такой синкретической нормой, которая регулирует множество сторон жизнедеятельности людей, определяет систему обязанностей и прав человека. В кастах, в жесткой социальной иерархии закрепляются социальные и социально-правовые различия. Такая иерархия строится на том, что человек из каждой касты обладает своей «чистотой», и она не должна быть запятнана контактом с некоторыми предметами, а также общением с членами низших каст.

Кастовые запреты в Индии, традиционно, имели характер табу и снимались лишь в редких случаях. Человек из каждого сословия имел особое правовое положение, различные права и обязанности. Соответственно, представители разных каст различаются своими правовыми статусами. По отношению к членам разных каст имеют место неоднозначные по своей строгости и порядку применения санкции. При сопоставлении кастового (как избирательного для отдельных каст) и государственного права (как общего для всех граждан страны), это влекло нарушение норм, общих для всех граждан государства, видов ответственности и наказаний, например, при кражах, убийствах и т.д. Структура сословно-кастовых обществ открыто и прямо определялась правом. При этом представители государственной власти могли изменять право таким образом, чтобы оно фактически отражало интересы привилегированных сословий и каст [129]. Основным принципом реализации кастового и сословного права было установленное поведение каждого члена общества в соответствии со статусом его сословия или касты. На этом же основывались запреты и требования безоговорочного подчинения человека – власти, то есть законопослушность.

Каста также определяет место человека в индийском обществе, его положение, правà, поведение, его внешний облик (одежда, знаки на лбу, драгоценности и пр.). Круг ритуальных обязанностей индивида и его религиозная активность во многом

определялись тем, к какой касте он принадлежал. Чем выше каста, тем больше времени и внимания человек обязан уделять ежедневным обрядам у домашнего алтаря, необходимым поклонам, воскурениям, подношениям, мантрам и т.п.

На протяжении длительного времени в Индии, как в стране с многочисленными кастовыми группами, нарушение этих правил приводило к юридическим санкциям, которые признавались судами на основе так называемого *индусского права*. Так, до 1949 г. индийские суды признавали недействительными смешанные браки между членами разных каст и определяли положение детей, родившихся в таком браке, как незаконнорожденных [129]. В 1959 г. в Индии была принята Конституция, которая, в частности, отменяла нормы индуистского права о привлечении к ответственности за нарушение принципов кастовой принадлежности. Однако, независимо от этих положений индийской Конституции, многие индусы в основном из сельской местности, где сильны общинные традиции, до сих пор придерживаются традиционных правил поведения. Б.П.Мозолин отмечает, что по традиции, браки между людьми, принадлежащими к разным кастам заключаются крайне редко, особенно если к высшей касте принадлежит женщина. Также, согласно традиции, крайне редко вдовы выходят замуж вторично. Вплоть до 1956 г. такой брак признавался незаконным, а дети – незаконнорожденными; женщины придерживались правил самосожжения у могилы мужа, независимо от возраста и длительности нахождения в браке [165].

В современной правовой структуре Индии кастовая система переживает глубокие перемены. Тесное сплетение с религией, с морально-религиозными нормами – это главная особенность классического индусского (кастового) права. Кастовое право не имеет относительной самостоятельности и, по сути, является неотъемлемой частью своеобразного феномена – индуизма в общем представлении, то есть некой традиционной, синкретичной системы социально-правовых отношений. В нее, помимо права, входят различные религиозные обряды и верования, моральные, идеологические и философские ценности, предполагающие определенный образ жизни, общественный порядок, социальную организацию, структуру общества и государства. До сих пор кастовая система основывается на кастовых запретах, а также на строгих религиозно-культурных традициях и нормах семейного и внутрикастового

права. И в настоящее время данная социально-культурная организация также в значительной мере определяет социальную жизнь в Индии [140; 44; 129].

П.В.Ульянищев, исследуя социальные правозащитные институты в Республике Индия уже на рубеже XX-XXI веков, отмечает здесь как позитивные современные сдвиги, так и традиционные силы социально-правовых отношений [245]. Так, П.В.Ульянищев в своем исследовании пишет, что Конституция Индии 1950 года закрепляет, так называемые, основные или фундаментальные права в части III. Это *право на равенство* (равенство всех перед законом; запрет дискриминации на основании религии, расы, каст, пола или места рождения; равенство возможностей в отношении занятия публичных должностей; отмена ограничений на основании «неприкасаемости»; отмена титулов, кроме военных и ученых), *право на свободу* (которое включает, согласно Конституции Индии, свободу собраний; свободу слова и выражений; свободу объединений; свободу передвижения; свободу места жительства и поселения; свободу профессии, занятий, торговли или предпринимательской деятельности), *личные свободы* (право на жизнь и личную свободу; защита от незаконного осуждения; право не свидетельствовать против самого себя и еще ряд скорее уголовно-процессуальных прав), *право на защиту от эксплуатации* (запрет торговли людьми и иные формы принудительного труда), *права в области культуры и образования* (гарантия национальным меньшинствам сохранения своего языка, письменности и культуры; всеобщее право на обучение в государственных учебных заведениях), *право на конституционные средства защиты* (прежде всего, судебную) и *право на свободу вероисповедания* [129, цит. по 245].

П.В.Ульянищев также указывает, что «Индийская республика не отнесена различными международными организациями к числу стран, в которых положение прав человека, вызывает беспокойство (например, Международным координационным комитетом национальных правозащитных учреждений). Он отмечает, что реализация прав человека в Индии осложняется как размерами страны и удаленностью, а подчас и недоступностью, некоторых мест проживания людей, так и многообразием населения в этническом и конфессиональном плане, что все же вынуждает признать наличие проблем в области прав человека в Индии» [245].

Из социально-философского анализа представленного материала мы можем сделать вывод о том, что правовая социокультурная система в Индии, которая развилась из общинного родового права, все же не утратила его основ, поскольку вплоть до настоящего времени основу многих сельских поселений составляют общины до 20 тыс. человек и более, в которых продолжают действовать традиции, в том числе, родовые табу. Человек в родовом праве, как отмечалось в параграфе 1.1, скорее (за исключением высшей родоплеменной знати) являлся объектом права, нежели его субъектом. Большая часть его жизнедеятельности подчинена родовым устоям, отклонение от них являлось запретом (табу). Эти табу, имевшие магическое сакральное значение, люди в большинстве своем даже не помышляли нарушить. Соответственно, человек в родоплеменном праве еще *существует как объект*. Он обладает человеческим сознанием, используя его для усвоения знаний-традиций, для жизнедеятельности в быту, для добывания пищи, создания семьи, рождения и воспитания детей, выживания в сложных условиях и пр. Но он еще не является личностью с ее самосознанием, самооценкой, самоуправлением, способной критически оценить свое положение в обществе, в мире и самостоятельно определить варианты собственных действий – согласно требованиям или же, возможно, вопреки им.

Поэтому именно в восточной индийской традиции мы в значительной мере наблюдаем проблемы положения человека в системе права, типа: *человек – объект права* (первый этап эволюции в развитии места и роли человека в праве – «право государства»). Здесь социальное право довлеет над человеком, а человек в этом смысле оказывается бесправным, обязан только беспрекословно выполнять в жизнедеятельности наложенные на него социумом требования. Хотя следует особо подчеркнуть, что большинство правил-требований *соответствует* нормальной социально-бытовой жизнедеятельности людей в тех условиях, в связи с чем у большинства не возникает потребности нарушать эти правила. Лишь к середине XX века в данной социокультурной традиции начинает формироваться новый правовой тип и второй эволюционный этап социальных отношений – «человек в праве», который в западной цивилизации начал внедряться и научно обсуждаться почти пять столетий назад. Поэтому, принявший с середины XX века международный статус, социально-правовой тип отношений *прав и свобод человека и гражданина* для культуры Индии

является в целом еще слишком инновационным. Он может реально применяться, прежде всего, в мегаполисах, где активно развиваются новые постиндустриальные социальные отношения информационного общества.

В целом же к середине XX века в Индии имели место первый и второй эволюционный этапы в реализации прав человека. А с середины XX века в связи с развитием международных стандартов на основе Всеобщей декларации прав человека (1948 г.) и других сопутствующих документов, стало нарастать воздействие третьего эволюционного этапа «права человека» на жизнь населения Индии (особенно урбанизированных областей). А истоки данного международного права, как отмечалось, кроются в эволюции западной цивилизации. Следовательно, с середины XX века имеет место воздействие западоцентризма на правовые отношения в индийской культуре и цивилизации.

А теперь мы осуществим аналогичный социально-философский анализ *правовой культуры Китая*.

Она опирается на мировоззрение и традиции китайского общества, которое исследуется в трудах ряда специалистов. Наиболее значимые из них: Л.С.Васильев «Проблемы генезиса китайского государства» [52], В.В.Малявин «Китайская цивилизация» [154], М.В.Букатая «Аксиологические основания взаимодействия традиций и новаций в культуре Китая» [50]. Также важное значение имеют труды правоведов по Китаю: Э.З.Имамова, Е.В.Куманина, Е.И.Кычанова, С.Ю.Осипчук, М.А.Супатаева, А.Ю.Тюрина, И.Цуэно и др. [97; 98; 116; 119; 138; 141; 186; 231; 129].

Мы в опубликованной нами статье [129], раскрывая данный вопрос диссертационного исследования, отмечали следующее. В правовой системе Китая мы также встречаем силу социально-правовых традиций, которая пришла из глубины веков, прежде всего, благодаря конфуцианству. При этом традиционное (древнекитайское) право опиралось, прежде всего, на конфуцианство и легизм. По степени своей развитости и самобытности оно не уступает социально-правовым источникам стран Древнего Востока (Древний Египет, Месопотамия, Древняя Индия) и античного мира (Древняя Греция, Древний Рим). С течением времени на право оказывали влияние и другие философско-этические концепции, которые, однако, не оставляли существен-

ного следа в правовой истории Китая [129, с.55]. По сравнению с Индией, социально-правовая культура Китая является менее религиозной, она больше ориентирована на традиционные социальные устои жизни людей.

Рассмотрим проблему человека в праве в Китае, с учетом его исторического развития и цивилизационно-культурного прошлого. В классической китайской философии выдвинуты главные концепции природы человека – конфуцианская, даосская и своеобразно воспринятая буддийская концепция (пришедшая из индо-буддийской традиции). Во всех учениях присутствует идея о душевно-духовной природе людей и о путях ее совершенства (но в каждом учении – по-своему).

Древнекитайские учения, подобно индийским, также синкретичны. Общую основу социальной культуры, по мнению китаеведов (Л.Е.Бежин, М.В.Букатая, Л.С.Васильев, Т.П.Григорьева, Е.В.Куманин В.В.Малявин, и др.), составляет выражение «три учения составляют одно» («сань цзяо хэ и»). Это отражает широту религиозно-философских воззрений, для выработки которых потребовалось несколько столетий. После прихода буддизма данная концепция развилась в XII веке. Фактически в Китае превалировало стремление человека к серьезному погружению в одно из них, дополняя его факультативным изучением мудрости остальных. Позднее возобладало извечное стремление китайского характера к свободе духа (именно даосские монахи сформулировали концепцию «сань цзяо хэ и»), и сейчас, по выражению востоковеда Л.Е. Бежина, на службе, в присутствии, в конторе китаец – конфуцианец, а дома, наедине с книгами, свитками живописи, лаковыми шкатулками – даос и буддист [50, с. 63].

Традиционная культура Китая целостна, но полиструктурна, имеет несколько культурных корней в виде конфуцианства (ведущее направление), а также даосизма, китайского буддизма и народных культов. Ценностные установки китайской традиционной культуры (например, тезис «гармония всего ценней, терпение всего выше» («хэ вэй гуй, жэнь вэй гао»), даосский принцип совместного рождения («бин шэн») всего сущего и буддийский – «у всего содеянного обязательно есть воздаяние (возмездие)» и др. формируют уравновешенное праксиологическое отношение к миру и закладывают фундамент системы ценностей человека в Китае [50, с. 40].

Если говорить о тех идеях, которые составили основу правовой системы Китая, то следует согласиться с А.Х.Саидовым, который указывает: «Многовековая история Китая породила многочисленные философские идеи. Из них только три – даосизм, конфуцианство и легизм оказали решающее влияние на китайское правопонимание, составившее затем основу дальневосточного права» [216, с.323; 129, с.56].

И все же, главную основу религиозно-философской системы Китая, системы ценностей страны и народа, принципы жизни, основы мировоззрения и менталитета Китая составляет конфуциантсво. Конфуцианство – ведущее философское течение Древнего Китая, имеющее выраженное социально-культурное и цивилизационное ядро. Это этико-философское учение, «Школа образованных людей», разработано Конфуцием (551-479 гг. до н.э.) и развито его последователями. Известно, что идеалом в конфуцианстве считаются благородный человек и «правильное» государство. Главными являются такие этические принципы, как преданность старинным традициям, забота о родителях, взаимопомощь в отношениях, скромность, в целом – чувство долга и гуманизм. Основные идеи конфуцианств вошли в культуру Китая, Кореи, Японии и ряда др. стран Юго-Восточной Азии. Конфуцианство по своей сути синкретично, универсально. Оно является одновременно мировоззрением, общественной этикой, политической идеологией, научной традицией, образом жизни, социально-этической философией, иногда рассматривается и как религия. Конфуцианство возникло в период истории Китая, характеризующийся как время глубоких социальных и политических перемен (период Чуньцю). В эпоху династии Хань конфуцианское учение приобрело форму официальной государственной идеологии, его нормы и ценности стали общепризнанными.

В императорском Китае конфуцианство играло роль особой «социальной религии», мировоззрения. Оно просуществовало в китайском обществе почти в неизменном виде вплоть до первой половины XX века. Лишь в период образования Китайской Республики это учение было заменено на «три народных принципа», но в общественном сознании оно все же традиционно присутствовало, даже и в социалистическом Китае. Примечательно, что при разрушении мировой социалистической системы и при переходе Китая к новому этапу развития постиндустриального общества, в том числе в настоящее время, эта традиция все же осталась. Она удивительным обра-

зом вошла во взаимодействие с «перестроечным» китайским обществом, вставшим на рельсы промышленной модернизации и накопления финансового капитала [129, с.56-57].

Осуществленный социально-философский анализ показал, что традиция конфуцианства неотделима от истории цивилизации Китая. В трудах известных исследователей китайской цивилизации Л.С.Васильева и В.В.Малявина отмечается, что на протяжении многих веков данное учение было системообразующим для китайской системы управления государством и обществом. Вместе со своей поздней модификацией – неоконфуцианством – оно окончательно сформировало общую социально-культурную традицию страны. Основу миропонимания в конфуцианстве составляет общий философский принцип единства Неба (порой обожествляемого) и Государства, управляемого императором. Небо – высшая мировая сила, соединяющая в себе диалектику противоположностей – начал Инь и Ян, и божественную власть. Император – Сын Неба и Отец народа. Народ – его семья, поэтому он должен относиться к нему как справедливый, любящий и строгий Отец. Огромная семья – народ – состоит из множества частей, расположенных в строгой иерархии, которыми (от провинций и до отдельных именитых семей), должен управлять «благородный муж» [52; 154].

В социальной культуре конфуцианства основное место занимают вопросы этики, морали, нравственной природы человека и приобретенных качеств, поведения в обществе, взаимоотношений с другими людьми. Принципы организации людей в обществе, подобно огромной социальной семье – гармония и иерархичность. Представление о том, что общество и государство образуют строгую иерархическую пирамиду, где практически нет двух индивидуумов, равных по своему социальному статусу, сохраняется на Востоке вплоть до настоящего времени. В таком обществе огромную роль играют послушание и прилежность в выполнении всех дел [129, с.56-57]. По сути, это не что иное, как существование человека в обществе в виде его неотъемлемого, сбалансированного с целым (государством) элемента, обладающего сознанием.

В государственных судах императорского Китая разбиралось очень немного дел из области частного права. Это вполне устраивало китайских императоров, так как именно в сфере межличностных отношений вполне четко действовала конфуциан-

ская социально-этическая традиция, на основе которой в большинстве случаев происходило «саморегулирование» отношений. Конфуцианство составляет основу общественной и личной жизни людей, их моделей поведения во всех видах человеческих взаимоотношений, на всех уровнях социального порядка – от семейных отношений до временных и постоянных социальных объединений, в каждой сфере повседневной жизни и деятельности, в том числе, в экономике, в бизнесе. И хотя некоторые элементы традиции можно воспринимать как тормоз для эффективного ведения бизнеса, но в целом считается, что в этом восточном регионе традиционность способствует экономическому успеху. В новых индустриальных государствах Азии человек оценивается обществом исключительно по тому, насколько твердо он следует конфуцианским постулатам, концепциям самодисциплины и управления – от семьи и вплоть до государства. Цель жесткой иерархии отношений – обеспечение гармоничного коллективного порядка в обществе, избежание конфликтов. Столь широко распространенный сегодня в Восточной Азии акцент на гармоничную общественную жизнь является прямым следствием того значения, которое придает конфуцианству «гармония в иерархии» [Цит. по: 119]. В обновленных социально-правовых отношениях в значительной мере проявляется второй этап эволюции прав человека – «человек в праве». Однако значимость моральных факторов здесь весьма высока.

Так, А.Х.Саидов в сравнительном правоведении подчеркивает, что по конфуцианской модели, именно мораль, а не право является первоосновой общественной жизни. Управлять в обществе прежде всего должны люди, а не законы. Право в этой модели – лишь репрессивное орудие, применяемое при отсутствии межличностного понимания. Следовательно, это лишь нежелательное зло [215; 216; 129, с.57]. Конфуцианство всегда осуществляло пропаганду общечеловеческих ценностей, гуманизма. Оно порицало любые проявления зла и порока, воспитывало в человеке чувство социальной ответственности, высокой требовательности за счет постоянного самоконтроля. Данное учение закрепило духовный опыт древнейших эпох национальной истории и создало целостную систему социально-аксиологических теорий [215; 216].

Однако отметим, что место рационализма в китайской культуре весьма высоко, что привязывает человека к системе логически выстроенных социально-правовых

норм. В частности, это определило распространение в Китае такого социально-правового течения, как *легизм*. Его правоведы-теоретики по своему содержанию относят к юридическому позитивизму. Легизм обосновывает совершенно иные позиции. Первостепенное значение он отводит закону. Здесь именно *закон* объявлен важнейшим орудием государственного управления, но при этом, прежде всего, имеется в виду уголовный, репрессивный закон. Согласно идеям легизма, все люди должны быть равны перед законом. При этом их социальное поведение должно управляться лишь социальным законом, а не моралью и традиционной философией. Исполнение такого социального закона должно быть полностью под контролем государства, а невыполнение закона влечет за собой суровые наказания, с жестким принуждением со стороны государства. Следовательно, легизм выдвинул требование сугубо государственно-правовой (без традиций и морали) регуляции общественной жизни и социального поведения людей на основе позитивного права.

А.Х.Саидов в своей работе «Сравнительное правоведение и юридическая география мира» (1993) [216] следующим образом анализирует важнейшие источники, содержащие идеи легизма. Известный легист Хан Фейцзы утверждал: «Хотя хороший плотник может точно мерить на глаз, он все же пользуется для измерения линейкой. Мудрец может сразу же принять умное решение, но он всегда спросит мнение старцев... Закон не делает исключений для мудрецов, ему не могут противостоять храбрецы. Виновные министры не могут уйти от наказания. Доброта подчиненных не забывается и вознаграждается». Закон должен быть известен всем. Хан Фейцзы писал: «Закон надлежит записать, сохранить в отчетах властей и выполнять. Поэтому нет ничего желаннее, чем его обнародование...» [216, гл.18]. Но все же значительная часть населения, воспитанная в конфуцианских традициях, не могла принять легизм. В целом, как указывает А.Х.Саидов, совокупное воздействие конфуцианства, и легизма привело к тому, что в социальной реальности азиатских обществ укоренился «юридический негативизм» [216].

По нашему мнению, именно учение легизма создало предпосылки для довольно быстрого принятия Китаем в середине XX века международных стандартов прав человека по западному цивилизационному образцу, что соответствует внедрению в со-

циальную жизнь данной страны (с международного уровня) третьего этапа эволюции – «права человека».

Под давлением внешних и внутренних идеологических, социально-экономических и социально-политических факторов с XIX века и особенно в XX-XXI веках конфуцианство все более уступало общецивилизационным принципам жизни индустриального и постиндустриального общества. Однако вплоть до революции 1911 г. конфуцианство составляло основу государственной идеологии Китайской империи.

В своем социально-философском анализе правовых традиций в Китае, представленном в нашей статье [129], мы опирались на исследования М.В.Букатой, Л.С.Васильева, Б.С.Ерасова, А.Х.Саидова [50; 52; 84; 216]. Данные авторы с разных позиций обосновали, что значительные изменения в правовой системе Китая, связанные с отношением людей к праву и морали, произошли в правовой системе в XX веке. В период китайского социализма были выделены, так называемые этапы практических испытаний различных моделей общества. Первый этап (1949–1956 гг.) характеризовался временем становления социалистического китайского права, но при этом, несмотря на ряд конституционных актов, еще не сложилась целостная правовая система. Второй этап получил название «культурной революции» (1957–1976 гг.). Он был связан с развитием правового нигилизма, умалением роли законодательства, постепенным прекращением деятельности представительных органов, отказом от соблюдения законности. На этом этапе разрушалась, начавшая было складываться, правовая система Китая. Третий этап правового развитии Китая (с конца 70-х годов) связан с возобновлением развертывания законодательной деятельности. В это время принимается Конституция КНР 1982 г., практически восстановившая позиции первой Конституции КНР 1954 г. [50; 52; 84; 216].

А с 80-х гг. XX века в Китае началась эпоха модернизации социализма, по пути меркантилизма, коммерциализации и конкуренции, которая продолжается до сих пор как общая стратегия конвергенции принципов социализма, государственного капитализма и постиндустриального общества. Однако, несмотря на это, именно в сознании людей до сих пор сохраняются принципы конфуцианской морали. Это откладывает явный отпечаток на взаимодействия людей даже в условиях модернизации в ви-

де важных черт характера – почтительности к старшим, гуманности, совести, трудолюбия, бережливости, чувства середины и пр.

Отметим, что эпоха модернизации в Китае в целом связана с его фактическим переходом к глобализирующемуся капитализму и постиндустриальному обществу (хотя формально сохранена роль коммунистической партии и идеологии в обществе). Она связана с появлением социального слоя частных собственников разного уровня достатка и большого количества людей наемного труда, особенно в условиях урбанизации. При этом нарастает субъективный фактор в общественной жизни Создаются благоприятные условия для перехода (посредством международного права) к третьему этапу эволюции – «права человека». В значительной мере эти процессы идут в Китае на рубеже XX-XXI веков.

Как отмечает Б.С.Ерасов, специфика социокультурного развития Китая была в значительной мере преобразована в период модернизации социального строя в XX веке и особенно в начале XXI века – на базе концепции «вестернизации», воспринявшей капиталистические методы хозяйствования, экспансию Запада как «всемирной цивилизации», но с сохранением социалистических устоев (что на практике в течение длительного времени оказывается сложно выполнимой стратегией) [84, с. 364-365]. Не только в Китае, но и в целом в странах конфуцианской Азии в настоящее время ставится особый акцент на прагматических аспектах духовности на фоне экономического взлета и прагматичного рационализма [138; 188; 221]. В результате: «Современное право КНР – это сложный по содержанию, объективно обусловленный масштаб свободы, выражающийся, во-первых, через систему глубоко укоренившихся в сознании народа традиционных представлений о должном поведении, поддерживаемых силой моральной ответственности перед обществом, во-вторых, через систему общеобязательных формально определенных норм, поддерживаемых силой государственного принуждения» [216, с.332; 129].

Государственная стратегия Китая на рубеже XX-XXI веков определяется новым путем общественного развития, основанным на принципе западной культуры, но с сохранением духовных традиций своей собственной культуры, насколько это возможно, без утраты национальной идентичности и цивилизационной самобытности [216]. По мнению М.А.Супатаева, в этом отношении показателен анализ правовой

политики в условиях модернизации, проводимой в Китае. Автор пишет, что на этом пути возникло много трудностей, связанных с восприятием иной культуры, преодолением укоренившихся стереотипов и откровенными заблуждениями. К числу последних, как бы переворачивающих положенную схему соотношения правовой политики и экономики, вплоть до разрушения экономических связей в отсутствии последовательной и системной деятельности органов, направленных на создание отлаженной судебно-правовой системы, устранение пробелов в законодательстве, преодоление массового пренебрежения нормами законодательства, следует отнести одно – это в высшей степени странное представление о том, что Китай, добившийся таких успехов в модернизации экономики, по многим направлениям превосходит даже Америку.

По убеждению большинства европейских юристов, Китай до сих пор «не имеет настоящей правовой традиции» и все еще находится в поисках права, которое могло бы обладать высокой технической ценностью и являться достаточно стабильным» [231, с.7]. В то же время ряд правозащитников отмечет, что в Китае произошло значительное продвижение вопросов по соблюдению прав человека в Китае. Однако до сих пор единодушия по данным вопросам не существует, и «стало быть, нет оснований говорить о правовой политике, основанной на “настоящем” праве» [231, с.7]. По нашему мнению, столь неоднозначные социально-правовые процессы в современном Китае по проблеме прав человека характеризуют данную современную цивилизацию, как находящуюся на пути перехода от собственных социально-правовых устоев – к международным (по сути западоцентристским).

В результате диссертантом сделаны следующие заключения [129]. Обобщая в целом духовно-правовой путь осмысления жизни человека в традиционных культурах и правовых системах Индии и Китая, отметим следующее. На ранних этапах существования рассматриваемых восточных культур человек мыслился лишь как индивид, как мыслящий объект социокультурных отношений, обязанный подчиняться нормам общества на основе табу, родовых устоев, мифов, религий, традиций, господствующего мировоззрения и пр. (что соответствует первому этапу эволюции прав человека – «право государства») Лишь постепенно, со временем, особенно в высших слоях социума человек все более осознавал себя как личность, способную к управлению и самоуправлению на основе традиционно-культурных знаний. Постепенно шло

превращение человека в субъекта права, хотя и на традиционной основе – ведической, индобуддийской традиции в Индии и преимущественно конфуцианской – в Китае (второй этап эволюции – «человек в праве»).

Это, с одной стороны, был многовековой путь жизни народов в согласии со своими исконными социокультурными устоями на основе синкретичного социокультурного религиозно-этико-правового мировоззрения. С другой стороны, сильный отпечаток отложили на этот путь периоды европейской колонизации. Особенно большое влияние на преобразование нравственно-правовых устоев рассматриваемых государств и культур Востока оказали общецивилизационые нововведения последних двух столетий.

Нарастающее столкновение и непростое взаимодействие, с периодами принятия и отторжения, восточной культуры с наиболее активным, а порой и агрессивным воздействием на нее западной цивилизации и западного права, привело к сложным конгломератам мировоззренческих и социально-правовых знаний, значение которых трудно оценить однозначно, как положительное или отрицательное – оно разноплановое. В этих процессах, с одной стороны, шло сближение форм восточного и западного гуманизма, а с другой – проявились его качественные различия. Главное отличие восточного гуманизма состоит в том, что он опирается на баланс отношений людей. А западный гуманизм выстраивается преимущественно на эгоцентризме, с органичным включением в него принципов конкуренции и успешности. Но именно в этих процессах непростого взаимодействия цивилизаций Востока и Запада в XX веке зарождались и развивались некие общецивилизационные принципы прав человека как особой области права не только в масштабах отдельных государств, но и на международном уровне. В этих процессах мы видим значимость результатов межцивилизационного взаимодействия идей и практик Востока и Запада в сфере прав человека [129, с.58-59].

Таким образом, в данном параграфе мы выяснили, что в восточном мировоззрении и в социально-правовой культуре Индии и Китая (которая в правовой литературе часто обозначается как дальневосточная) понимание права и прав человека имеет цивилизационную специфику. Она имеет несомненные отличия от правовой организации общества в западной цивилизации. Это обусловлено тем, что восточные (индийское и китайское) общества в наибольшей мере остаются связанными со своими эволюционными социально-культурными корнями, нежели Запад [129]. Последний,

обладая высокой степенью инновационности и рационально-прагматического подхода к решению социальных вопросов и правовых проблем, в значительной мере конструирует искусственную социально-правовую реальность в соответствии с интересами правящих субъектов, их социальных групп и слоев. В отличие от этого, на Востоке вплоть до середины XX века сохранялась связь систем права и социального управления с традиционными и социально-бытийными (онтологическими) основами морально-правового бытия.

Несмотря на наличие относительно жестких социальных отношений, это позволяло создавать формы управления обществом на базе не «чисто правовых», но нравственно-правовых отношений. Компонент собственно рационального права не выделялся из общей мировоззренческой и социальной традиции. Однако в XIX–XX веках такая социально-правовая традиция в рассмотренных цивилизациях не получила широкой научно-теоретической и философской проработки. Специфических, значимых восточных концепций права (индийских или китайских) в это время не сложилось. Поэтому до сих пор оно в наибольшей мере существует как мощная социокультурная и социально-правовая цивилизационная традиция. Эта специфика сохранилась и в XX – XXI веках, хотя в настоящее время западный правовой прагматизм все более проникает в социальные структуры и правовые подсистемы восточных государств в связи с усилением процессов глобализации (о чем пойдет речь во 2-й главе работы).

Таким образом, можно заключить, что вплоть до начала и середины XX века в восточной (индокитайской) цивилизации были присущи первый и второй этапы в эволюции прав человека. В XIX–XX веках в этих цивилизациях самобытные концепции права и прав человека не разрабатывались. Соответственно, третий этап стал постепенно осваиваться данными государствами на основе международно-правовых стандартов и принципов по правам человека [1; 7; 8-11]. Как будет показано ниже, в определенной мере сформировавшаяся на Востоке правовая культура оказывается созвучной русской правовой культуре, но отличие заключается в том, что именно в русской цивилизации и ее социально-правовой мысли своеобразие правовой культуры получает значительное философско-теоретическое обоснование.

1.4. Русская цивилизационная традиция целостного понимания человека в системе общественных отношений и его правового статуса

Предметом рассмотрения в данном параграфе является русская цивилизационная традиция понимания человека в праве и прав человека в обществе. Подчеркнем, что в отечественной традиции идеи соотношения права и человека в праве имеют не только несомненную специфику, но и глубокое мировоззренческое, философско-теоретическое обоснование в трудах ряда мыслителей и общественных деятелей (это Н.Н.Алексеев, Н.А.Бердяев, Б.П.Вышеславцев, В.В.Зеньковский, И.В.Киреевский, И.В.Михайловский, П.Н.Савицкий, В.С.Соловьев, П.А.Сорокин, Н.С.Трубецкой, Г.П.Федотов, Г.В.Флоровский, П.А.Флоренский, С.Л.Франк, А.С.Хомяков, Б.Н.Чичерин, Г.Ф.Шершеневич и др. специалисты) [19; 36; 40; 48; 81; 183; 210; 212; 222; 242; 256; 262; 129].

Диссертационное исследование по вопросам данного параграфа опубликовано нами в статье [129]. Для нас важное значение имеют обобщающие исследования современных ученых, глубоко анализирующих и интегрирующих богатое наследие русской философской, этической и правовой мысли. Это, например, следующие труды: А.С.Ахиезер. Россия: критика исторического опыта: в 3-х т. [35]; В.Ю.Багдасаров. Русская правовая мысль и теория правотворчества: прошлое и современность [36]; А.М.Величко. Философия русской государственности [54]; А.Гулыга. Русская идея и ее творцы [68]; Л.Н.Гумилев. От Руси до России; Этносфера. История людей и история природы [70]; Э.В.Кузнецов. Философия права в России [133]; В.Я.Пащенко. Идеология евразийства [194]; Русская философия права: философия веры и нравственности: Антология (Сост. А.П.Альбов, Д.В.Масленников и др.) [211]; Русская философия: Словарь (Под ред. М.А.Маслина) [212] и ряд других произведений русских мыслителей, отраженных как в первоисточниках, так и в сводных историко-философских трудах.

Основной смысл отечественного мировоззрения состоит в неразрывности понимания сущности традиции, человека, нравственности, веры, общества, морали – как взаимосвязанных в процессе всей индивидуальной и социальной жизни. В этой традиции невозможно расчленять веру и разум, нравственность и закон, мораль и право, правителя и народ, православие и самодержавие. В такой идеологии, согласно

В.С.Соловьеву, теософия, теократия и теургия в социально-индивидуальной жизни способны внести гармонию в отношения личности и общества. В данной идеологии бытия, права человека неотделимы от его обязанностей, а степень свободы личности должна быть соразмерна степени ее ответственности перед другими людьми и обществом на основе веры [129].

Предметом рассмотрения в данном параграфе является специфика понимания проблемы места и роли человека в социально-правовой сфере в трудах русских мыслителей. Проанализируем вопросы человека в праве и прав человека [129, с. 60, 64-65] на базе отечественной нравственно-философской и социально-правовой традиции. При этом обратим внимание, что, как пишет М.Н.Марченко, в последние годы в отечественной научной литературе уделяется значительное внимание правам человека в русской традиции, которые рассматриваются с разных сторон и в различных аспектах [156]. По-видимому, причина заключается в том, что в эпоху глобализации для глубокого понимания, определения тенденций и перспектив развития в будущем прав человека, их необходимо рассматривать не только в формально-юридическом смысле, но и в конкретно-историческом, социокультурном, цивилизационном, содержательном и сущностном аспектах. Конкретно-исторический аспект рассмотрения прав человека связан с исследованием данной проблемы в ее историческом развитии на основе метода взаимосвязи исторического и логического понимания происходящих процессов. Для этого необходимо выяснить и осмыслить с социально-философских позиций возникновение и развитие в определенной социально-культурной и цивилизационной традиции, проследить этапы соответствующих преобразований в социально-правовой сфере вплоть до настоящего времени, а также попытаться определить тенденции будущих преобразований исследуемого феномена в социуме.

Свои рассуждения по выявлению сущности и специфики русской цивилизационной традиции мы проводим с опорой на первоисточники, а также на исследования специалистов по истории цивилизаций, истории и теории права [14; 36; 39; 55; 60; 77; 95; 104; 105; 106; 159; 187; 197; 210; 211; 212; 226]. Полученные результаты используем для сравнения со спецификой эволюции прав человека в западной и восточной цивилизациях.

Описание русской концептуальной традиции понимания человека в праве и прав человека также следует внимательно рассматривать с эпохи Нового времени, начиная с XVII-XVIII веков. Хотя учитывать, что своими смысловыми корнями отечественная традиция уходит в более глубокие времена, к истокам российской цивилизации, а в мировоззренческо-религиозном контексте – к оппозиционным взглядам «иосифлян» и «нестяжателей» (в будущем – концепций западников и славянофилов). Представителями русской естественной школы права в указанное время являются И.Т.Посошков, В.Н.Татищев, Ф.Прокопович.

Начиная с Ф.Прокоповича и В.Н.Татищева, впервые в России, где тогда существовала форма правления в виде абсолютной монархии и инокультурное, по происхождению, крепостное право, впервые исследователями предпринимаются попытки приспособить западную теорию естественного права и договорную теорию происхождения государства для обоснования абсолютной монархии. Именно Ф.Прокопович впервые в России обратился к договорной теории происхождения государства и, следуя положениям теории естественного права, различал:

– состояние первоначальной природной вольности людей, которое ему представлялось как «черное да безмерное беззаконий море»;

– государственное состояние. В государственное состояние, которое обеспечивает людям мир и общее благо, люди перешли «не без смотрения Божия», заключив соглашение об отказе от всех своих прав в пользу суверена: «Народ воли общей своей совлекся и отдал оную монарху своему».

Автор определил также обязанности народа, вытекающие из общественного договора:

– «без прекословия и роптания все от самодержца повелеваемое» терпеть;

– терпеть «нестроение и злонравие» государя;

– не судить дела государя.

Но идейно Ф.Прокопович, будучи сторонником неограниченной наследственной монархии, пытался приспособить западную правовую концепцию к российской социокультурной концепции [159, с.184-185; 129].

В.Н. Татищев, опираясь на идеи естественного права, рассматривал это естественное состояние как состояние «вольности». Это такое состояние, при котором

человек «управляется только естественным законом», когда ему не нужны власть и законы государства. Как историк, он считал крепостное право закономерным, а как представитель теории естественного права различал законы естественные и законы гражданские. Естественные законы – единые и всеобщие, а законы гражданские отличаются от народа к народу; естественные законы определяют, что есть «право и неправо», а гражданские законы основаны «на соображениях политической мудрости». В России, как полагал В.Н.Татищев, естественные и гражданские законы не соответствуют друг другу по причине невежества законодателей (но возможно, причины были совсем иными). В.Н.Татищев сформулировал ряд требований, которым должны отвечать идеальные гражданские законы:

– понятность закона: «всякий закон что короче, то внятнее»;

– выполнимость законов;

– непротиворечивость законов;

– известность законов: «ибо кто, не зная закона, преступит, тот по закону ему осужден не может». В целом В.Н.Татищев был приверженцем режима законности в российском государстве: «В государстве не персоны управляют законом, а закон персонами» [159, с. 190].

По мнению И.Т.Посошкова, в России можно было установить режим законности, не отменяя крепостного права. Он предлагал разработать соборное уложение, в котором должны принять участие все слои российского общества.

Во второй половине XVIII в. появился ряд новых прогрессивных русских мыслителей Среди них наиболее яркие личности – С.Е.Десницкий и А.Н.Радищев. Они глубоко освоили политические и правовые идеи Нового времени в Европе и США, соотнесли социальный опыт Запада и России, изучили систему крепостного права и развивали идеи о том, можно ли в российской действительности применить принцип равенства людей, реализовать неотчуждаемые права и свободы человека.

С.Е.Десницкий обосновал использование концепции разделения властей для реформирования российского самодержавия в труде «Представления об учреждении законодательной, судительной [а мы добавим – правонадзорной – *Н.К.*] и наказательной власти в Российской империи» [77, с.39].

А.Н.Радищев применил естественно-правовые идеи для критики российского самодержавия и крепостничества, признавал право народа оказывать сопротивление государственной власти. Он считал, если правитель нарушает договор справедливого отношения к народу, то и народ получает право неподчинения государственной власти. Вывод был следующим: «Неправосудие государя дает народу, его судье то же и более над ним право, какие ему дают закон над преступлением» [159, с.200]. А.Н.Радищев системно критиковал крепостное право в России. Автор считал, что с точки зрения позитивного права «крестьянин в законе мертв», а с позиций естественного права, крепостное право противоречит естественному праву [159, с.200-201]. А.Н.Радищев с естественно-правовых позиций развивал представления о свободе и равенстве всех людей в их естественном состоянии. Он полностью поддерживал такие идеи европейских философов, как договорное происхождение государства, естественные неотчуждаемые права человека – на личную жизнь и собственность, на свободу мысли и слова, признавал на право суверенитета народа и его сопротивления эксплуататорскому строю [цит. по 214, с.130].

Правовые идеалы А.Н.Радищева в дальнейшем были восприняты и развиты в XIX веке декабристами, прогрессивными мыслителями в лице А.И.Герцена, Н.Г.Чернышевского и других.

В политических взглядах А.И.Герцена самым стабильным элементом была защита прав человека. Он писал: «Уничтожьте крепостное право… освободите слово от цензуры и спину русского человека от палки, отворите двери суда, дайте волю совести» [цит. по 104].

А теперь мы обратимся к иной российской традиции понимания прав человека – в учениях славянофилов и евразийцев, идеи которых имеют ряд принципиальных отличий от взглядов русских западников. Вначале отметим главные позиции славянофилов XIX века в лице И.В.Киреевского [115], а затем евразийцев на примере идей Н.Н.Алексеева [18; 19].

И.В.Киреевский четко выразил специфику социального права и прав индивидов в западной культуре в отличие от российской в том, что «видим мы в самых знаменитых законах римских, где стройность внешней формальности доведена до столь изумительного логического совершенства при изумительном тоже отсутствии внут-

ренней справедливости» [115, с.162]. Между тем как римско-западная юриспруденция отвлеченно выводила логические заключения из каждого законного условия… право обычное, напротив того, как оно было в России, вырастая из жизни, совершенно чуждалось развития отвлеченно-логического… Там каждая насильственная перемена по логическому выводу была бы разрезом ножа в самом сердце общественного организма [115, с.183; 124.1; 129].

В наших статьях мы писали следующее [124.1; 129]. Соответственно различию западноевропейских и российских законов, понимание прав человека также принципиально различается. По этому поводу И.В.Киреевский пишет: «Весь частный и общественный быт Запада основывается на понятии о индивидуальной, отдельной независимости, предполагающей индивидуальную изолированность… Каждый индивидуум – частный человек, рыцарь, князь или город – внутри своих прав есть лицо самовластное, неограниченное, само себе дающее законы» [115, с.2].

А теперь обратимся к анализу правовой свободы в концепции евразийца Н.Н.Алексеева, поскольку именно он наиболее полно разработал стройную теорию будущего евразийского государства в своем главном труде «Современное положение науки о государстве» (вошедшем в современную книгу его произведений «Русский народ и государство») [19]. Согласно данной отечественной традиции, невозможно правà человека рассматривать без глубинной взаимосвязи с наукой о государстве и с правом.

Государственно-правовой демократический идеал, по мнению Н.Н.Алексеева, покоится на «трех китах». Это: «а) принцип формальной законности; б) принцип неотчуждаемых личных прав; в) всеобщее, равное и тайное волеизлияние граждан, достигших 18-летнего возраста» [18, с.102]. «Права личности (или пресловутые «права человека») – это абстракция, требующая конкретного содержательного наполнения, причем гарантироваться должны в первую очередь не вторичные права на собственность, свободу слова, печати, собраний и т.д., а первичные права личности на труд, на образование, на сохранение индивидуального и национального достоинства, а, самое главное – на личное совершенствование» [81, с.102].

По мнению Н.Н.Алексеева: «У человека... есть только одно неоспоримое право – это право на внутреннее духовное развитие. Отрицание этого права уничтожает у

человека качество быть человеком… Хартии свободы, как они возникли на Западе, в "Декларации прав человека и гражданина" включают в себя много случайного... Главным их недостатком является то, что они формулируют не принцип духовной свободы, а некоторые конкретные способы его достижения, абсолютизируя иногда эти способы, делая из средств цели» [19, с.599]. Сходным образом и другие пункты демократических деклараций, как то свобода слова, печати, мнений и т.п., провозглашают в качестве принципов специально свойственные западной культуре средства к духовному самоопределению, ценность коих принципиально защитима не сама по себе, а только с точки зрения идеи духовного совершенствования человека. Ибо какую принципиальную ценность имеет, например, свобода печати, если она не служит духовной жизни человека? Не будем же мы защищать ее с той точки зрения, что она является удобным средством для политических интриг, для борьбы партий, для политической агитации и т.п. [19, с.317-318; 124.1; 129].

Ученый исходил из предположения, что Россия – это не Восток и не Запад, а находящаяся между ними Евразия. Н.Н.Алексеев считал Россию «совершенно особым географическим, экономическим и культурным целым». Гарантийное государство, обеспечивающее основные права своих граждан, должно строиться на духовно-нравственном самоограничении верховных органов, которые, по его мнению, никто не может принудить и которые могут принуждать только сами себя. Н.Н.Алексеев писал: «Славянофилы с глубокой ясностью прозрели ту истину, что в конечной основе своей всякая власть связывается только нравственными узами...» [19, с.603].

Главное заключается *в правде взаимного служения: народа – государству, а государства – народу*. Концепции «естественного права», «правового государства» и «прав человека», по убеждению Н.Н.Алексеева, отражают лишь одну из линий развития, когда права, первоначально присущие лишь верхушке общества, оторвавшейся от народа (по существу, в этом вопросе он вышел на развившуюся позднее теорию элит), постепенно распространяются на всех его членов. Но при этом сущность свободы «верхов» неадекватна содержанию свободы «низов», в связи с чем и вся концепция прав человека становится неправдоподобной. Альтернативный путь – в постановке на первое место не прав, а обязанностей. Такое государство Н.Н.Алексеев обозначил как «тягловое государство».

Приоритет прав человека ученый заменил приоритетом его обязанностей. По нашему мнению, ученый преувеличил противоположную, альтернативную сторону диалектических отношений. По-видимому, «наиболее приемлемой является относительно паритетная диалектика прав и обязанностей в соответствующем свободо-ответственном государстве, или концепция право-обязанных, свободо-ответственных отношений в обществе» [62, с.123]. Н.Н.Алексеев признавал классовую теорию государства, но считал ее недостаточно проработанной, поскольку в ее основе лежат лишь экономические причины. Он сам подходил к государству комплексно, с материально-идеальных позиций, где второму фактору уделял не меньшую роль. Он отмечал, что дело здесь не в простом физическом преобладании. Психическая мощь есть господство над душами людей неимущих, и эта мощь определяет властвование правящих классов над большинством [19]. Вторая сторона государственной жизни выделялась им как идеократия (власть правдивых идей), которая должна быть ведущей. Значит, права человека в определенном обществе должны определяться не только экономикой, но также главными социальными идеями и объективными законами жизни людей – в балансе межличностных связей и отношений с окружающим миром [124.1; 129].

Для нас важно сделать предварительный вывод о том, что труды правоведа Н.Н.Алексеева вошли важной частью в такое новационное направление русской зарубежной научно-философской мысли XX века (русского зарубежья), как евразийство. Идеи, развитые в евразийстве, в определенной мере примиряли вековые споры славянофилов и западников (уходящие своими корнями к полярным религиозным взглядам нестяжателей и иосифлян начала второго тысячелетия). Как известно, евразийская концепция сформировалась в трудах русской эмиграции 20-х годов XX века: лингвиста и культуролога Н.С.Трубецкого, географа и экономиста П.Н.Савицкого, музыковеда П.П.Сувчинского, философа Л.П.Карсавина, историка Г.В.Вернадского и др. В XX в. в России эти идеи поддерживали и развивали В.И.Вернадский, Л.Н.Гумилев, Н.Д.Кондратьев, Ю.Н.Рерих и др. Провозвестниками евразийства был и ряд ярких русских мыслителей прошлых веков: М.В.Ломоносов, А.С.Пушкин, А.С.Хомяков, Ф.М.Достоевский, К.Н.Леонтьев, Д.И.Менделеев и др.

[92; 194; 208]. Правовед Н.Н.Алексеев также внес свой достойный вклад в развитие этого идейного направления.

По нашему мнению, в социально-философском и философско-правовом отношении евразийство важно для нас тем, что оно раскрывает ряд концептуальных положений, позволяющих выявить специфику российской цивилизации, определить социальный и правовой статус Государства Российского, в разных его вариациях – от царской России до СССР и вплоть до социокультурного взаимодействия стран в СНГ на постсоветском пространстве. Главная идея заключается в том, что наша цивилизация – одна из древнейших. Она имеет огромный социально-культурный и цивилизационный опыт мирного сосуществования и творческого взаимодействия народов в процессе созидательного труда на огромных территориях планеты и в определенной мере может служить прообразом будущей мирной глобальной созидающей цивилизации. В такой цивилизации ключевое почетное место отводится человеку-труженику, человеку-созидателю, охраняющему и окультуривающему среду своего природного и социального существования.

Касательно темы нашего диссертационного исследования, главная идея данной концепции заключается в следующем. В первую очередь, должны быть обеспечены права человека – труженика, созидателя, творца, широко образованного, воспитанного, обладающего качественными профессиональными знаниями, занимающего свое достойное место – в соответствии с социальным статусом и положением личности в современном сложно организованном, дифференцированном обществе, на пути его эволюции к ноосферной (духовно-экологической) цивилизации [129; 81; 92].

Обозначим основные идеи русского евразийства и ноосферной цивилизации XX-XXI веков для понимания места и прав человека в созидающей, а не безмерно потребляющей цивилизации человечества. Выскажем идею о том, что, по-видимому, в Новое время Россия неслучайно приобрела свои географические очертания, как огромного северо-евразийского государства. В период Нового времени она продолжала формировать свой государственно-географический ареал, расширяя его закономерно, путем присоединения новых земель внутри евразийского континента, где ранее проживали предки славянских народов [17; 69; 70; 81].

Великие русские путешественники-первопроходцы (они же – ученые, географы, военные и государственные люди), исходившие и исследовавшие просторы севера Евразии, четко определили рубежи возможного расширения государства российского. С одной стороны, они выявили, где уже сложились мощные государственные системы (стран Востока, Средней Азии, Передней Азии, и Россия в эти, уже чужие, рубежи не проникала). С другой стороны, к северу от этих рубежей лежали огромные пространства суши, некогда принадлежавшие Великой Тартарии, но еще не объединенные восстановленной государственностью. Именно эти территории и вошли в состав Российской империи. Запад захватывал территории на других континентах, превращая их в колонии по типу «Свой–Чужой», где аборигенные народы подпадали под колониальное рабство. Россия же прирастала своими рубежами на суше континента Евразии, возвращая себе исконные земли Великой Тартарии, сохраняя на единой территории славянский мир и другие коренные народы [90].

Главное отличие российской государственности заключается в том, что здесь не было колоний, подобных западным на разных континентах, с жесточайшим насилием над покоренными людьми и народами. Во-первых, значительная часть народов присоединилась к России добровольно с целью защиты от посягательств других государств. Во-вторых, в Сибирь уходили переселенцы, основывали свои поселения крестьянские, религиозные, казачьи общины, прочие трудовые люди, которые были в добрососедских отношениях с местным (аборигенным) населением. Они взаимно поддерживали друг друга за счет результатов разного вида труда (земледелия, скотоводства, ремесла и пр.). В-третьих, фактически славянские этносы возвращались на свою евразийскую прародину, откуда они неоднократно, циклами жизни откочевывали (возвращались и вновь уходили) в европейские территории материка многие века назад [69; 70; 81; 89; 90; 92]. Действительно, эксплуатация природных ресурсов и людей на территории Сибири происходила в период зарождения капитализма. Но развитие буржуазных отношений закономерно вело к тому, что шел в мире глобальный процесс нарастания социальных противоречий (и Россия здесь не исключение). А в Сибири под капиталистический гнет подпадало в той или иной мере все население Сибири – как местные народы, так и переселенцы из европейской части, и кому

от капитализма досталось больше, сложно сказать. А что касается созидательной роли славянских этносов на территории государства Российского, то она несомненна.

Главное состоит в том, что Российское самодержавное государство не было тюрьмой народов, как это довольно часто представляли идеологи советского периода. Российское государство не было и колонизаторским по типу западных колоний, как это часто представляется западниками и анти-евразийскими теоретиками: самодержавная Россия по всей своей территории была поделена на губернии, где осуществлялось единообразное государственное управление, но также велика была роль общественного самоуправления на местах. И.В.Тимошкина пишет: «Согласно российской традиции, земля делилась на равные доли по числу душ в общине. Каждый общинник, имея земельный пай, не мог продать или заложить его. Члены общины помогали друг другу, сообща осваивали различные способы и виды работ, вместе создавали новые орудия труда. Все это способствовало укреплению стабильности и повышению продуктивности сельскохозяйственного производства» [242, с.122]. Мы считаем, что такой образ жизни создавал особую природно-социальную, духовно-нравственную и экономическую основу самоуправления людей на местах.

Мы согласны с Б.Н.Кагировым, который отмечает, что русский менталитет (определивший также развитие самобытных социально-правовых идей) формировался в течение длительного времени археэволюционной и исторической эры на огромных просторах России–Евразии, где образовался российский многонациональный суперэтнос, ядром которого стал русский народ. Русский менталитет, несомненно, имеет свою специфику, которая обусловлена культурно-историческими и природно-географическими условиями бытия россиян [107; 90; 208]. Российский тип менталитета определяется: во-первых, это огромные евразийские пространства Родины–России, на которых живут русские люди, а также другие (более ста) коренные народы России–Евразии; во-вторых, удивительное многообразие природных и социальных условий, в которых человек не может действовать по жестко установленным законом правилам (как это имеет место, например, в «выстроенном и ухоженном» европейском доме) [107; 94].

Так объективно сложилось в истории, что живое растущее российское государство Нового времени удивительно точно «почувствовало» невидимые грани куль-

турных миров – западной романской и славянской частей Европы, севера Евразии, юго-востока Азии, Средней и Передней Азии. Не разрывая уже сложившиеся государственные общности Европы, Передней Азии, Востока, Россия, двигаясь от Московии, вновь сформировала свое государство на территории проживания многих народов, объединенных общим – северо-евразийским культурным образом жизни. Именно поэтому мы и можем говорить о сопоставимости государственной и этнокультурной жизни в пространстве России–Евразии. Этот термин в данном контексте имеет смысл того, что Россия – это и не Европа, и не Азия в чистом виде, она занимает срединное евразийское природно-географическое, этнокультурное и социальное пространство между культурными мирами Европы и Азии, Запада и Востока. Именно поэтому Россия, по выражению евразийцев – «Евразия или Азиопа» [81; 90; 208].

Естественно, что на жизнь российской цивилизации оказывают воздействие другие культуры, прежде всего – Запад и Восток: «Они сегодня активно проникают, ассимилируются людьми и на постсоветском пространстве России. Но с другой стороны, даже ассимиляция культур Запада и Востока в России осуществляется по-своему, на базе специфики российской традиции. Эта специфика, в свою очередь, обусловлена таким качеством социальной жизни нашего государства, как российский менталитет, который в целом представляет собой генетически обусловленный строй психики и сознания человека, обладающий высокой степенью самодостаточности, существующий в особых природно-географических и социально-культурных условиях» [89, с.73; 122].

Можно опереться на исследования Л.Н.Гумилева, который считал, что этнос – это явление не только социально-культурное, но и географическое, всегда связанное с ландшафтом, который кормит приспособившихся к нему людей и развитие которого, в то же время, зависит от особого сочетания природных явлений с социальными и искусственно созданными условиями. Он подчеркивал психологическое своеобразие этноса, считая, что это сообщество людей, которое противопоставляет себя всем другим коллективам не из сознательного расчета, а из чувства комплементарности и подсознательного ощущения взаимной симпатии и общности людей, определяющего противопоставление «мы и они» [107; 69; 70; 212].

Г.Гачев отмечает, что Россия – «Мать-сыра земля», то есть водо-земля по составу стихий. И она – «бесконечный простор»…Россия-Мать рождает себе Сына – русский народ» [60, с.206]. Ученый пишет: «Итак, в русском Космосе три главные агента Истории: Россия=Мать-сыра земля, а на ней работают два мужика: Народ и Государство-Кесарь. И оба начала ей необходимы» [60, с.208]. Полагаем, что автор, таким образом, показывает неразрывную связь человека, народа и государства, которая носит естественный российско-цивилизационный характер.

В русской цивилизации, чтобы выжить, человек не может быть интравертным, обращенным в себя (как на Востоке), вынужден действовать экстравертно, взаимодействуя с внешним миром, по ситуации, быстро, умело, эффективно. А это по необходимости вырабатывает системное, синтетическое, творческое, практичное сознание и мышление, формирует «живое знание» жизни, обладающее мощным потенциалом мысли и действия. В итоге в XVII–XIX веках именно это сформировало русскую научную и философскую мысль, как собственное социокультурное явление евразийского характера. Россия может и должна выстраивать «Свою» философию, общую теорию, стратегию и тактику управления на макро- и микроуровнях социальной организации. При этом цели, задачи и решения необходимо выстраивать последовательно: от первых оснований, наиболее сущностных, – к последующим, вплоть до учета конкретных условий и явлений жизни [107]. Б.Н.Кагиров отмечает закономерность, которая может быть применена нами к рассмотрению цивилизационной специфики понимания человека в праве и его прав в социуме. Это определенная логика управления обществом и человеком в разных цивилизационно-культурных системах с позиций отношений «Свой – Чужой», в том числе, политико-правового управления. Она включает следующие позиции: 1) системно-эволюционное основание – природная саморегуляция процессов в сложных системах любой природы под действием внутренних и внешних факторов; 2) исходное общесоциальное «надкультурное» основание – корневые природно-фундаментальные смыслы и закономерности социального управления в обществе соответствующего типа; 3) цивилизационное основание – социально-фундаментальные смыслы и закономерности, имеющие различия в ментальных типах управления России, Востока и Запада; 4) закономерности и специфика определенных исторических этапов социального управления;

5) разработка основ специфически «своего» управления в данной цивилизационной и социально-культурной обстановке; 6) закономерности и результаты взаимодействия разных ментальных типов управления в определенное историческое время; 7) появление гибридных реальных форм управления в той или иной социальной системе, но с необходимостью осмысления, выявления и сохранения «Своего» ядра в управлении, чтобы не потерять собственной самоидентичности и индивидуальности и не исчезнуть вовсе; 8) налаживание управленческих взаимодействий в экосистемном ключе, во взаимодействии с другими «Своими», гибридными или Инокультурными системами управления в реальном глобализирующемся социальном мире [107, с.103; 90].

В значительной мере евразийские идеи воплощаются в современной концепции духовно-экологической или ноосферной, цивилизации, ноосферизма (В.И.Вернадский, А.А.Зиновьев, А.В.Иванов, А.А.Ивин, В.П.Казначеев, Н.Н.Моисеев, А.И.Субетто, И.В.Фотиева, М.Ю.Шишин и др.) [55; 91; 92; 93; 94; 228]. Важной составляющей этой цивилизационной концепции оказывается право как система законов, законодательство, поскольку принципиально важно, каким правом в данном случае будет пользоваться человек в своей жизни и что оно ему может дать для осуществления насущных потребностей. Концептуально-мировоззренческой основой подобного права, по мнению И.В.Тимошкиной [242], оказывается целостное (холистическое) философско-правовое мировоззрение. «В отличие от права техногенно-потребительской цивилизации, право духовно-экологической цивилизации в иной плоскости рассматривает социальную справедливость, а именно, в контексте приоритета общего блага. Исходя из этого, оно не гипертрофирует в себе частно-правовую форму правового регулирования. Уделяя ей должное внимание, право все же провозглашает оптимальное сочетание частной и публичной форм» [242, с.104]. В основе своей – это соотношение и взаимное согласование прав и обязанностей человека по отношению к обществу, государству, а также соблюдение прав и обязанностей государства по отношению к людям труда как главной части населения страны.

«Не случайно идеалом духовно-экологической цивилизации и всех ее социальных феноменов выступает общинное и соборное единение, ориентированное на

необходимость согласованного бытия людей в обществе. При таком понимании конструктивных основ правовой организации общественной жизни становятся возможными подлинная хозяйственная кооперация, публичная служба, правопорядок. Подчинение права интересам общего блага вовсе не означает тотального господства над индивидом, подавления духовно-личностного начала социальным. Предельность субъективного фактора лишь означает применение воли человека в отношении самого себя. Право духовно-экологической цивилизации создает особое социально-конструктивное пространство, обладающее, по мнению А.Ф. Закомлистова, не только рациональной стройностью, но и социально-этической полнотой или красотой. Подобное право указывает на то, что каждый индивидуальный поступок должен иметь глубоко нравственную общесоциальную направленность, соответствовать требованиям общего блага» [242, с.104-105]. Таким образом, евразийство в его изначальном варианте описывает и обосновывает природно-географическую, социокультурную и цивилизационную специфичность и идентичность цивилизации России–Евразии (между Европой и Азией).

Необходимо подчеркнуть, что и в советский период развития нашего государства, вопреки утверждениям ряда либерально настроенных политиков, обвиняющих государственное устройство СССР в тоталитаризме, в непризнании прав человека, в жестком диктате государства над личностью, следует обратиться к правовой реальности, чтобы показать иное положение дел. Так, исследование Основного закона страны – Конституции СССР 1977 года как Конституции развитого социализма – дает нам совсем иную картину взаимоотношений трудящегося человека и государства, а также соотношения прав, свобод и обязанностей человека и гражданина в СССР [4], которая вполне согласуется с идеями бытия России–Евразии.

А именно, рассмотрение Конституции СССР [4] показывает, что в ней имеется 8 основных разделов, из которых первый посвящен основам общественного строя и политики СССР, а следующий за ним, второй ведущий раздел конституции – «Государство и личность». Данный раздел включает две главы: Глава 6. Гражданство СССР. Равноправие граждан; Глава 7. Основные права, свободы и обязанности граждан СССР – всего 34 статьи (статьи, с 35 по 67).

Из этих глав, правам и свободам гражданина, трудящегося человека посвящено 24 статьи (из них 6 статей – статьи с 33 по 38) касается гражданских прав и свобод личности (глава 6). Кроме того, в первом разделе Конституции СССР гарантируются экономические права личности (ст. 13 – право личной собственности; ст.17 – право индивидуальной трудовой деятельности) и общекультурные права личности (ст. 20 – право на «расширение реальных возможностей для применения гражданами своих творческих сил, способностей и дарований, для всестороннего развития личности»). А в восьмом разделе «Высшие органы государственной власти и управления СССР» есть несколько статей, гарантирующих права граждан в процессе следствия, судебных разбирательств (ст. 156, 158, 160, 57), прописаны права представителей государственных органов – судей, депутатов и др. (напр., ст. 105, 106, 113, 117, 118, 154 [4]).

Основные права и свободы граждан, прописанные в Конституции: равноправие всех граждан СССР (ст. 33, 34, 36); «гражданам СССР гарантируется неприкосновенность личности»; охраняются законом личная жизнь граждан, тайна переписки (ст. 54, 56); гарантируется социальное равноправие женщин и мужчин (ст. 35); «граждане СССР обладают всей полнотой социально-экономических, политических и личных прав и свобод, провозглашенных и гарантируемых Конституцией СССР и советскими законами» (ст. 39); право на труд (ст. 40); право на отдых (ст. 41); «право на охрану здоровья. Это право обеспечивается бесплатной квалифицированной медицинской помощью» (ст. 42); «право на материальное обеспечение в старости, в случае болезни, полной или частичной утраты трудоспособности, а также потери кормильца» (ст. 43); право на жилище и на неприкосновенность жилища (ст. 44, 55); право на образование, в том числе, «Это право обеспечивается бесплатностью всех видов образования, осуществлением всеобщего обязательного среднего образования молодежи» (ст. 45); право на пользование достижениями культуры (ст. 46); свобода научного, технического и художественного творчества (ст. 47); гарантируются свободы: слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций. свобода научного, технического и художественного творчества (ст. 50) и т.д. [4].

Особо отметим, что ключевое значение имеет статья 59, где указана неразрывная связь прав, свобод и обязанностей членов общества, граждан СССР: «Осуществление прав и свобод неотделимо от исполнения гражданином своих обязанностей».

Соответственно, в Конституции СССР четко определены *обязанности* граждан (глава 7, ст. 60 – 69), кроме того, ст.31 – обязанность защиты Отечества и всеобщая воинская обязанность; ст. 104, 107 – обязанности депутатов.

Очень важно, что в Конституции СССР содержится ряд статей, определяющих *обязанности общества, государства* перед своими гражданами. Прежде всего, это глава 3. Социальное развитие и культура (статьи 21, 23–27, 32): охрана условий труда (ст. 21), повышение оплаты труда, реальных доходов населения (ст.23), развитие государственных систем «здравоохранения, социального обеспечения, торговли и общественного питания, бытового обслуживания и коммунального хозяйства» (ст.24), существование и совершенствование единой системы народного образования (ст.25), планомерное развитие науки, подготовка научных кадров, внедрение достижений в практику (ст.26), забота «об охране, преумножении и широком использовании духовных ценностей для нравственного и эстетического воспитания советских людей, повышения их культурного уровня», всемерное поощрение, «развитие профессионального искусства и народного художественного творчества» (ст.27) и др. [4]. В целом анализ основного закона Советского государства показывает, что в СССР продолжалась традиция патернализма в отношениях человека и общества, хотя и в иной социально-политической форме.

В постсоветский период многие положения Конституции СССР, касающиеся прав, свобод человека и гражданина, были сохранены. Но в то же время имеют место и принципиальные отличия. Так, Российская Федерация, с опорой на международные правовые акты о правах и свободах граждан, прежде всего на «Всеобщую декларацию прав человека» [1], все же отошла от диалектического принципа соразмерности прав и обязанностей граждан в обществе. Об этом свидетельствует тот факт, что данным вопросам посвящена специальная глава – *глава 2 «Права и свободы человека и гражданина»*. В самой главе исчезло упоминание об обязанностях, долге человека перед другими людьми и обществом, что в целом характеризует односторонний западоцентристский эгоцентричный подход к проблеме прав человека. В самой главе, содержащей 47 статей, 45 статей посвящены правам и свободам человека и только 5 – обязанностям (ст. 57 – 60 и 62). Это свидетельствует о значительных инокультурных заимствованиях в правотворчестве РФ, вопреки собственным социокультур-

ным и цивилизационным традициям. Но в целом мы считаем, что и постсоветское цивилизационное культурно-географическое пространство следует отнести к северо-евразийскому миру, а внутри него выделить, с одной стороны, социокультурную специфику отдельных северо-евразийских стран СНГ и Монголии, а с другой – их социогенетическое родство (как единого культурно-географического и цивилизационного жизненного мира славянских, тюркских, угро-финских, северных и монголо-буддийских народов). Мы полагаем, что разработка северо-евразийской концепции в условиях XXI века необходима для понимания главных принципов отношения государств в системе евразийских цивилизационных миров Запада, России, Востока и сопредельных государств.

Заключая данный параграф, отметим, что проведенное исследование показало наличие несомненной специфики российской философской, социокультурной и правовой мысли. Русская социально-правовая традиция не менее фундаментально обоснована и разработана, чем западная традиция. Ментально она более согласуется с восточной традицией, но значительно более разработана в теоретико-философском аспекте, начиная с Нового времени. Главный смысл отечественной эволюционно-культурной, философской и социально-правовой мысли заключается в обосновании изначального онтологического и социального единства веры и разума, человека и социума, что накладывает на личность высокую ответственность перед миром за свои поступки, в которых мера свободы, мера нравственности и мера ответственности должны быть согласованными, паритетными. Эгоцентризм и бездушие к людям в системах социально-правового управления, при их гуманистическом толковании, есть гордыня как греховное начало в человеческой сущности, которое вносит деформации и в социальную жизнь людей. Переводя эти мысли на современный язык (что отмечает значительная часть отечественных философов права и правоведов – Н.Н.Алексеев, И.В.Борщ, П.П.Глущенко, Э.В.Кузнецов, В.С.Нерсесянц, И.В.Тимошкина и др.) [48; 64; 133; 179; 242] означает, что *не может быть прав и свобод без обязанностей и ответственности*, и *эти диалектические противоположности* человеческого понимания и деятельности *должны быть сбалансированы и согласованы*. В этом заключается социально-философская и философско-правовая сущность «места человека в праве и прав человека» [122] в отечественной традиции.

Завершая первую главу, отметим, что проблема прав человека не может быть полноценно рассмотрена лишь на базе взглядов последних десятилетий или только на основе концепций какой-либо одной из цивилизаций и ее правовой культуры, пусть даже значительно развитой, например, западной. Для разностороннего понимания данной особо актуальной проблемы необходимы широкие сравнительные подходы: социально-культурный, цивилизационный, диалектический, системно-философский, которые и были применены в данной главе.

Проведенное нами исследование показало следующее [129]. Эволюция проблемы человека в праве имеет свою социально-историческую и диалектическую основу. Данная проблема появляется и развивается не случайно, а постепенно и последовательно, в связи с чем, ее понятийный аппарат также следует рассматривать с указанной позиции. В истории человечества вначале появляется протоправо, затем древнее право первых цивилизаций, где главной, безусловно, является социальная общность (род, племя, первые государства), а человек еще мыслится лишь как элемент-объект данной общности. Судьба человека напрямую зависит от целостности, сохранности, здоровья самого социума. На этом этапе даже в ранних цивилизациях-государствах, видимо, следует говорить лишь о правовом социоцентризме и элементно-объектном отношении к человеку в таком протоправе или праве первичных социальных систем-государств. Лишь со временем, по мере развития субъектной сущности людей и все более глубокого осознания своего места и роли в обществе формируется человек, как относительно самостоятельный субъект определенных правовых отношений. С этого времени появляются теоретические и практические аспекты нового социально-правового мировоззрения – в виде человека в праве. И лишь в процессе дальнейшего понимания личностью своего ключевого места и роли в общественной жизни и в связи с этим – своего особого правового положения, начинает не только теоретически, но и практически рассматриваться проблема прав человека, относящаяся лишь к XX-XXI векам [129, с.64]. Кроме того, цивилизационный анализ данной проблемы показывает, что ранее всего она выделяется и определенным юридическим образом решается в западной цивилизации. В общемировоззренческом плане, проблема прав человека предстает как проблема правового гуманизма. В традиционных цивилизациях Востока (Индии и Китая) и России (рассматриваемых в диссертации) данный

этап формирования прав человека наступает позже, в значительной мере инициируется западным цивилизационным подходом примерно с середины XX века. Это имеет позитивное межкультурное значение для развития правового гуманизма. Однако проведенное исследование показало и принципиальное цивилизационно-культурное различие правового гуманизма в разных традициях. Если западный гуманизм имеет преимущественно эгоцентричный характер, с индивидуалистически-частным подходом в праве и правам человека (что соответствует третьему эволюционному этапу развития данной проблемы), то российский и восточный (индо-китайский) гуманизм в своей основе содержит идеи этико-правовой гармонии личностей, постоянно взаимодействующих в сложной социальной реальности. Поэтому безусловно позитивный процесс интеграции идеи прав человека на государственно-традиционной и международной основе требует дальнейшего специального пристального рассмотрения и сравнения ее цивилизационных оснований в отношении вопросов человека в праве и прав человека на Западе, Востоке и в России [129, с.64-65]. Отметим, что именно в России осуществлен разносторонний концептуальный анализ диалектики прав и обязанностей, свободы и ответственности личности (как основы четвертого этапа эволюции проблемы прав человека), а также баланса отношений между человеком и государством. По нашему убеждению, здесь еще предстоит значительная интеллектуальная и практическая работа.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время проблематика прав человека приобрела статус интегрального направления юридических, философско-правовых и социально-философских исследований не только на уровне отдельных стран, но и в международных масштабах. Такая проблематика является важной для дальнейшего развития теоретического и отраслевого правоведения (А.Х.Саидов, Л.И.Глухарева и др.), а также для социально-философского осмысления возникающих вопросов [215; 216]. От верного решения социокультурных аспектов проблемы прав человека во многом зависят не только судьбы отдельных людей с их законными правами, но и судьбы целых государств, международных отношений, где вырабатываются определенные позиции в отношении к человеку – элементу любой социальной системы. Анализ этих современных идей будет осуществлен нами во второй главе диссертации.

ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ИДЕЙ И РЕАЛЬНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ ОРГАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

2.1. Системно-диалектический анализ трансформаций прав человека на пути к глобальной цивилизации

Предметом социально-философского рассмотрения в данном параграфе является общий путь эволюции «права, человека в праве и прав человека» [130] на пути к глобальной цивилизации, но с учетом цивилизационной специфики Запада, Востока и России. Осуществленный нами философский анализ показал, что наиболее продвинутой оказались теория и практика по вопросам прав человека в западной цивилизации. Именно на Западе идеи политической и правовой свободы личности обосновывались, начиная с Нового времени. Практически концепция естественных прав впервые была законодательно закреплена английским парламентом в Билле о правах 1689 г. Именно на Западе было юридически закреплено общество свободных граждан [124.1, с.64; 126, с.89-90].

Часть приводимых ниже результатов данного параграфа опубликована нами в статьях [124.1, с.63-66; 126, с.89-91], где показано, что главные достижения в развитии концепции прав и свобод человека и гражданина, а также их юридического закрепления не только в правовых системах отдельных государств, но и на международном уровне, происходят уже со второй половины XX в. В это время формирование международного права шло в основном путем интеграции основных законов многих европейских государств. Как отмечают М.М.Бринчук, Н.А.Воронина, В.А.Карташкин Р.В.Киселев, Н.С.Колесова, Е.А.Лукашева, Н.Г.Салищева, А.С.Туманова, в соответствии с юридической базой и концепциями западной традиции, на международном уровне, сформировались два основных направления в данной проблеме: личные права человека, в основном направленные на обеспечение свободы от противоправного вмешательства государственной власти; социальные права личности с притязаниями на обеспечение и осуществление интересов индивида с помощью государственных действий [111; 185; 199]. Как отмечено нами в соответствующей статье [124.1], правовое положение личности складывается в области

отношений «общество – государство – личность», где личность в рамках общества добивается максимальных свобод, а в политической системе государства – максимальных прав, и чем больше эти полномочия, тем более свободной считается личность. В XX–XXI вв. стало общепринятым, что права и свободы человека – это те универсальные правовые ценности, для которых характерно установление единых международно-правовых стандартов в области охраны прав личности.

Конечно, современное человечество может гордиться тем, что исконные желания людей обрести свободу – в современном мире воплотились в ряд важнейших международных документов. Главный их них: «Всеобщая декларация прав человека», которая после бурного и длительного обсуждения в окончательной редакции была поддержана 48 странами на 183-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН (Париж, 10 декабря 1948 г.). При этом Белорусская ССР, Украинская ССР, Союз ССР, Чехословакия, Польша, Югославия, ЮАС и Саудовская Аравия воздержались при голосовании [225]. В целом необходимо подчеркнуть, что текст Декларации является первым глобальным определением прав, которыми обладают все люди. И хотя декларация имела лишь статус рекомендации, но на её основе были приняты два документа, обязательных для участников договора. Это «Международный пакт о гражданских и политических правах», «Международный пакт о защите прав человека и основных свобод» и «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах» [6; 7; 8]. К концу XX века значительная часть государств мира, в той или иной мере, стала руководствоваться приоритетом прав и свобод человека и гражданина, что позволило решать ряд весьма сложных политических и правовых вопросов.

Однако для нас важно отметить, что уже при принятии Декларации возник ряд вопросов, послуживший основой того, что часть стран воздержалась от утверждения текста документа. Так, представитель Югославии отмечал, что концепция в целом выстроена на индивидуалистической основе и игнорирует принцип коллективизма в балансе отношений человека и коллектива, общества, что в результате в данной концепции права человека противопоставляются государственной власти. Ряд молодых африканских и латиноамериканских государств, бывших колоний, высказывались за более радикальное расширение прав человека, а западные страны, напротив, пыта-

лись сдерживать эту инициативу. Представитель СССР А.Я. Вышинский в своей речи по дискуссии по голосованию Декларации отметил ряд проблемных трактовок документа (состоящего из 31 статьи) – в статьях 4, 14, 20, 21, 23, 28. Замечания в целом сводились к следующим пунктам: права и свободы важны не только сами по себе, изолированно от общества, а как средство реализации высших ценностей совершенства личности, «общественного блага, интересов народа»; игнорируются суверенные права и интересы государства, консолидирующего всю общественную жизнь; отрицается автономность права, преобладает «формально-юридический подход» безотносительно к социальному прогрессу; отсутствуют юридические ограничения для «вредных для общества» идеологий и движений – типа фашистских; безусловный примат позитивных прав индивидуалистического толка по сравнению с гражданскими и политическими свободами [225].

Таким образом, можно констатировать несомненный прогресс в обеспечении прав человека на международном и даже глобальном уровне социальных отношений в XX–XXI вв. Однако до сих пор существует и ряд спорных вопросов и проблем в обеспечении всеобщего согласия в отношении концепции прав и свобод человека и гражданина. Отметим те позиции, которые, по нашему мнению, до сих пор еще не нашли своего решения и требуют раскрытия глубинных оснований ряда имеющих место противоречий. Мы солидарны с Г.К. Искаковой, которая акцентирует внимание на том, что «остаются достаточно существенными различия между Западом и Востоком в понимании прав человека… они *неуниверсальны* как реальное объективное проявление для стран, не ратифицировавших этот документ (Декларацию – *прим. Н.К.*)» [101, с.36]. На этом пути возникает ряд серьезных вопросов: «Как могут обеспечиваться права человека в мире и обществе, характеризующемся многообразием культур? Как добиться признания и равного уважения культурного многообразия и целостности в условиях все большей интеграции мирового сообщества?» И далее автор справедливо подчеркивает: «При поиске ответов на эти вопросы важно учитывать отмеченные нами процессы как *глобализации* (в форме международно-правовых стандартов), так и *регионализации* (в форме признания и уважения особенностей региона и образующих его государств)» (*курсив наш – Н.К.*) [101, с.37].

Далее Г.К.Искакова пишет, что начиная с последней трети XX в. получила широкое распространение концепция культурного релятивизма, в соответствии с которой общечеловеческие ценности носят далеко не всеобщий характер и существенно варьируют в зависимости от различий культур. Политики и ученые ряда восточных стран определяют категорию «права человека» как явление, характерное лишь для западных обществ и не соответствующее национальной культуре, традициям (например, конфуцианству), религиям (например, исламу) восточных обществ, а значит права человека относительны, а не всеобщи. «Страны Афро-азиатского региона, критикуя принцип универсальности прав человека, считали, что он отражает лишь европейские ценности и не учитывает национальные, религиозные, исторические особенности каждого государства или группы государств… Особо критически к концепции универсальности прав человека отнеслись представители Китая, Кубы, Индонезии, Сирии, Пакистана» [101, с.37-38].

Е.А.Лукашева и В.А.Карташкин указывают: «Заключая международные соглашения по правам человека, государства добровольно отказываются от части своих суверенных прав в этой сфере и передают их международным органам, которые наделяются полномочиями “вмешиваться” в их внутренние дела» [185, с.312]. Но в то же время: «Большинство норм, относящихся к правам человека, тесно связано с политикой, идеологией, социально-экономическим строем государства, его национальными, историческими и иными особенностями. Поэтому при разработке таких норм противоречия и столкновения различных мнений приобретают зачастую острый характер и сторонам не всегда удается выработать взаимоприемлемые формулировки и положения» [185, с.313]. В частности, выражается отрицательное отношение некоторых стран к социально-экономическим правам, которые de jure равны, а de fakto резко различны [124.1, с.65-66; 126, с.89-91]. Считаем, что на данные важные мысли ведущих отечественных специалистов необходимо обратить внимание и с позиций социальной философии. Сложности в решении практических вопросов данной проблемы связаны также с тем, что в законодательных актах и международных документах отсутствует определенная иерархия прав человека, отраженная в нескольких классификациях по разным основаниям (признакам). По мнению Е.В.Аграновской, О.А.Липинь, Е.А.Лукашевой, при этом усложняются проблемы

имплементации в процессе его фактической реализация международных обязательств на внутригосударственном уровне, а также конкретный способ включения международно-правовых норм в национальные правовые системы [197].

В целом мы можем констатировать наличие противоположных процессов, которые актуализируются в современной теории и практике прав и свобод гражданина и человека на глобальном и региональном уровнях. С одной стороны, это усиление унификации декларируемых прав и свобод личности, а с другой – все большее проявление региональных различий, нарастание социокультурных противоречий в области прав человека. Это повышает значимость дальнейшего углубленного изучения данной проблемы на более широком – социально-философском уровне, с использованием научно-философской методологии. Поэтому далее мы применим к рассмотрению проблемы диалектическую методологию [128].

Поскольку правовые отношения составляют особую сферу жизни общества как сложной макросоциосистемы (государства с точки зрения политической организации или страны с позиций территории проживания социальной общности – населения страны, народа, нации), то организующая сущность правовой сферы определяется той социальной системой, в которой право формируется, развивается и действует. Правовые идеи закрепляются в основных нормах существования людей в социуме [17; 60; 178; 204; 235; 252; 253; 289]. Соответственно, правовая сфера представляет собой *часть* (*подсистему*) соответствующего социума и отражает в себе главные свойства существования страны, ее цивилизационную специфику в аспекте законодательного управления жизнью данной социосистемы. То есть, когда речь идет о рассмотрении *только правовых отношений* в частно-научном знании, широко применяется термин «*правовая система*». Однако с более общих социально-философских позиций, если *за основу принято рассмотрение* общества (государства) как *целостной макросоциосистемы*, то *правовую сферу* в ее составе следует рассматривать *как подсистему* такой *макросоциосистемы государства*. При этом необходимо учесть, что *особенности подсистемы (в том числе правовой) определяются спецификой той макросоциосистемы страны, в которой данная подсистема развивается и функционирует*. В частности, можно констатировать, что в концепции прав и свобод человека (которая вышла на международный уровень и с его высоты

воздействует на правовые подсистемы стран, принадлежащих к разным цивилизациям), прежде всего, отражена специфика западной правовой сферы как подсистемы стран западной цивилизации.

Также отметим, что социальная система каждой отдельной страны относится к типу активных, открытых, живых систем окружающего мира и отражает в себе всеобщие свойства таких систем. Она подчиняется всеобщим системным закономерностям, которые отражаются в современной системно-философской картине мира и в системно-философском подходе к познанию больших сложных систем. Но в отличие от систем живой природы, социальные системы обладают несомненной спецификой. Они являются носителями сознания: общественного (для системы в целом) и индивидуального (для элементов такой системы – людей). С этим связаны особенности проявления общих системных закономерностей в социуме, а также диалектических закономерностей его развития и/или разновекторного преобразования.

Системно-философское изучение общества в его динамике и преобразованиях требует применения диалектической и системной методологии. Можно сослаться на современные труды таких специалистов, как П.В.Алексеев, Р.Г.Апресян, В.С.Готт, А.А.Гусейнов, Э.Г.Виноград, А.В.Иванов, М.С.Каган, Е.Н.Князева, В.А. Лекторский, Э.С.Маркарян, С.Т.Мелюхин, А.А.Печенкин, А.Я.Райбекас, В.Н. Садовский, Э.П.Семенюк, В.С.Степин, А.И.Субетто, Ю.А. Урманцев, А.Д.Урсул, Е.В.Ушакова, А.П.Шептулин, Б.Г.Юдин, Э.Г.Юдин и др. [24; 34; 66; 74; 157; 158; 181; 227; 246; 249; 256; 275]. Исследования общества с системно-философских позиций, как отмеченных ведущих ученых, так и ряда других специалистов, позволяют нам использовать полученные результаты для изучения нашей диссертационной темы, применить имеющиеся результаты, к еще мало исследованным в данном аспекте, вопросам прав человека. Полученные результаты могут обладать новизной, необходимой для решения задачи диалектического анализа проблемы прав человека с позиций соотношения прав и обязанностей, свободы и ответственности субъекта [122; 131] на уровне государств в контексте правовой культуры и культуры прав человека [129].

В плане социально-философского рассмотрения, совокупность правовых отношений составляет особую сферу жизни общества (страны), в которой на рациональной основе закреплены основные нормы жизнедеятельности людей в обществе в ви-

де совокупности (свода) законов, или законодательства социосистемы. Каждый человек как элемент данной системы (государства, страны), существуя в определенной социосистеме, подчиняется ее законам, нормам права. С позиций диалектики категорий части и целого, единичного и общего, право человека – это часть, а право всего общества – это целое. *В праве социосистемы: государственное право есть целое, а человек в праве – часть, или элемент социосистемы и его правовой подсистемы*. Соответственно, *правà человека* – важная, но *часть* существующего *общего права определенной социосистемы*. Следовательно, правà человека на государственном уровне, как часть правовой организации конкретного социума (страны), встраиваются в соответствующую систему законодательства определенного государства, его государственной власти и управления.

Далее. Если мы говорим о соотношении элемента в системе и системы как целого, то нам также следует опираться и на общесистемные закономерности организации систем, на структурно-динамические отношения внутри системы. Сущность отмеченных отношений сводится к тому, что каждый элемент системы связан с ней множественными структурно-динамическими взаимодействиями. В обществе каждый элемент (человек) связан со сложноорганизованной целостностью (системой страны) разнообразными связями, отношениями, взаимодействиями.

С учетом того, что в научно-философской литературе категория «система» определяется неоднозначно, анализируется с разных позиций, что существует не менее сорока разных определений системы (В.Л. Алтухов и др.) [24; а также 181; 219; 228; 236; 249], мы не будем углубляться в данную специальную тему. Используем то определение системы, применяемое в общенаучной картине мира, которое в наибольшей мере подходит для исследования правовых проблем человека (как элемента общества) и общества (как сложной активной социальной системы). Е.И. Тарасова и Е.В. Ушакова пишут: «Активная (открытая, живая) система – это целостный объект, который характеризуется следующим: состоит из элементов; связь элементов образует структуру; внутренние движения элементов и подструктур в системе формируют функции и общее функционирование системы; способен к самодвижению (саморазвитию и самораспаду); имеет форму и размеры; собственную

границу с окружающей средой; имеет обмен веществом, энергией и информацией с окружающей средой» [236, с.48].

От общего понимания системы далее мы можем перейти к пониманию социальной системы (для нас важна, прежде всего, макросистема «страна» с ее политической формой государства), далее – правовой подсистемы, в том числе, прав человека. Предложим следующее определение: Социальная система – это целостный социальный объект, который: состоит из элементов – людей как членов данного общества; устойчивые социальные связи множеств людей формируют социальную структуру; социальные взаимодействия в обществе образуют основные типы социальных отношений (материальных, идеологических) и в целом внутреннюю социальную динамику; социосистема способна к прогрессивному и регрессивному самоизменению; страна имеет свое географическое положение, форму территории и границы; осуществляет разнообразный социальный (материальный, духовный, информационный) обмен с другими социосистемами, а также постоянный обмен с окружающей природной средой. Далее перейдем к анализу правовой подсистемы.

Правовая подсистема как часть системы общества (страны) обладает рядом признаков социосистемы в целом: включает элементы – людей как правовых субъектов; динамику внутригосударственных правовых отношений; переходные процессы в праве страны, связанные с его деградацией или совершенством; территорию, на которой действует данная правовая система – законодательство страны, ее реальные границы; разнообразные правовые взаимодействия данной государственно-правовой системы с другими внешними (по отношению к государству) правовыми подсистемами. Отличие системы и ее подсистемы состоит в том, что подсистема формируется внутри определенной цивилизационно-культурной социосистемы и подчиняется законам данной системы; а элементы подсистемы являются одновременно элементами всей системы с вычленением одного из признаков элемента, характерных для подсистемы (*например*, человек в социосистеме – это сложный материально-духовный организм, а в правовой подсистеме человек-элемент – это лишь правовой субъект, в котором на время остальные признаки данного социального элемента не учитываются). Для дальнейшего исследования нам важно выявить основные типы взаимодействий социосистемы (страны в форме государства) и ее элементов – людей.

На базе системно-философского подхода и диалектических категорий части и целого, выделим *основные типы элементно-системных взаимодействий по признаку их баланса или дисбаланса*, которые отражают сбалансированные (наиболее жизнеспособные) или несбалансированные (противоречивые, порой конфликтные) отношения элементов и системы. Соответствующие характерные отношения элементов и системы в итоге определяют диалектику баланса или дисбаланса всей социосистемы (состоящей из подобных элементов). Далее эти выявленные диалектические отношения применим к анализу особенного – социальной системы. В итоге выведем аналогичные отношения для социальной подсистемы (правовой сферы как особой подсистемы социума), чтобы рассмотреть типы системно-диалектического баланса или дисбаланса прав и обязанностей, социальной свободы и социальной необходимости, свободы и ответственности субъекта в обществе.

Последовательно рассмотрим диалектику элементно-системных отношений на следующих трех уровнях: I – общесистемный уровень; II – уровень социосистемы; III – уровень правовой подсистемы социума. Укажем крайние типы таких отношений, нарушающих баланс в системе, а также срединный тип, формирующий баланс существования системы.

I. Общесистемный уровень.

1. Если между элементами в структуре системы преобладают жесткие потенциальные связи, то вся система в целом оказывается прочной и относительно пассивной, «жестко-кристаллической». *Например*, при таких системно-элементных отношениях в неживой природе формируются кристаллы, а в живой природе – очень малоподвижные формы и их твердые (скелетные) структуры; в обществе – это застойные явления, его стагнация, которая может послужить причиной деградации.

2. Если между элементами в структуре системы существуют относительно сбалансированные потенциально-кинетические, структурно-динамические взаимодействия, то система оказывается лабильной, способной к самоизменению, живой и жизнеспособной, а ее элементы становятся высоко функциональными в общей организации данной системы. *Например*, такой баланс потенциально-кинетических взаимодействий характерен для живых – активных, открытых – биологических и

социальных систем, способных к самопреобразованию и развитию; в обществе – это процессы социального развития и совершенства.

3. Если элементы в структуре системы приобретают очень высокую кинетическую энергию (степень свободы) и утрачивают потенциальные связи с системой, то нарушается и разрушается структура системы, а также вся система. При этом бывшие элементы данной системы оказываются в состоянии свободного (по отношению к бывшей системе) движения, т.е. «свободными», но бессистемными (уже не принадлежащими к исходной системе) [192; 193]. *Например*, отдельные молекулы в жидкости, получившие избыточную энергию при нагревании до кипения, вырываются из системы «жидкость», переходя в новое состояние пара, а в итоге вся система «жидкость» исчезает, переходя в пар; в обществе – это предельная либерализация отношений, где часть индивидов откровенно, субъективистски противопоставляет себя обществу и устоям страны.

Иными словами, могут иметь место разные типы системно-элементных отношений, которые кратко определим следующим образом:

1 тип отношений обозначим как *жестко-стагнирующий* (избыточно-потенциальный);

2 тип отношений определим как *лабильный*, самопреобразующийся, *системоразвивающий* (сбалансированный потенциально-кинетический);

3 тип отношений – свободно-элементный, или *системоразрушающий* (избыточно-кинетический), при котором элементы выпадают из исходной социосистемы.

II. Уровень социосистемы.

Аналогично, применим отмеченные типы отношений к социальным системам, но с учетом их качественной специфики. Во-первых, в элементно-структурных отношениях социосистем обязательно учитывается фактор индивидуального и общественного сознания. Во-вторых, используется присущий социальным наукам понятийный аппарат. Так, жесткие потенциальные социальные связи и взаимодействия обозначаются как *социальная необходимость*. Иными словами, аналогом понятия «потенциальная, жесткая связь элементов в структуре системы» становится понятие *жесткой социальной необходимости*, или полной *несвободы* (зависимости, эксплуатации и т.п.) человека. Высокая кинетическая энергия и свобода элементов, опреде-

ляющая выход элементов из системы, а затем и разрушение всей структуры системы, в социосистеме обозначается как предельно высокая, *максимальная социальная свобода*. В целом же диалектика потенциально-кинетических взаимодействий элементов и системы в социуме может быть описана с помощью *диалектических категорий социальной необходимости и социальной свободы*. Также отметим, что социальная необходимость, как преимущественно внешнее воздействие на человека в обществе, на уровне развитого самосознания принимает вид *социальной ответственности, социального долга* – как осознанного поведения социального субъекта.

Соответственно, обозначим разные типы элементно-системных отношений в социосистеме:

1 тип (избыточно-потенциального взаимодействия) обозначим как *социальный дисбаланс, с* выраженным *преобладанием социальной необходимости* как несвободы субъекта в обществе, что в итоге приводит к *стагнации* (приостановке развития) всего общества: предельная социальная необходимость, или зависимость, или несвобода людей в обществе в итоге оказывается *системостагнирующей*, парализует всю систему.

2 тип (баланса потенциально-кинетических взаимодействий) определим как *баланс социальной свободы и социальной необходимости, свободы и ответственности субъекта в обществе*, в целом приводящий к оптимальному развитию всего общества и личностей в нем, т.е. *системоразвивающий*: обеспечивающий оптимальное соотношение свободы и ответственности людей в обществе и полноценное развитие всей социосистемы.

3 тип (избыточно-кинетического взаимодействия) обозначим как *социальный дисбаланс, с* выраженным *преобладанием социальной свободы* элементов-людей по отношению к социосистеме, ослабляющий и разрушающий связи человека и общества, в итоге – *системоразрушающий*: предельная (избыточная) социальная свобода людей в обществе, без надлежащей ответственности перед обществом в итоге ведет к разрушению самой социальной системы, к ее распаду на отдельные части и элементы.

III. Уровень правовой подсистемы социума.

На этом уровне отношения человека и социосистемы, его социальной свободы и несвободы (зависимости) от социосистемы трансформируются в правовые понятия и в отношения в сфере (подсистеме) правовой реальности. Здесь степень социальной свободы субъекта обеспечивается его *правами*, а степень социальной несвободы, зависимости от социосистемы – *обязанностями* субъекта перед обществом, вплоть до наивысшей степени обязанностей (без надлежащих прав), приводящих к полной несвободе как *бесправию* субъекта в обществе, или к максимальному *насилию* над субъектом со стороны окружающей социосистемы.

Здесь также, по аналогии с предыдущими уровнями, выделим основные типы отношений:

1 тип, *социального дисбаланса* человека и общества, *с резким преобладанием обязанностей* человека при одновременной утрате его прав, вплоть до его полной несвободы, рабской зависимости от правящих верхов социосистемы-страны. У зависимых, бесправных людей, несущих бремя непомерных обязанностей, оказавшихся в безвыходном положении, исчезает чувство ответственности перед обществом, которое все больше их эксплуатирует. Это *тип социального бесправия человека в обществе*. Вследствие необходимого самосохранения существования людей, нарастает социальное недовольство, саморазвитие системы затормаживается или прекращается, в результате – такое общество резко поляризуется на безответственную (по отношению к населению) власть и эксплуатируемое ею большинство населения.

2 тип, *социального баланса прав и обязанностей* человека в обществе, в целом приводит к социальному оптимизму, саморазвитию социосистемы на основе единства стратегических целей руководства страны и трудящихся слоев населения, их семей путем реализации целей, в последовательно применяемых тактиках социального развития и совершенства. Это *тип оптимального соотношения прав и обязанностей человека в обществе*.

3 тип, *социального дисбаланса* человека и общества, *с резким преобладанием прав* человека при одновременном невыполнении своих обязанностей перед обществом. Абсолютизация прав субъекта при одновременной утрате его обязанностей и ответственности перед обществом, по сути, исключает его из системы совместной

созидающей социальной деятельности. Но при этом субъект наращивает свои индивидуальные эгоцентрические требования к обществу для усиления самообеспечения. Нормальное функционирование общества начинает нарушаться вследствие выпадения из сферы созидающего труда части субъектов, а притязания этих субъектов на расширение своих прав возрастают. Это *тип абсолютизации-либерализации прав человека в обществе*. Такая либерализация прав субъекта толкает его искать расширение форм самоудовлетворения личных потребностей, в том числе, за пределами страны. Развиваются либерально-эмиграционные процессы, а социальная система продвигается по пути саморазрушения.

Опираясь на выделенные типы элементно-системных отношений в социосистеме и в правовой подсистеме, мы можем отметить, что полная, абсолютизированная правовая свобода человека означает *разрыв субъекта с правом исходной социосистемы*, т.е., его неограниченную свободу, уже *не связанную* с правом данной социосистемы. Но при этом *утрачивается смысл абсолютно свободного поведения субъекта в социосистеме*, поскольку сам субъект уже теряет связь с той системой, в которой он желал получить свободу. *Полная социальная свобода в социосистеме и абсолютизация правовой свободы, либерализация прав человека в соответствующей правовой подсистеме есть абсурд*. Если же количество подобных «абсолютно свободных», либерально-правовых элементов-субъектов в системе нарастает, то вся структура системы становится неустойчивой, близкой к распаду. А наиболее яркие либеральные элементы-«правозащитники» такого рода оказываются катализаторами распада существующей социосистемы. С позиции абсолютизации социальной свободы, понимание человека как элемента исходной системы и его прав в этой системе также полностью теряет смысл (поскольку нет смысла искать прав в том, что уже утрачено).

С помощью диалектически противоположных категорий бесправия и абсолютизации прав субъектов хорошо описываются крайние позиции в переходах из «царства необходимости» – в «царство свободы» [155, т.20, с.164], то есть от первого типа элементно-системных отношений со стагнацией и умиранием системы, принимающей все более «жесткие» стагнирующие формы существования – к третьему типу элементно-системных отношений с внутрисистемными социальными конфликтами и

самораспадом от избытка свободы. Становится понятно, что именно указанные крайние типы отношений и позиций оказываются наименее жизнеспособными для всей социосистемы. С социально-философских позиций, наиболее жизнеспособным оказывается второй (средний) лабильный тип потенциально-кинетических взаимодействий, с наличием *соразмерного взаимодействия относительной социальной необходимости (объективного характера) или социальной ответственности (субъективного характера) и относительной социальной свободы*. Данные отношения подтверждают известную мысль о том, что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. В качестве антитезы либерализму, при наличии устойчиво-динамичных социальных отношений, на общесоциальном уровне проявляется *диалектика социальной свободы* субъекта в обществе *и социальной ответственности* субъекта перед обществом, или *свободо-ответственное поведение человека в обществе* [122; 131].

В социосистеме, соответственно, отмеченные выше три типа элементно-системных отношений можно обозначить следующим образом:

– в обществе первый *жестко-стагнирующий тип* предстает как *диктаторский тип* отношений (путь к полной несвободе населения и к абсолютной диктаторской власти: «мой меч – твоя голова с плеч», или ответственность без свобод);

– второй *лабильный* тип предстает как *народно-демократический самоуправляющий тип* (где мера свободы субъекта соответствует мере его ответственности перед обществом),

– третий *системоразрушающий* тип предстает как *либеральный тип* ослабления социосистемных связей (стремление субъектов к абсолютной свободе и безответственности, или свобода без ответственности).

Соответственно, исходные три типа системно-элементных отношений в *правовой* подсистеме можно охарактеризовать следующим образом:

первый тип – *безмерные (абсолютизированные) обязанности* или *полное бесправие* субъекта в обществе;

второй тип – *мера прав и обязанностей* правового субъекта;

третий тип – *безмерные (абсолютизированные) права* субъектов в обществе (здесь часто применяются термины «*правовая безответственность*», «*необязательность*» субъекта).

Если в целом исходить из диалектики системно-элементных отношений в общесистемном, социально-системном и социально-правовом аспектах, то становится ясным, что *сама постановка проблемы как «проблема прав и свобод человека» в обществе, по сути своей, антидиалектична*. Она абсолютизирует третий тип социальных и правовых отношений как абсолютизированную свободу, необузданное господство «сильных мира сего», что в итоге является разрушительным для всей социосистемы. Это объясняется тем, что современное общество в форме государства – это сложноорганизованная многослойная система, где реальное повышение уровня прав (при наращивании безответственности правящих слоев перед разными трудящимися слоями населения) возможно, прежде всего, в высших слоях социосистемы. Для трудящихся же слоев такой социально-правовой либерализм оборачивается диктатом социального управления, усилением бесправия среди большинства населения. В массах населения это с необходимостью вызывает стагнацию общественной жизни, с одновременным нарастанием социального недовольства как инстинкта выживания масс людей (первый тип рассмотренных отношений). Фактически мы сталкиваемся с односторонностью и антидиалектичностью формулировки понятия и концепта «права и свободы человека», так как при этом отражается и берется во внимание лишь одна сторона существования человека в социальной и правовой реальности. Внимание акцентируется лишь на системе прав, но замалчивается и, по сути, отвергается система адекватных обязанностей субъекта перед обществом, другими членами социума. Аналогично, провозглашается спектр социальных свобод, но при этом замалчивается необходимость соблюдения меры отношений свободы и ответственности, прав и обязанностей, отвергается многогранная социальная ответственность субъекта перед людьми и обществом, в котором он живет. Такая абсолютизация свобод в социально-политическом плане приводит к крайнему либерализму, например, к «либерализации свободного рынка». В итоге происходит социальный дисбаланс в отношениях людей, это в свою очередь порождает правовой беспредел, кризис законности, высокую поляризацию и конфликтность общества. Но в то же время отметим, что в определен-

ной мере *концепт «права́ человека» может быть оправдан* в диалектическом взаимодействии таких антитез, как: *права человека – бесправие человека* (в эксплуататорском обществе, при наличии отношений раба и господина, карающей власти и бесправного населения). Возможно, что в процессе высокого накала борьбы с бесправием людей в западной цивилизации, вплоть до середины XX века, в условиях живых воспоминаний о второй мировой войне, массовой гибели солдат и мирного населения, узаконенного функционирования сети концлагерей, борьбы против колониализма и т.п., *термин «права́ человека» (в борьбе с полным бесправием) в то время и был оправдан*.

Вместе с тем, отметим недостаточность, сомнительность, а порой и опасность такого тезиса (с подразумеваемым антитезисом «бесправие человека»), поскольку подобные тезис и антитезис изначально возникают и формируются в конфликтной системе господства – подчинения, с безмерным, эгоцентричным, бездушным правом господина и бесправием раба (что диалектически описано в трудах Г. Гегеля). В указанных отношениях отсутствует баланс интересов и сил: с одной стороны их слишком много (максимизация и абсолютизация прав высших слоев, элит), а с другой стороны, они практически отсутствуют (предельная минимизация прав и абсолютизация бесправия масс внутри социосистемы). Общество раскалывается на противоположные части и слои. При этом у правящих слоев оказывается максимум прав и свобод и минимум – обязанностей и ответственности (права без обязанностей, свобода без ответственности). И напротив, у управляемых слоев, масс населения: минимум прав и свобод и максимум обязанностей и ответственности (обязанности без прав, ответственность без свободы).

Если в подобной системе отношений и отражающих ее концептов раб вдруг добивается жизненных прав (в соответствии с заданной логикой отношений), то вполне естественно, что он также стремится к максимизации и абсолютизации последних и своего положения в обществе. Иными словами, некогда бесправный раб, добившийся в такой системе собственных безмерных прав («кто был ничем – тот станет всем»), в свою очередь, сам стремится стать господином, поскольку иное понимание в такой логике отсутствует. Но для этого ему снова нужны бесправные рабы... Таким образом, отмеченная диалектика феноменов и понятий с необходимостью порождает,

возрождает и воспроизводит конфликтные отношения людей в обществе жесткой эксплуатации с полюсами безмерного абсолютизированного права и бесправия.

В итоге можно констатировать, что, к сожалению, существующие концепты прав человека в организации социума, выстроенные на основе западной цивилизационной традиции преобразований антагонистических социумов, содержат в себе эту порочную логику, отражают, а затем вновь порождают социально-правовой кризис в данной области знаний и практики. Эту закономерность отмечает, например, Е.А.Лукашева: «Идея универсальности прав человека, сформулированных во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и других международно-правовых актах, длительное время принималась как аксиома; до поры приемлемость этих прав для всех стран и народов современного мира не вызывала сомнений. Однако в последнее десятилетие всё чаще возникает вопрос о реальной действенности этих прав в ряде регионов мира, особенно там, где сохранилось традиционное право» [146, с. 115].

Кроме того, необходимо учитывать, что по мере развития общества, место, роль, функции человека в обществе изменяются, расширяются. Соответственно, общая система прав человека также исторически изменяется, в связи с чем не представляется возможным дать четкий, полный и законченный перечень прав человека.

Вопросы защиты прав человека являются одним из объектов регулирования с участием как внутригосударственных, так и международно-правовых норм, поскольку основные права и свободы человека носят непосредственный юридический характер и заключают в себе ценности, присущие отдельной личности. Они признаются, защищаются и поощряются национальным и международным правом. Так, с конца XX века действует ряд международных структур в сфере прав человека, которые берут на себя надгосударственные функции. Это: Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Верховный комиссар ОБСЕ по делам национальных меньшинств (ВКНМ), Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ, Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ), Организация объединенных наций (ООН), Верховный комиссар ООН по правам человека и т.д. [127, с.245].

В нашей статье по данному вопросу [127, с.245-246], опираясь на международные документы [1; 2; 6; 7; 8; 9], на Конституцию Российской Федерации [3] и на тру-

ды ученых (С.А.Авакьян) [13] мы отмечали следующее. «В XXI в. Россия также переходит к новой государственной политике в области защиты прав и свобод человека и гражданина. Первостепенным актом явилось подписание Россией в 1996 г. протокола № 6, в Совете Европы, Европейской конвенции о защите прав и свобод человека. В Российском законодательстве прослеживается выраженное влияние международно-правовых актов по правам человека. Понимание прав человека в России основывается на признании человека высшей ценностью, в соответствии со Всеобщей декларацией прав человека.

В соответствии со статьей 2 Конституции Российской Федерации 1993 года, человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Основные права человека и гражданина прописаны в Конституции Российской Федерации» [127, с.245]. Это: право на жизнь (ст.20), право на охрану достоинства личности (ст.21, ч.1), право на безопасность (ст.21, ч.2), право на свободу и личную неприкосновенность (ст.22), право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ст.23), право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст.23, ч.2), право на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими личные права и свободы (ст.24, ч.2), право на неприкосновенность жилища (ст.25), право на определение и указание своей национальной принадлежности (ст.26, ч.1), право на пользование родным языком (ст.26, ч.2), право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства (ст.27, ч.1), право свободно выезжать за пределы РФ и беспрепятственно возвращаться (ст.27, ч.2), свобода совести и вероисповедания (ст.28), свобода мысли и слова (ст.29, ч.1), право на информацию (ст.29, ч.4), право на труд (ст.37), право на социальное обеспечение (ст. 39), право на образование (ст. 43) и др. [13, с.63; 1].

Существующее в настоящее время большое количество прав и свобод человека систематизируется, классифицируется по определенным основаниям. Эти классификации служат как для систематизации прав субъектов в нормах права, так и для их гносеологического анализа в теории и философии права, а также в социальной философии и общесоциологическом знании.

Современное многообразие прав и свобод человека в обществе классифицируется философами, теоретиками и практиками по разным основаниям [12; 14; 15; 27; 37; 53; 110; 111; 147; 151; 164; 169; 184; 197; 199; 201; 220; 243]. Анализ данных широко представленных материалов позволил нам выделить следующие наиболее распространенные виды классификаций:

– по принадлежности к социальным нормам-регуляторам: естественные (изначально данные человеку) и позитивные (выраженные в юридических нормах) права;

– по политико-правовому статусу: права человека (каждого индивида) и права гражданина (имеющего устойчивую правовую связь с государством);

– по степени персонификации субъекта: индивидуальные (права отдельного человека) и коллективные (права социальных общностей);

– по степени универсальности закрепления в конституционных и международных нормах: основные (конституционные) и производные (неосновные) права;

– по возможности временного ограничения: абсолютные (неотъемлемые) и относительные (временно отторгаемые) права;

– по роли государства в обеспечении прав и свобод: негативные (запреты) и позитивные (разрешительные, правоустанавливающие);

– особые права, по специальному субъекту – носителю прав, как правило, более ущемленному по определенным возможностям: права беженцев, женщин, ребенка, инвалидов, заключенных, мигрантов и др.

Кроме более интегрированного перечня индивидуальных (личных) и коллективных прав, существует широко применяемая, более развернутая классификация прав человека по сферам общественных отношений. Она включает следующие виды прав:

гражданские (личные) права (на жизнь, на достоинство личности, на свободу и личную неприкосновенность, на неприкосновенность частной жизни, на неприкосновенность жилища, на национальную и культурную самоидентификацию, на свободу мысли и слова, на свободу совести, на свободу передвижения, на судебную защиту и т.п.);

политические права (на объединение, на свободу собраний, на участие в управлении делами государства, на обращения в разные инстанции, на свободу информации и пользование СМИ и пр.);

экономические права (на личную собственность, на частную собственность, на свободу предпринимательства, на свободный, безопасный, созидающий труд и его вознаграждение, на наследование и т.п.);

социальные права (на охрану здоровья, на медицинскую помощь, на охрану семьи, материнства, отцовства, детства, на достойный уровень жизни, на социальное обеспечение, на жилище, на образование, на восстановление сил, отдых и досуг и т.п.);

культурные права (на духовно-нравственное развитие, на воспитание и обучение, на интеллектуальное развитие, на свободное выражение взглядов, на доступ к культурным ценностям, на участие в культурной жизни, на свободу творчества и т.д.);

экологические права (право на земельный участок, как основу проживания и деятельности, на благоприятную окружающую среду, на сохранение здоровой природной среды, на охрану природы и пр.) [8; 9].

Также по времени формирования разных видов прав человека, выделяют несколько поколений прав (с ориентиром их развития в западной социокультурной традиции):

первое поколение прав и свобод человека (конец XVIII века) – естественные и позитивные, в основном гражданские и политические права, направлены на ограничение произвола государственной власти;

второе поколение (середина XX века) – преимущественно социально-экономические и культурные права с расширением гражданских прав, в целом гарантирующие человеку достойные условия жизни;

третье поколение (70-е гг. XX века) – коллективные права или права солидарности, отражающие права народа, нации, др. социальных общностей, ассоциаций, с развитием предшествующих прав.

Некоторые отечественные авторы (в конце XX – начале XXI веков) выделяют четвертое и пятое поколения прав субъекта, например, С.И.Ивентьев (четвертое), О.Ю.Малинова (пятое поколение) [93; 152]:

четвертое поколение (конец XX века) – духовно-нравственные права и свободы человека и гражданина, призванные юридически закреплять духовные и моральные ценности личности (право сохранять и отстаивать духовно-нравственные, духовно-культурные ценности, уважение духовного и нравственного достоинства человека, запрет пыток и бесчеловечного обращения, экспериментирования над природой человека, право на духовное образование и воспитание, и пр.);

пятое поколение прав человека (начало XXI века) – особое нормативно-правовое вычленение экологических и духовно-экологических прав (на рациональное природопользование, на охрану природы, на одухотворение природы, на благоприятную и эстетичную окружающую среду, на сохранение здоровой природной среды для людей и для организмов биосферы планеты и пр.).

Мы, безусловно, считаем, что конституционно закрепленные права человека и гражданина, как в нашей, так и в любой другой стране, очень важны, поскольку они юридически охраняют человека от посягательств на его личное существование в обществе, служат «охранной грамотой» его полноценного бытия. Однако не менее важное значение имеет мера право-обязанного поведения человека в обществе.

Конечно, в каждой конкретной социосистеме (в конкретной форме государства) с его социально-правовой структурой и организацией существует своя собственная диалектика право-обязанного, свободно-ответственного поведения элементов-индивидов в обществе, обусловленная социокультурным генотипом, материально-духовным основанием общества [37; 143; 145; 146; 244; 277]. Но несмотря на это, с социально-философских позиций можно предпринять попытку выделения групп наиболее общих прав и обязанностей субъектов в современном обществе.

В качестве авторского предположения, мы предлагаем рассмотреть, соразмерно друг другу, фундаментальные социальные права и фундаментальные социальные обязанности субъектов. Ниже перечислим выделенные нами основные фундаментальные социальные права и аналогичные фундаментальные социальные обязанности, на основе соотношения, меры прав и обязанностей, свободы и ответственности

человека в обществе [122; 131, с.53]. Используем (взятые из предыдущих правовых концепций и правовых документов) те права и обязанности, которые, на наш взгляд, наиболее важны в условиях XXI века. Получаем следующие ряды.

Фундаментальные социальные права человека как общественного существа и элемента социума: 1) право на жизнь; 2) право на базовое жизненное пространство в виде неотчуждаемой собственности на часть природно-биосферной и социальной среды; 3) право быть человеком в гармонии телесной и психодуховной организации; 4) право на охрану, укрепление и развитие собственного здоровья; 5) право на сохранение и развитие здоровых состояний социальной и природной среды существования; 6) право на саморазвитие посредством полноценного общественного образования-воспитания в данной социосистеме, 7) право на здоровую семью, рождение и воспитание детей, затем способных адекватно встраиваться в данную социосистему; 8) право на профессиональный рост, на творческое применение своих способностей во благо общества в процессе производительного физического и интеллектуально-духовного труда; 9) право быть полноценным гражданином своей родной социосистемы; 10) право на защиту своей Родины, как системы своего существования.

Далее исходим из установки о том, что права́ субъекта должны соотноситься с его обязанностями. Это объясняется следующим: право субъекта (элемента социосистемы), как проявление его социальной свободы, должно сочетаться с оптимизацией жизнедеятельности всего общества. В таком случае оптимальное (для общества) право субъекта становится одновременно и его социальной обязанностью, связанной с нормальным функционированием общества в совокупности с соответствующими мерами право-обязанного поведения множества граждан страны, находящихся в разных слоях сложноорганизованного общества. Иными словами, каждый вид отношений, взаимодействий человека и общества имеет две стороны: в общесистемном плане – потенциальную энергию относительной связи с системой и кинетическую энергию относительной свободы; в социосистемном плане – относительную ответственность человека перед обществом и его относительную свободу как самостоятельность действий; в правовом плане – меру отношений собственных личных прав субъекта и его обязанностей перед обществом. Из этого фундаментального двухстороннего взаимо-

действия вытекает нижеследующий – аналогичный – перечень обязанностей субъекта.

Фундаментальные социальные обязанности человека как общественного существа и элемента социума: 1) обязанность заботиться о своей жизни и жизни близких людей, 2) обязанность содержать в порядке свое базовое жизненное пространство в виде неотчуждаемой собственности на часть природно-биосферной и социальной среды; 3) обязанность сохранять и наращивать гармонию своей телесной и психодуховной организации; 4) обязанность сохранять и укреплять собственное здоровье во благо себя, семьи и общества; 5) обязанность охранять здоровые состояния социальной и природной среды существования, 6) обязанность на саморазвитие посредством полноценного общественного образования-воспитания в данной социосистеме, 7) обязанность сохранять здоровую семью, рожать и воспитывать детей, способных впоследствии адекватно встраиваться в данную социосистему; 8) обязанность профессионального роста и творческого применения своих способностей во благо общества в процессе производительного физического и интеллектуально-духовного труда; 9) обязанность быть полноценным гражданином своей родной социосистемы; 10) обязанность защищать свою Родину как систему своего существования.

Далее можно объединить предложенные выше базовые права (А) и обязанности (Б) в следующую общую схему.

«*Фундаментальные социальные правà и обязанности* человека как общественного существа и элемента социума. Это:

1А) право на жизнь; 1Б) обязанность заботиться о своей жизни и жизни близких людей;

2А) право на базовое жизненное пространство в виде неотчуждаемой собственности на часть природно-биосферной и социальной среды; 2Б) обязанность содержать в порядке свое базовое жизненное пространство в виде неотчуждаемой собственности на часть природно-биосферной и социальной среды;

3А) право быть человеком в гармонии телесной и психодуховной организации; 3Б) обязанность сохранять и наращивать гармонию своей телесной и психодуховной организации;

4А) право на охрану, укрепление и развитие собственного здоровья; 4Б) обязанность сохранять и укреплять собственное здоровье во благо себя, семьи и общества;

5А) право на сохранение и развитие здоровых состояний социальной и природной среды существования; 5Б) обязанность охранять здоровые состояния социальной и природной среды существования;

6А) право на саморазвитие посредством полноценного общественного образования-воспитания в данной социосистеме; 6Б) обязанность на саморазвитие посредством полноценного общественного образования-воспитания в данной социосистеме;

7А) право на здоровую семью, рождение и воспитание детей, затем способных адекватно встраиваться в данную социосистему; 7Б) обязанность сохранять здоровую семью, рожать и воспитывать детей, способных впоследствии адекватно встраиваться в данную социосистему;

8А) право на профессиональный рост, на творческое применение своих способностей во благо общества в процессе производительного физического и интеллектуально-духовного труда; 8Б) обязанность профессионального роста и творческого применения своих способностей во благо общества в процессе производительного физического и интеллектуально-духовного труда;

9А) право быть полноценным гражданином своей родной социосистемы; 9Б) обязанность быть полноценным гражданином своей родной социосистемы;

10А) право на защиту своей Родины как системы своего существования; 10Б) обязанность защищать свою Родину как систему своего существования» [131, с.53-54].

В отличие от естественных прав человека, от позитивных прав человека (отраженных в важных и общепринятых концепциях права), которые формируются в процессе возникновения и развития прав людей в истории общества, преимущественно в западной цивилизационной традиции, фундаментальные социальные права и обязанности, скорее, присущи современному обществу и могут (в случае их дальнейшего обоснования) затем более глубоко исследоваться в условиях современных общественных отношений. По мере развития личности и ее социально значимых свойств во благо развития социосистемы, а также совершенствования общества во благо его людей, социум может предоставлять личности относительное расширение ее полно-

мочий и жизненного пространства, но обязательно в совокупности с увеличением обязанностей перед данным обществом и *соразмерно* последним. При этом необходимы не только свод прав и обязанностей для субъекта, но также понимание их субъектом и умение реализовывать их на практике. Все отмеченное невозможно без наличия общей и правовой культуры человека, без его правового воспитания и образования.

По нашему мнению, диалектика элементно-системных отношений в обществе требует, чтобы не только основное население страны, но также властные и управляющие структуры государства имели четко сформулированный, безусловно реализуемый на практике *свод прав и обязанностей управляющих слоев государства по отношению к гражданам страны, их семьям*. Полагаем, что только в таком случае вырабатывается взаимное согласование деятельности и взаимное доверие власти и населения. Это позволяет выстраивать серьезные стратегические планы развития страны и достигать их успешной реализации.

В завершении параграфа обратимся к еще одной важной, на наш взгляд, стороне рассматриваемого вопроса. Это *динамика меры право-обязанного, свободо-ответственного поведения людей в отношениях между разными слоями современного сложноорганизованного общества* [122; 131]. Если таковая динамика отсутствует, со временем обязательно наступает и усиливается дисбаланс общественной жизни. Поскольку современное общество, в отличие от его исходной относительно простой общинной организации, является многослойным, полиструктурным, то реальное положение субъектов в разных социальных слоях может значительно различаться. Например, люди малоквалифицированные, с низким уровнем образования фактически имеют меньше возможностей для получения социальных благ в обществе. В силу многих обстоятельств, их свобода ограничена, права невелики. Но вместе с тем, они несут и наименьшую ответственность перед обществом по поговорке «мое дело маленькое». К ним следует предъявлять меньший круг социальных обязанностей, адекватный минимуму прав. Но, в то же время, этот минимум право-обязанного, свободо-ответственного социального поведения должен обеспечивать созидательно трудящемуся человеку данного социального слоя достаточный и необходимый минимум жизнеобеспечения для себя и своей семьи.

Напротив, в наиболее обеспеченных высших слоях общества, в том числе в правящих слоях, человек может получать максимум возможных для данной страны юридических прав и социальных свобод. Но вместе с этим, к таким субъектам следует предъявлять и максимальные требования, возлагать наибольшие обязанности, должна вырабатываться наиболее высокая ответственность субъекта перед обществом, по мудрой поговорке «кому много дается – с того больше и спрашивается». Однако стихийным образом, в разных социальных слоях могут складываться альтернативные соотношения прав и обязанностей, свободы и ответственности субъектов. В высших слоях, имеющих возможность воздействовать на правовую базу общества, может формироваться максимум прав и минимум обязанностей, а в низших социальных слоях, напротив, минимизируются права, свободы и чрезмерно нарастают обязанности, несвобода человека в обществе, что часто в обществоведческой литературе обозначается как разнообразная эксплуатация людей.

По нашему мнению, с позиций системного и диалектического подходов, в аспекте цели достижения баланса социально-правовой жизни общества, можно *по-иному ставить всю проблему прав человека*. А именно, на основе второго, лабильного развивающего типа элементно-системных социальных отношений можно предложить соответствующий подход к организации и социальному управлению право-обязанных, свободо-ответственных отношений субъектов в обществе. Это правовое обеспечение такой *социальной динамики, при которой соблюдается мера свободы и ответственности, прав и обязанностей субъектов в разных социальных слоях сложноорганизованного общества страны* (в форме государства). При этом укажем, что в узких высших слоях социума права и обязанности, свобода и ответственность закономерно расширяются в процессе повышения роли субъектов в жизни общества, а в широких, особенно «низших» слоях населения – сужаются (с учетом незначительной роли отдельных субъектов в жизни всего общества). Но в силу большого количества трудящегося населения с семьями, или народа, как основной созидающей силы государства, совокупный вклад созидающих тружеников страны в развитие социосистемы оказывается не меньшим, чем деятельность правящих слоев. То есть, в современных странах как сложных социосистемах их общее население является многослойным, иерархичным. В связи с этим в современном социуме *мера прав и обя-*

занностей субъекта не может быть абстрактно-одинаковой для всех членов общества – она изменяется от одного социального слоя к другому. А именно, чем больше прав и свобод субъект имеет в определенном социальном слое, тем больший груз обязанностей и ответственности на него возлагается, и наоборот. Тогда вероятно, что в основу социально-правового существования человека следует положить *главный принцип: осознанного соблюдения меры право-обязанного, свободо-ответственного поведения субъекта в обществе* [122; 131]. Но количество и качество прав и обязанностей, свобод и ответственности людей изменяется в зависимости от их места и роли в обществе, от принадлежности к определенному социальному слою, от вида социальной деятельности. В целом в низших слоях данная количественно-качественная мера минимальна (но достаточна для жизнеобеспечения созидательно трудящегося человека и его семьи), а в высших слоях общества – максимальна. Тем самым, может быть обеспечен баланс жизни с одновременным предоставлением возможности гражданам страны совершенствоваться, а наиболее достойным – подниматься в высшие слои общества, вплоть до управления страной.

Считаем, что рассмотренная диалектика отношений человека и общества, соотношения прав и обязанностей человека, свободы и ответственности личности в социуме и в его разных слоях, специфически проявляется в разных странах, с учетом реального разнообразия традиций, социальных культур народов, стран и их современного состояния. Еще раз отметим, что именно западные государства стали инициаторами и разработчиками первых международных документов о правах человека. Западная цивилизация раньше остальных социальных культур прошла путь в системе отношений «право (социума) – человек в праве – права́ человека». То есть, она прошла первый, второй и третий этапы эволюции в разрешении социальной проблемы прав человека. Однако, несмотря на ряд преимуществ западного (европоцентристского, шире – западоцентристского) подхода к проблеме, он имеет и ряд неразрешенных вопросов, по нескольким позициям. Во-первых западный формально-декларативный подход к правам человека, по сути, смешивает принципиально разные позиции: борьбу угнетенных людей и слоев с их бесправием; стремление к свободе и естественному равенству; наращивание эгоцентрично-либеральных прав человека у высших слоев общества. Во-вторых, по мнению представителей русской

традиции, вызывает вопрос сам тезис об изначальном равенстве людей (И.А.Ильин) [95; 96]. Затушевывается острая проблема гипертрофии отдельных прав человека и частного права, бесконтрольного наращивания либеральных прав, вступающая в нарастающее противоречие с государственным правом по тем ключевым нормам, которые определяют его целостность и суверенность. В-третьих, получает особое развитие эгоцентричный либеральный подход к правам человека, фактически совпадающий с интересами олигархических слоев общества; в результате чего усиливается социальная поляризация. Возрастает правовая защищенность олигархических личностей, а государство, все более превращаясь в «ночного сторожа», складывает с себя полномочия и обязанности защищать интересы всего трудящегося созидающего населения страны. Это создает не только социальное напряжение внутри стран, но и приводит к нарастанию правовых коллизий. В-четвертых, эгоцентричный подход к правам человека, по сути, исключает нравственно-правовые отношения людей в обществе (затушевывая этот процесс декларативно-манипулятивным принципом абстрактного гуманизма). В-пятых, западная концепция прав человека, которая с середины XX века официально вышла на международный уровень, перенесла на этот уровень не только свои достоинства, но и противоречия, недостатки. Соответственно, такой западоцентризм чреват распространением конфликтных отношений среди стран с различными цивилизационными традициями и культурами.

На основании изложенного мы считаем, что именно применение системно-диалектического и цивилизационного теоретико-методологического подхода к пониманию социально-правового поведения человека позволяет осмыслить меру прав и обязанностей, свободы и ответственности социального субъекта в обществе на социально-философском и философско-правовом уровнях познания на пути к четвертому этапу эволюции в разрешении данной актуальной проблемы [122; 131]. В том числе, здесь весьма важным является применение более частных подходов, вытекающих из системно-диалектической методологии. Это 1) *парциальный* (частный), или односторонний подход рассмотрения проблемы (третий эволюционный этап); 2) *холистический* (целостный) – системно-философский и диалектический подход (четвертый эволюционный этап), результаты которых затем можно сравнивать и анализировать.

В целом при *парциальном* подходе, который по сути является либеральным,

эгоцентричным, права человека рассматриваются прежде всего с позиций личных устремлений индивидуального субъекта права (или группы подобных субъектов), главная задача которого – вырвать для себя из сложившейся социосистемы, из ее социальных связей максимум привилегий и свобод (даже вопреки желаниям и правам других людей, независимо от наступающих социальных последствий) – при забвении соответствующих собственных обязанностей. При этом ослабевает и постепенно исчезает нравственный принцип общинного бытия и социальный принцип общего дела. Преимущественно работает локальное эгоцентричное сознание субъекта, отключается общесистемное осмысление происходящего (в соответствии с позитивистским принципом «экономии мышления»). Происходит повышение свободы одних социальных элементов за счет уменьшения свободы других элементов (людей) – при общей деформации целого (системы). Напротив, при *холистическом* подходе права́ субъекта соотносятся: 1) с мерой прав и свобод, присущих социальной организации соответствующей системы; 2) с той мерой обязанностей и ответственности, которую осознанно должен взять на себя субъект при повышении уровня его свободы и прав – и это должно быть понято самим человеком. Тогда в обществе оказывается возможной реализация принципа: развитие каждого – условие развития всех, и наоборот. Таким путем может происходить, как наращивание прав и обязанностей субъектов-элементов в процессе их совершенства, так и саморазвитие всей социальной системы.

По нашему мнению, вопросы прав человека не должны абстрагироваться от цивилизационной специфики разных стран, рассматриваться в отрыве от вопросов человека в праве соответствующего государства. Они раскрываются на основе соразмерности: 1) прав и обязанностей; 2) свободы и ответственности личности [122; 131], существующей в конкретном социуме. Также необходимо соблюдение баланса системных отношений в единстве правовых и нравственных законов бытия. Именно в этом заключается специфика русской традиции в теории и философии права, которая глубоко обоснована рядом отечественных философов, правоведов, созидающей практикой «общего дела», практикой самоуправления в сообществах людей, принципами социальной справедливости распределения социальных благ по труду, т.е. по реальному вкладу человека в развитие общества. В социальных понятиях это может

быть обозначено, как переход от либерализма к патернализму; в морально-нравственных понятиях – как переход от эгоцентризма к разумному альтруизму, что характеризует целесообразность перехода к четвертому этапу эволюции и к реализации четвертого и пятого поколений прав человека (С.И.Ивентьев) [93] во избежание наступления глобальной социальной катастрофы. В целом социально-философский анализ показывает, что ряд проблем прав человека в теории и философии права на уровне социальной макросистемы государства, видимо, может быть разрешен, прежде всего, на основе принципа холизма, системно-диалектического и цивилизационного подходов, на пути перехода от третьего к четвертому этапу эволюции.

Таким образом, осуществленный в данном параграфе социально-философский анализ показал следующее. Когда указывается лишь одна сторона социального поведения человека, например, это только его социальные свободы и права, но при этом не обозначается вторая диалектически противоположная сторона – обязанности, то в итоге это приводит к общему нарушению оптимальных отношений элементов-людей и социосистемы. Сама *односторонняя постановка проблемы – только как проблемы прав и свобод человека (без адекватных обязанностей и ответственности)* – фактически создает лишь *видимость* разрешения социально-правовых проблем личности. На самом же деле, подобно диалектике трансформаций раба и господина, постоянно воспроизводятся конфликтные отношения: абсолютизированной свободы – несвободы; разрастающейся безответственности в противовес ответственности; абсолютизированных прав одних и бесправия других; постоянного нарушения обязательств вопреки необходимости выполнения обязанностей. Полагаем, что в более развернутом и практически эффективном виде исследуемую проблему целесообразно формулировать как: *права и право-обязанное поведение человека в обществе* [122; 131]. Учитывать при этом реальное положение субъекта в конкретном социуме, его принадлежность к определенному социальному слою, с соответствующей мерой соотношения прав и обязанностей в данном слое, которая закономерно изменяется, повышаясь по направлению к высшим слоям общества и понижаясь по отношению к низшим слоям, вплоть до такой меры прав и обязанностей, которая достаточна и необходима для небогатого, но достойного существования человека в обществе.

2.2. Трансформации прав и право-обязанных отношений людей на разных уровнях социальной организации

С конца XX века на планете осуществляется некое общее преобразование всего человечества, или *социосферы* планеты, получившее название «*глобализация*». Это наличие особых современных всеохватывающих универсальных социальных процессов, которые связаны с мощным развитием научно-технического и информационного прогресса образовательного потенциала ряда стран, благодаря чему человечество все более активно взаимодействует на глобальном, трансграничном пространстве социосферы. Это, прежде всего, развитие глобальных транспортных сетей: наземных, водных, воздушных (а теперь и космических), а также глобальных информационных сетей и взаимодействий. В результате по планете перемещается огромное и все нарастающее количество природных материалов, товаров, людей, капиталов, информации и т.д. Человеком создана особая оболочка планеты – техносфера, которая постоянно развивается. Глобализация представляет собой двойственный – объективный и субъективно организуемый процесс (Л.А.Зеленов, А.А.Зиновьев, Н.Н.Моисеев, А.С.Панарин, И.А.Пфаненштиль, В.В.Сорокин, А.Д.Урсул, А.Н.Чумаков, М.П.Яценко и др.) [16; 63; 64; 88; 89; 204; 224; 246; 270; 279]. Эта трансформация социума характеризуется множеством, пересекающихся между собой, глобальных социально-технических процессов в транспортных, информационных сетях, в материально-экономической, социально-природной, гуманитарной сферах.

Следует учесть специфику общества в эпоху глобализации: вся социосфера стала очень подвижной, в том числе, в связи с развитием глобальных транспортных и информационных сетей. В ней осуществляются небывалые по масштабам (по сравнению с предыдущими веками) трансграничные миграции, как отдельных людей, так и целых групп, слоев населения. Нарастает количество, разнообразие и сила переходных процессов и социальных трансформаций, что, несомненно, отражается и на правовых подсистемах разных социосистем [47; 53; 62; 259]. В связи с этим человек может попадать из одной социосистемы с ее государственным правом в другую социосистему с иным правом. При этом, если он «оседает» в новой социосистеме и становится ее гражданином, он принимает новое гражданство, а вместе с ним – добровольно ту систему права – норм жизни и законодательство, в рамках которого да-

лее он будет существовать. Принцип «*право есть целое, а человек в праве – часть, или элемент социосистемы и его правовой подсистемы*» при этом также сохраняется. В случае двойного, тройного гражданства один и тот же человек должен добровольно принимать на себя обязательства подчиняться законам нескольких правовых систем, в том числе и в сфере прав человека. При этом права человека в рамках государства, существующих в нем правовых норм и законов, подчиняются системно-философским и диалектическим закономерностям существования социальной и социально-правовой реальности, присущей данной конкретной стране. Уже факт двойного гражданства требует от субъекта необходимости принятия *разных измерений* прав и право-обязанного поведения человека [122; 131] в разных странах и приспособления субъекта к изменяющейся обстановке, которая порой может приобретать конфликтный характер. Еще более могут осложняться вопросы прав человека при взаимодействии государственных и международного уровней. Происходящие изменения могут затрагивать жизненные интересы, как отдельно взятого человека, групп людей, так и целых стран и их объединений. Проблемы, возникающие в отдельных государствах и даже в локальных общностях, в создавшихся условиях в течение определенного времени могут приобретать глобальные характеристики и последствия. При определенных условиях локальные события могут приобретать глобальный характер, а глобальные процессы – влиять на весь социальный мир в разных уголках планеты. Глобализация в социально-природном аспекте – это процесс завоевания социальной жизнью практически всех областей суши на поверхности планеты, ускоряющегося освоения мирового океана Земли и проникновение человека в околоземное пространство, в результате чего человечество образовало особую планетарную оболочку – социосферу. При этом социосфера значительно усложняется. В ней выделяется несколько структурно-функциональных уровней организации [126].

В научно-философской литературе, на основе концепции структурной организации материи, активно развиваемой в отечественной философии со второй половины XX века (В.Л.Алтухов, В.Г.Афанасьев, С.И.Григорьев, Л.Ф.Ильичев; Ф.В.Константинов, С.Т.Мелюхин, В.Г.Марахов, А.И.Субетто, Е.В.Ушакова, Г.А.Югай, Б.Г.Юдин и др. авторы) [157; 158; а также: 24; 34; 66; 249; 256; 275], выделяются основные уровни социальной материи. Данные результаты эффективно мо-

гут быть применены и к проблемам переходности в процессе формирования социосферы. Это следующие основные уровни переходных процессов в структурной организации социосферы: 1) глобальный структурно-организационный уровень (всеобщего плана отношений); 2) международный структурно-организационный уровень – сообществ государств (общего плана социальных отношений); 3) государственный структурно-организационный уровень (особенного плана отношений, со спецификой стран мира), с рассмотрением внутренних проблем существования страны – в отдельных сферах социальной жизни и в жизни социальных субъектов; 4) уровень человека в социосфере в ранге гражданина Земли – землянина (отдельного, единичного плана отношений).

Для нашего диссертационного исследования мы принимаем следующую градацию из выявленных и используемых в науке уровней [157; 158; 249]. В нашей работе, в связи с поставленными задачами социально-философского познания, выделяем несколько взаимосвязанных структурно-функциональных уровней организации общества, начиная с элементарного (человека как активного элемента любой социосистемы):

– элементный (элементарный) уровень (человек как элемент социосистемы, обладающий сознанием, потребностями, интересами, желаниями, целеполаганием и практической преобразующей деятельностью);

– внутригосударственный сферный уровень (отдельных сфер общества, в нашем случае – социально-правовая сфера);

– государственный уровень (отдельных стран), отражающий общие закономерности существования макросоциосистем стран;

– цивилизационный уровень, куда в отдельные цивилизации входят сходные по своему происхождению и существованию группы стран;

– международный уровень, некий общий унифицированный уровень разработки и реализации договорных норм межгосударственного взаимодействия на основе международных правил, деклараций и пр.

– глобальный уровень, или социосферы как общепланетарной системы, находящийся в стадии формирования на этапе глобализации как объективного процесса, с разработкой особых субъективных целей и стратегий глобализации.

Ранее, в первой главе диссертации при социально-философском анализе проблемы прав человека мы прежде всего обращались к первому, второму и четвертому уровням, выявляя общую эволюцию и цивилизационную специфику положения человека в праве. А теперь мы рассматриваем некие общие универсальные закономерности социально-правовых процессов современного, своеобразно интегрирующегося общества. Поэтому в данном параграфе обратимся к сравнительному системному анализу таких социальных уровней, как государственный, международный и глобальный, с учетом цивилизационной специфики общественных процессов.

Уже в исследовательском направлении глобалистики отмечено, что в современном социуме идет два взаимосвязанных социальных процесса, итогом которых являются, с одной стороны, глобализация, а с другой – глокализация. Как отмечает А.Н.Чумаков, этот подход «получил распространение в трудах ряда исследователей феномена глобализации (Р.Робертсон, У.Бек, М.Эпштейн и др.) в качестве слова, отражающего сложный процесс переплетения глобальных тенденций общественного развития и локальных, местных особенностей культурного развития тех или иных народов» [63, с.268]. «Глокальный (glocal) – соединяющий глобальное с локальным, всемирные центры с периферией; то, что имеет отношение и к глобальному, и к локальному; то, что служит связи, опосредованию, соотнесению, сближению всемирного и местного» [63, с.268]. Можно сказать, что, глобализация (как своеобразная интеграция) и глокализация (как локализация социальных процессов) представляют собой крайние полюса изменений, происходящих в социосфере, которые охватывают все ее структурно-организационные уровни, от глобального до государственного, внутригосударственного (сферного) и вплоть до элементного (человека) и таким образом воздействуют на жизнь множества людей в обществе.

Глобализация как планетарный процесс представляет экспансию общественной жизни за пределы прежних границ отдельных родов, народов, стран, в результате чего границы между отдельными социосистемами, от общин до государств, становятся все более условными, «прозрачными» и проходимыми, а запреты менее жесткими. Идет мирное и/или конфликтное взаимодействие культур и цивилизаций. Процесс этот крайне неоднозначный. Один из ведущих российских философов, занимающихся исследованием глобализации, А.Н.Чумаков, дает следующие определения данного

феномена, а также глобалистики, как новой междисциплинарной комплексной науки, изучающей данный предмет:

«*Глобализация* – процесс универсализации, становления единых для всей планеты Земля структур, связей и отношений в различных сферах общественной жизни. Глобализация выступает также и как явление, и как феномен, когда она воспринимается в качестве объективной реальности, которая заявляет о себе замкнутостью глобального пространства, единым мировым хозяйством, всеобщей экологической взаимозависимостью, глобальными коммуникациями и т.п. и которая в таком качестве никем не может быть проигнорирована…

Глобализм – явление, характеризующее планетарную целостность, а также мировоззренческая установка, тип сознания, способ видения окружающего мира, когда глобальный компонент становится доминирующим.…

Глобалистика – междисциплинарная область научного знания, образуемого на стыке философии, естественных, технических и гуманитарных наук, а также совокупность практических действий (правительственных решений, политических акций, общественных движений и т.п.), ориентированных на анализ и разрешение противоречий общечеловеческого характера» (А.Н.Чумаков) [270; 63].

Укажем, что аналогичные новые познавательные теоретико-прикланые исследования осуществляются и специалистами в сфере права и глобальных правовых отношений. В XXI веке формируется новое исследовательское направление – правовая глобализация (Б.В.Макогон и др.), а также особая наука – юридическая глобалистика (В.В.Сорокин и др.) [149; 224]. «Юридическую глобалистику можно определить, как отрасль общетеоретического знания, в рамках которой специально изучается влияние глобализма на право и национальную государственность. *С появлением юридической глобалистики можно усмотреть качественно новые тенденции развития юридической науки. В данном случае можно вести речь о превалировании интегративных процессов над процессами дифференциации научного знания*» [224, с. 11-12]

В социальной реальности на рубеже XX–XXI веков четко обозначились полярные стратегии и пути глобализации: 1) однополярного мира (синонимы: новый мировой порядок, мондиализм, глобализм, элитарно-массовое общество, техногенно-потребительская цивилизация, либерализм) и 2) многополярного мира (синонимы: ноосферная цивилиза-

ция, духовно-экологическая цивилизация, мирное сосуществование, патернализм). Эти пути специально исследуются как парциально (в диалектико-дифференцированном подходе), так и на основе принципа холизма, интегративно при теоретико-философском анализе социосферных процессов.

Отметим, что в понимании процесса и сущности глобализации существуют разные подходы: 1) более толерантный, унифицированный, например, в трудах Г.К.Ашина, А.Д.Иоселиани, И.И.Мазура, Ю.Н.Москвича, А.Н.Чумакова, при котором идет поиск консенсуса между указанными стратегиями [269; 270; 189; 259]; 2) диалектико-дифференцированный подход, обосновывающий полярность целей и результатов в происходящем «столкновении цивилизаций», например, в работах А.А.Зиновьева, А.В.Иванова, С.Кара-Мурзы, В.В.Лапкина, А.С.Панарина, В.И.Пантина, А.И.Субетто, С.Хантингтона. Этот подход представлен в следующих книгах: А.Зиновьев. Фактор понимания (2006); А.Панарин. Искушение глобализмом (2003); Он же. Стратегическая нестабильность в XXI веке (2004); В.И.Пантин, В.В.Лапкин. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века (2004) [88; 92; 190; 191].

В социальной реальности на рубеже XX–XXI веков четко обозначились полярные стратегии и пути глобализации: 1) однополярного мира (синонимы: новый мировой порядок, мондиализм, глобализм, элитарно-массовое общество, техногенно-потребительская цивилизация, либерализм) и 2) многополярного мира (синонимы: ноосферная цивилизация, духовно-экологическая цивилизация, мирное сосуществование, патернализм). Эти пути специально исследуются как парциально (в диалектико-дифференцированном подходе), так и на основе принципа холизма, интегративно при теоретико-философском анализе социосферных процессов.

В нашей работе мы придерживаемся второго подхода к анализу указанных стратегий и цивилизаций – как «полярных стратегий *либерализма* и *патернализма*, которые, как полагает ряд ученых этого направления, формируют разные стратегии глобального социума – ноосферную и элитосферную» [78, с.35]. «С позиций социального управления это: 1) элитаристское общество (эксплуататорское по сути) и 2) патерналистское, патернальное (партиархальное) общество. В аспекте нравственно-моральных отношений также имеет место дихотомия: 1) индивидуализм и эгоизм

элиты, ее бездуховность и безнравственность в отношении к народу, в итоге – двойная, расчлененная мораль (для «своих» высших и для «чужих» низших); 2) нравственность, духовность, единая мораль, хотя и с дифференцированным отношением к разным слоям социума. С политологических позиций, это: 1) элитарно-массовое расчлененное общество (классово-антагонистическое); 2) народное сословное общество с правителем–«отцом» во главе (царем, императором, раджой и пр.)» [78, с.40], или же с народным избранником и народным правительством, стоящими на страже интересов созидающих тружеников общества.

И вряд ли глобальная элита, формирующая новый мировой порядок однополярного мира, согласится на равноправное достойное существование миллиардов землян в XXI веке. Чтобы понять, что такой глобальный плюрализм и консенсус на практике невозможны (это могут быть лишь манипулятивные маневры-обещания на пути к глобальному господству), обратимся к первоисточникам – к книгам одного из известных разработчиков и апологетов Нового мирового порядка – Жаку Аттали. В одной из своих известных произведений – «На пороге нового тысячелетия», в том числе, переведенном на русский язык [33], Ж.Аттали ясно раскрывает сущность глобальной стратегии однополярного мира. А в своем более позднем футурологическом произведении «Краткая история будущего. Мир в ближайшие 50 лет» (2006) [32], также переведенной на русский язык (2014) автор развивает идеи будущего развития такого глобального общества вплоть до гиперимперии, что в итоге, к середине XXI века, приведет к глобальному гиперконфликту и к переходу к глобальной гипердемократии [32].

Чтобы не быть голословными, процитируем главные идеи, характеризующие стратегию однополярного мира и формирование Нового мирового порядка по книге одного из разработчиков данной концепции – Ж.Аттали «На пороге нового тысячелетия» [33]. Так, в предисловии к русскому изданию данной книги автор дает следующие пояснения: «вопрос заключается не просто в том, чтобы внедрить рынок. Речь идет о перестройке всего государства, которое было взорвано изнутри, так что фактически каждый его фрагмент неустойчив, открыт для злоупотреблений и готов развалиться... великий эксперимент в области демократии становится в сегодняшней истории грандиозной игрой наперегонки со временем» [33, с.6]. Далее в тексте самой

книги процитируем главные идеи, связанные с установлением этого нового мирового порядка однополярного мира [33]:

«Ценности либерального плюрализма и перспектива рыночного процветания привели к консенсусу [*Запада и остального мира – Н.К.*], который теперь объединяет все народы Земли. Консенсус, который пришел на смену двум идеологически антагонистическим блокам... это будет общество, которое можно назвать "гипериндустриальным", в котором и система услуг трансформируется в товары массового потребления» [33, с.12]. Такой «*денежный порядок* станет универсальным» [33, с.63]. «Победители этой новой эры будут созидателями, и в их руках окажутся и власть и финансовое могущество» [33, с.64]. «...порядок устанавливается посредством наделения правом насилия определенной личности и желания прибегнуть к нему при необходимости» [33, с.18]. Сущность «*нового мирового порядка* и его либеральной идеологии потребительства и плюрализма. Суть любой демократии, как и рынка, – это свобода выбора» [33, с.15]. При этом новом мировом порядке необходимо будет «отказаться от традиционных понятий о национальном суверенитете» [33, с.62].

«Даже в самых привилегированных нациях далеко не все получат равную долю при распределении несметных богатств в новом мировом порядке» [33, с.13] «...миллионы людей будут все сильнее подвергаться искушению богатством, испытывать раздражение и гнев из-за невозможности удовлетворить свои постоянно растущие потребности» [33, с.14].

«Простые люди... будут с чувством почтительного страха и с негодованием взирать на... небоскребы власти, куда вход им будет заказан» [33, с.13]; «...ответом богатых обществ на падение прибылей является стремление загнать потребителей в еще больший долг» [33, с.51]. «Такое растущее богатство, однако, отнюдь не гарантировано странам Восточной Европы и Азии, идущим к становлению демократии» [33, с.13] «...народы, живущие на периферии, неизбежно поднимут мятеж, а в один прекрасный день начнут войну» [33, с.14]. «Стремясь избежать такой трагичной судьбы, миллионы людей предпримут попытки расстаться с нищетой, процветающей на периферии, и искать более или менее приличной жизни где-нибудь в других местах... они превратятся в кочевников [глобальные кочевники, номады – *прим. Н.К.*]» [33, с.44].

«В грядущем новом мировом порядке будут и побежденные, и победители. Число побежденных, конечно, превысит число победителей, Они будут стремиться получить шанс на достойную жизнь, но им, скорее всего, такого шанса не предоставят. Они столкнутся с откровенными предрассудками и страхом. Они окажутся в загоне, будут задыхаться от отравленной атмосферы, а на них никто не станет обращать внимания из-за простого безразличия. Все ужасы XX столетия поблекнут по сравнению с такой картиной» [33, с.48]. В итоге своего произведения автор заключает: «Жребий брошен, поэтому следует, не останавливаясь, продолжать игру» [33, с.64].

В завершении цитирования, однако, укажем: если мы в своем исследовании опираемся на системно-философский подход по отношению к пониманию общих процессов, происходящих в современной социосфере, то нам следует подходить к анализу глобальных процессов с позиций системного целого, на базе принципа холизма, т.е., в сравнительном аспекте оценивая обе глобальные стратегии на предмет обоснованного выбора наиболее оптимистичного пути будущего существования человечества. Поэтому обратимся также к иной точке зрения.

Э.Ласло, один из разработчиков холистического подхода и системной философии в середине XX века, отмечает следующее: «Новая парадигма свидетельствует о том, что между объектами, сосуществующими в космосе и биосфере, имеется постоянная связь и коммуникация, и что человеческое сознание является развивающейся частью этой сети взаимосвязей, покрывающей планету. Холистическая парадигма науки говорит нам, что мы... не отделены всецело друг от друга и от нашей планетарной среды. Мы, наделенные сознанием элементы природы, взаимодействуем друг с другом, со всей биосферой и с беспредельным Универсумом. Холистическая парадигма в науках утверждает лишенную примитивизма сложность в противовес механистическим воззрениям... Мы все участники действа природы: взаимодействуя друг с другом, мы простираем свое воздействие на биосферу, которая, в свою очередь, уходит корнями во Вселенную» [142, с.123].

По существу, этот же принцип целостности заложен и в глобальную концепцию отечественного учения В.И.Вернадского, который также писал о важном значении философии холизма в своем труде «Научная мысль как планетное явление». По

утверждению Э.Ласло: «Холистическое понимание – передний край современной науки – поддерживает и легитимирует холистическое сознание, появляющееся в обществе. Наука способна внести свой вклад в заживление зияющих разрывов, отделяющих одного человека от другого, одну нацию или культуру от других наций или культур и всего человечества от Земли и космоса» [142, с.123]. Таким образом, «происходящее ныне – это всеобщая эволюционная трансформация, которая может и, в конечном счете, должна выйти за рамки экономической глобализации [однополярного мира – *прим. Н.К.*], чтобы проложить путь к новой цивилизации» [142, с.7].

Русский ученый В.И.Вернадский является основателем учения о ноосфере как о многополярном и содружественном планетарном мире, связующим звеном которого выступает созидающий научный разум человечества [58]. В.И.Вернадский писал: «10. ...Исторический процесс на наших глазах коренным образом меняется. Впервые в истории человечества интересы народных масс – всех и каждого – и свободной мысли личности определяют жизнь человечества, являются мерилом его представлений о справедливости. Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть "ноосфера"! ... Ноосфера – последнее из многих состояний эволюции биосферы в геологической истории – состояние наших дней» [58, с.8].

Холистическая установка в понимании процессов нацеливает на исследование процессов глобализирующегося общества. При этом весьма актуальным является социально-философский анализ противоположных позиций в познании и преобразовании социума на основе принципов целостности. Аналогичный подход к исследованию имеет место, например, в монографии Л.А.Зеленова, А.А.Владимирова и Е.И.Степанова «Современная глобализация. Состояние и перспективы» [88]. Поскольку в нашей диссертации применен системно-диалектический подход, продолжим наши рассуждения в соответствующем аспекте применительно к социально-правовой сфере по проблемам прав и право-ответственного поведения социальных субъектов в условиях глобализации. Однако с учетом того, что в силу новизны и высокой сложности глобальных процессов, они идут неоднозначно и в значительной

степени непредсказуемо.

В целом глобализация заключает в себе факторы позитивного развития человечества, но одновременно несет ряд противоречий, угроз и опасностей глобализма, приобретающих трансграничный и всепланетарный характер. По нашему мнению, в контексте диссертационной темы заслуживает внимания такое новое направление в исследовании нашего века, как *правовая глобализация*. Б.В.Макогон отмечает: «Правовая составляющая процессов глобализации представляется достаточно значимым элементом данных процессов, что диктует оправданность и высокую степень актуальности исследования явления глобализации современного права» [149, с.4]. Б.В.Макогон дает следующее определение данного объективно-субъективного процесса: «Под *правовой глобализацией (глобализацией права)* мы понимаем процесс, объективно порождаемый общей глобализацией, влекущий формирование и общемировое признание гармонизированных и унифицированных правовых принципов и норм, а также правовых теорий, ведущий к значительному усилению взаимовлияния и взаимопроникновения национального права различных государств добровольно либо вследствие опосредованного навязывания» [149, с.147].

Полностью соглашаясь с данным мнением, отметим, что с позиций структурно-организационного подхода к обществу, в указанных процессах глобализации взаимосвязанным изменениям подвергаются разные уровни. Подвергаются преобразованиям: 1) жизнь человечества в целом, или состояние социосферы (глобальный уровень социума); 2) состав и состояние международных сообществ (международный и цивилизационный уровни); 3) социосистемы конкретных государств (государственный уровень); 4) отдельные сферы жизни стран, в том числе, их правовые сферы (внутригосударственный сферный уровень); 5) правовые аспекты жизни отдельных социальных субъектов, или, как было показано в предыдущем параграфе, изменения их право-обязанных отношений (уровень человека как элемента любой социосистемы).

Соответственно, со второй половины, особенно с конца XX века в социогуманитарном знании, в общественных науках, а затем в социальной философии в связи с проблемами глобализации появилась и стала развиваться новая исследовательская область – *проблем переходности,* или *трансформаций* современного общества [259]. В значительной мере формирование этой новой области обусловлено нарастанием

широты и силы международных взаимодействий и процессами глобализации, а также кардинальными преобразованиями жизни многих государств в конце XX – начале XXI веков.

Отечественный правовед В.В.Сорокин пишет, что глобализация – это «процесс стремительного развертывания изменений, лавинообразной и необратимой модернизации. Ключевыми при ее описании терминами являются: развитие и изменение, прогресс и архаизация, кризис и конфликт, переходный период и трансформация» [224, с.22]. Процессы «трансформации, проходящие с конца XX века, стали новым явлением в политической жизни всего международного сообщества. Это переход, при котором связанные с ним социальные и политические изменения стали рождать новый круг проблем, обусловленных крушением авторитарных режимов. Данные процессы пытается объяснить новая область социогуманитарного знания – *транзитология*. Появившись в 80-е годы на Западе, она концентрировала внимание на проблемах *перехода* стран с тоталитарными и авторитарными режимами к демократии и либерализму (А.Пшеворский, Ф.Шмитгер, Х.Линц, С.Хантингтон). Особое место в ней занимает институциональный подход, а в нем – разработка моделей функционирования государственно-правовых институтов и их роли в обществе в качестве механизмов социально-политического и даже духовного контроля» [224, с.23-26]. На фоне резких социальных трансформаций и неопределенности в способах толкования новых сложных процессов в общесоциальном знании, с конца XX века развился кризис ряда социогуманитарных наук.

Под социальным *переходом* «понимаются такие социальные и институциональные преобразования, которые заключаются в трансформации одних качественных состояний системы в другие. В рамках транзитологии он означает социальные и институциональные преобразования, связанные со сменой автократических и тоталитарных режимов на демократические способы управления. Среди слабых мест транзитологии можно выделить ярко выраженную идеологическую направленность, заключающуюся в рассмотрении любых институциональных изменений как результата национально-государственной неполноценности» [224, с.26].

С.Хантингтон, исследуя проблемы разных глобальных путей развития социума как проблему столкновения цивилизаций, высказывает мнение о том, что «переход-

ные процессы внутри отдельных стран можно объяснить лишь в контексте глобальных политических изменений, мировых «волн демократизации». Такая постепенная внутренняя демократизация под воздействием глобализации осуществляется под влиянием *экзогенных* факторов мирового процесса» [261]. С.Хантингтон пишет: «Реальный социализм оставил после себя гигантское «минное поле». Обнаруживаются все новые центры и силы дестабилизации мировой политики, между тем как новых стабилизирующих структур нигде еще не создано» [261, с. 34].

В своей работе «Столкновение цивилизаций» С.Хантингтон обосновывает, что внутри стран в условиях глобализации идут эндогенные процессы, среди которых автор выделяет три основных вида:

«1) *трансформация* (transformation), при которой сильная правительственная группировка диктует оппозиции условия пакта о демократизации страны;

2) *перегруппировка* (transplacement), когда существует баланс сил между правительством и оппозицией, в результате которого замена руководителей происходит путем переговоров и –

3) *замена* (replacement), в ходе которой под давлением масс «снизу» оппозиция сменяет правительство» [261, с. 34].

В современной отечественной социально-философской литературе также все более значительное внимание привлекает новая актуальная проблема переходности. Изучение проблем переходности в общесоциальном плане осуществлено нами с опорой на труды разных авторов, в частности, Ю.А.Веденеева, А.Н.Данилова, Л.А.Зубкевич, В.П.Ионина, В.И.Пантина, В.И.Паршикова, В.В.Халева и др. Важные для нас переходные процессы и трансформации в философии права, теории государства и права российского общества нашли отражение в трудах Н.Н.Алексеева, С.С.Алексеева, И.Н.Бородиной, Ю.А.Веденеева, А.Б.Венгерова, Г.Н.Глиоса, О.Г.Данильяна, Э.В.Кузнецовой, М.Н.Марченко, О.В.Прокопьевой, Н.М.Римашевской, А.Х.Саидова, В.В.Сорокина, О.Н.Тарасова и др. [47; 62; 74; 91; 203; 207; 215; 216; 223; 235; 259; 267].

При этом ряд ученых отмечает необходимость формирования специального категориального аппарата, необходимого для исследования данной проблемы: «Нарастающая актуальность проблемы переходности на рубеже XX–XXI вв. привела к то-

му, что в обществоведческих исследованиях появились *специальные новые термины*, связанные с данной проблемой. В российской научно-философской литературе получает распространение термин «переходность», а из западной литературы к нам пришли термины «транзитивность», «транзитологические проблемы», «транзитология». Кроме того, ряд более частных понятий исследователи также причисляют к группе категорий «переходности», но более узкого, специфического значения. Это, прежде всего, такие широко распространенные понятия, как «реформа», «реформирование», «трансформация» [259, с.37].

Так, В.В.Халев и В.Н.Паршиков в монографии «Переходность в системе социально-природного существования: философско-методологический анализ» следующим образом определяют основные понятия, связанные с переходными процессами в обществе: «*Переходность* – это совокупность социальных изменений, или социальных процессов определенных видов, характеризующихся неким общим признаком – перестройкой социосистемы в целом или ее частей. Основным признаком переходности мы считаем такие наблюдаемые и фиксируемые изменения – определенные социальные перестройки разного рода: внутрисистемные перестройки, преобразование стадий изменения социосистем, межсистемные изменения, общие социосферные изменения, социально-природные (геосоциоэкологические) изменения» [259, с.42]. «*Трансформации* – это разнообразные переходные процессы в обществе на микро- и макроуровнях социальных преобразований. Понятие трансформаций, изменяющих макроуровень социосистемы, сравнимо с переходным периодом. В другом смысле, термин «*трансформации*» употребляется аналогично термину «реформы», а термин «трансформирование» – аналогично термину «реформирование». Реформы и трансформации также могут осуществляться в виде новаций и инноваций в разных социальных сферах» [259, с.46].

«*Политико-правовая переходность* – это переходность права, которая действует в системе государственной власти, с векторами: 1) социохолизма (патернализма), консолидирующего созидательные силы общества, и 2) социопарциализма (либерализма), крайнего социального разделения (в итоге – самораспада) в системе управления страной… *Правовая переходность:* с одной стороны, с помощью законов обеспечивает стабильность (динамическое равновесие) общественной жизни, а с другой, –

инициирует изменение основного – Конституции и производных законов, норм жизни граждан государства в переходном периоде. Это активизация правотворческих инициатив патерналистского или либералистского, собственного социокультурного или инокультурного векторов изменения права [259, с.170].

Анализ изучения современной литературы по проблемам переходности и трансформациям глобализирующегося общества, позволил Н.Н.Красновой, В.И.Паршикову и Ю.В.Табакаеву следующим образом обозначить общее понимание переходности в условиях процессов глобализации, где «...в планетарных масштабах переходность предстает как социально-природная изменчивость, где социальное неразрывно связано с материнской средой – природой планеты. С позиций социоцентризма, переходность предстает как форма социальной изменчивости, представленная многообразными переходными процессами, трансформациями в обществе» [193, с.1158].

В разных социосистемах государств, с разной организацией социально-правовых сфер, характер свободы и ответственности граждан, совокупность их прав и обязанностей различаются. Как отмечалось в первой главе, это связано со спецификой природно-географических и климатических условий существования населения и его хозяйственной деятельности, с различием социокультурных основ, исторического развития разных стран и т.д. Следовательно, формальное перенесение комплекса прав и обязанностей граждан из одной страны в правовые подсистемы других стран, чаще всего, не может дать адекватных позитивных результатов, порою в итоге оказывается нецелесообразным, а в ряде случаев может вызвать опасности дестабилизации социальных отношений. Соответственно, в эпоху глобализации необходимо исследовать проблему прав человека также с учетом цивилизационного подхода, с учетом феномена «столкновения цивилизаций» (С.Хантингтон) [261].

Э.Ласло пишет: «В первые же годы XXI века мы оказались втянутыми в процесс глубокой и необратимой трансформации. Проблемы и кризисы, войны и насилие, обрушившиеся на нас, являются симптомами коренного цивилизационного сдвига – *макросдвига.* Этот процесс гораздо глубже, чем широко обсуждаемая глобализация локальных, региональных и национальных экономик, происходящая под влиянием технологии, финансов, средств коммуникации и торговли. Происходящая ныне

трансформация – не просто экономический, а цивилизационный процесс. Он является составной частью долговременного эволюционного тренда, ведущего ко все более усиливающейся интеграции различных групп, экономик, обществ и культур в системы, охватывающие все больше народонаселения и все большие территории. Ныне этот сдвиг достиг планетарных масштабов; он глобализируется» [142, с.7].

В современных условиях, изменениями охвачены все обозначенные уровни социальной организации, соответствующие уровни правовых сфер социума, в том числе, те составляющие социальной реальности, куда входят права и право-обязанное поведение человека [122; 131]. Поэтому необходимы глубокие исследования взаимосвязанных изменений или переходных процессов, трансформаций в проблеме прав человека и право-обязанного поведения субъектов на разных уровнях социальной организации – от сферного социально-правового, государственного и вплоть до глобального.

В настоящее время вопросы правовой переходности и правовых трансформаций активно исследуются правоведами, юристами, но более широко – экономистами или политологами. По мнению правоведа М.Н.Марченко, существует целый ряд трансформаций в правовой сфере, связанных с кризисными явлениями в праве и политико-правовых процессах, в том числе, связанных с проблемой прав человека. К ним ученый относит «следующие: 1) кризисы, возникающие в период роста и централизации государств и правовых систем, когда еще молодое государство «самоутверждается», укрепляет свою власть; 2) кризисы, когда само государство является ареной жестокой борьбы за завоевание власти»; 3) кризисы, «происходящие в период децентрализации» зрелых, давно сложившихся государств. В это же время резко обостряются проблемы, связанные с правами человека, которые также испытывают значительные трансформации» [239, т.2, с.324].

С позиций изучения процессов глобализации можно предположить, что полное согласование проблем прав человека и его право-обязанного поведения в связи с поляризацией социума, особенно в стратегии однополярного мира, в современных условиях вряд ли возможно. Но безусловно, усилия в этом направлении необходимо продолжать. По-видимому, в настоящее время *главным уровнем согласования* законных фундаментальных прав человека и его право-обязанного поведения в разных

странах и цивилизациях в условиях нарастающей глобализации социума все же оказывается *уровень международного права* [122; 193].

Считаем, что при теоретическом решении ключевых вопросов право-обязанного поведения личности в современном обществе с позиций социальной философии, по-видимому, целесообразно опираться на диалектику категорий *всеобщего, общего, особенного и единичного* [34; 88; 157; 158]. С категорией всеобщего при подобном рассмотрении соотносится глобальный уровень формирования социосферы. С категорией общего сочетается международный уровень. Категория особенного соотносится с государственным уровнем. А категория единичного относится к отдельному субъекту – человеку. Соответственно, можно вести речь о формировании всеобщих (глобальных) правовых отношений, об общих (международных) отношениях, об особенных (национально-государственных) социально-правовых отношениях, а также о единичных отношениях в сфере права и право-обязанного поведении человека.

Если исходить из данных соотношений отмеченных диалектических категорий и уровней социальной реальности при рассмотрении социально-правовых проблем, то далее в рассуждениях мы можем опираться на закономерности диалектических связей и отношений, отраженных в категориях всеобщего, общего, особенного и единичного. Они проявляются на всех структурно-организационных уровнях формирующейся и развивающейся социосферы – глобальном, международном, государственном и на уровне человека в социуме (единичного).

По-видимому, на *глобальном* уровне *всеобщего* рассмотрения проблемы в будущем возможна разработка лишь неких, наиболее лаконичных, *всеобщих* принципов право-обязанного поведения человека и его фундаментальных прав, независимо от страны проживания личности.

На *международном* уровне продуктивной может оказаться разработка более развернутых *общих* принципов право-обязанного поведения субъекта в основных международных сообществах, с учетом цивилизационной специфики государств входящих в эти сообщества (*цивилизационный* уровень).

На *государственном* уровне наиболее глубоко может быть понято *особенное* в праве отдельных стран, для чего необходима опора на более широкие представления о природно-климатических, культурно-исторических, цивилизационных основах и о

современном состоянии отдельных государств, в том числе, в аспекте существующих норм право-обязанных и морально-правовых отношений граждан в соответствующих государствах.

На *индивидуально-личностном* уровне (*единичного* рассмотрения, *отдельного* человека) необходимо изучение, сбалансированных с социумом, применительно к разным уровням социальной организации, принципов разработки и реализации норм прав человека и его право-обязанного, свободо-ответственного поведения в обществе [122; 131]. Но также следует обязательно учитывать *конкретные* условия существования людей в рамках закона определенной страны. Исходить из реальной взаимосвязи его прав и обязанностей, свободы и ответственности человека в рамках его гражданско-правового статуса в определенной стране. Далее, если за основу соотношения прав и право-обязанного поведения человека принять *международное* право, то именно в нем главной задачей становится разработка *общих механизмов* преобразования, переходности прав человека и его право-обязанного поведения с учетом реальной специфики жизни людей в разных странах [131].

Именно на международно-правовом уровне, права́ и право-обязанное поведение человека [122; 131] (кроме их определения в системе того или иного государства) встраиваются в системы международного права. В результате на этих разных уровнях организации социума могут возникать (на практике – постоянно возникают) несоответствия в нормах отдельных государств и в аналогичных международных нормах. Поэтому можно полагать, что необходима особая область – международно-правовой компаративистики – где будут рассматриваться сходства и различия прав человека на государственных и международном уровне. В результате могут вырабатываться некие правила по достижению согласованности государственных и международных норм по правам человека, с учетом выработанного «коэффициента поправки» для разных стран. По-видимому, эти «коэффициенты поправки» на международном уровне еще ждут своей разработки.

О том, что именно при социальных переходах-трансформациях от государственного к международному уровню и обратно, проблема прав человека и его право-обязанного поведения еще далека от завершения, говорит следующее. Сегодня, например, все более отчетливо проявляется, что решения по ряду вопросов прав че-

ловека становятся все более манипулятивными. Фактически мы можем констатировать *кризис концепта «прав человека» не только на государственном, но и на международном уровне* [124.1; 126]. Нельзя не согласиться с ведущим отечественным специалистом в области прав человека Е.А.Лукашевой, которая делает следующее бобщение. «Следует учитывать, что даже процессы глобализации не могут обеспечить современному миру ни универсального миросистемного устройства, ни универсальной системы ценностей, ни универсального человека – а значит, и единой концепции прав человека. Сейчас трудно прогнозировать возможность формирования единой общечеловеческой цивилизации. Главная задача – уважать иное мироустройство, если даже оно противоречит нашим убеждениям, не пытаться изменить его путём насильственного насаждения демократии, собственных стандартов прав человека, представлений о должных взаимоотношениях людей в обществе» [146, с.120]. Мы также согласны со следующим утверждением правоведа В.В.Сорокина, что: «Дискуссия о глобализации – это обсуждение не того, что может быть, а того, что уже есть и требует объяснения... Создается впечатление, что отныне динамикой мира заведуют деструктивные силы; те же, кто олицетворяет духовно-нравственный эталон мирового развития, представляются как агрессивные традиционалисты» [224, с.5].

В указанных трансформациях происходят весьма неоднозначные изменения в правовых нормах и практических юридических решениях по правам и правообязанному поведению людей. Так, при переходе от государственного уровня одного определенного государства (условно – уровень особенного 1, государства-донора) – к международному, а от последнего – вновь к государственному уровню, но иного государства, иной страны (условно – уровень особенного 2, государства-реципиента) необходима соответствующая конвертация норм права. Должно учитываться, что перенесение требований прав личности, присущих одной социосистеме, со своими особенными условиями социальной организации и существования людей, в условия социосистемы другого государства, должно быть обязательно осмыслено и проверено в системе существующих социально-правовых отношений государства-реципиента. Перенесение инокультурных прав человека из «чужой» системы права (государства-донора) в «свою» (государство-реципиент) возможно лишь в случаях: осуществления

внутреннего согласования право-ответственных условий в данной социосистеме, а также, если повышение данного вида прав (и обязанностей) субъектов приводит к общему усовершенствованию данной социосистемы, а не к ее стагнации или к ослаблению и саморазрушению.

По нашему мнению, именно на уровне международного права как общего, должны вырабатываться не диктаты воздействия неких унифицированных норм прав человека на все государства независимо от их специфики, а формироваться механизмы социально-правового консенсуса, механизмы взаимного преобразования и взаимного согласования «прав и право-обязанного поведения человека» [122; 131] в странах с разными цивилизационными традициями. Для этого и должны вырабатываться особые объективные социально-правовые «коэффициенты поправок» для взаимосогласования прав человека на международном уровне с целью совершенствования жизни в социосфере.

Актуальность возникающих проблем связана с тем, что на *международном и глобальном уровнях* социальной организации со второй половины XX века и вплоть до настоящего времени обострился ряд общесоциальных, социально-правовых вопросов [126].

Во-первых, все ярче проявляется реальная специфика социокультурных различий в устоях жизни в разных регионах Евразии и планеты в целом, поскольку они основаны на разных цивилизационных традициях, что в существующей международной концепции прав человека, западоцентристской по сути и содержанию, не находит своего удовлетворительного решения.

Во-вторых, отмеченная (в параграфе 1.2) полярная концептуальная «*триада*» – *трехмерность* векторов проблем прав человека, характерная для государств западной цивилизации в виде отношений: «*права угнетенных (минимальные) – формальное всеобщее равенство прав – права властных сильных личностей (максимальные)*» – на более сложном глобальном уровне социума также усложняется [122]. По существу, на формирующемся международно-глобальном уровне с вектором однополярного мира – мондиализма, происходит еще большее разрастание противоположностей и противоречий. В результате «формируется уже *пятивекторность* полярных отношений («*пентада*» глобализации). Мы можем выразить ее в следующем виде:

1) «*полное бесправие личности (в международных масштабах, с современными видами бесправия, например, беженцев) – 2) права угнетенных (на уровне государств, минимальные) – 3) формальное всеобщее равенство прав (провозглашаемое для землян на всех уровнях организации социума) – 4) права властных сильных личностей (максимальные, на государственных уровнях) – 5) абсолютизированное право личностей глобальной элиты (на международно-глобальном уровне)*» [122, с.2198].

Таким образом, можно полагать, что изначально западоцентристская противоречивая *триада* отношений при переходе к глобальному уровню организации по пути мондиализма (однополярного мира) перерастает во все более конфликтную *пентаду* (пятивекторность) довольно противоречивых правовых отношений человека и общества, что может иметь опасные последствия в практике современной общественной жизни. Международное право может расширять определенные права́ личности, но при этом вступать в противоречие с нормами право-обязанного поведения, присущими той стране, где личность имеет гражданство. А в случаях двойного (и более) гражданства человека, несоответствия и противоречия могут наблюдаться при соотношении аналогичных норм международного права и права двух и более национальных государств. В ряде случаев нормы государственных прав личности в одном государстве могут превышать таковые в нормах международного права, и наоборот.

Это актуализирует ряд следующих взаимосвязанных проблем:

1. Проблема признания специфики и уникальности правовых систем отдельных конкретных стран и необходимость особого решения в них вопросов прав человека и право-обязанного поведения субъектов.

2. Проблема адекватного соотношения правовых (под)систем разных государств на международном уровне.

3. Проблема согласования прав и право-обязанных отношений субъектов в нормах международного права с учетом их государственно-гражданской и социокультурной идентичности.

4. Проблема поиска путей унификации прав и право-обязанного поведения человека на глобальном уровне – как необходимого и достаточного минимума всеобщих глобальных прав и норм право-обязанного поведения людей-землян.

В юриспруденции это порождает множественные правовые коллизии (противо-

речивые нормы и статьи законов) на разных уровнях социальной организации – от внутригосударственного до глобального [122]. Возможно, что для устранения противоречий в складывающейся «пентаде» прав и бесправия людей в условиях глобализации могут принести пользу следующие меры.

1. Как отмечалось, это социально-правовые «поправочные коэффициенты» [122] (в виде специальных юридических норм) при множественных «прямых» переходах от прав и право-обязанного поведения граждан в большом количестве разных национальных государств – к международному уровню. Также это специфические социально-правовые «поправочные коэффициенты» «обратного» перехода от международного уровня – к национально-государственным правовым системам. Кроме того, видимо, необходимы и «качели» взаимопереходов следующего вида: право государства X – международное право – право государства Y, особенно в связи с практикой получения субъектами двойного, тройного и т.д. гражданства.

2. Это социально-правовые «поправочные коэффициенты» (в виде специальных юридических норм) при переходе от формирующихся систем международного права (где также может оказаться несколько рабочих вариантов) – к глобальному социосферному праву и обратно. Также следует учитывать возможное разнообразие подобных социально-правовых «поправочных коэффициентов» (в виде специальных юридических норм) в связи с разными стратегиями глобализации.

С позиций социальной философии и философии права можно полагать, что при переходе от исходного уровня «единичное» к высшему уровню «всеобщее», закономерно вырабатываются все более общие понятия и теории. И напротив, может происходить конкретизация и расширение понятий на пути к категории «единичное». Связь социально-правовой теории с социальной практикой в целом означает, что решения по поводу прав, право-обязанного, свободо-ответственного поведения отдельных субъектов должны быть дифференцированными, а не формально-декларативными [122].

Таким образом, в данном параграфе проблема прав человека раскрыта нами в связи с исследованием новых процессов, охвативших планету с середины и особенно с конца XX века: процессов глобализации. Это множественные трансформационные,

переходные процессы, активно идущие в современном обществе. Именно глобализация резко усилила подвижность и неопределенную изменчивость всей социосферы.

В условиях глобализации, множественные трансформации осуществляются не только под воздействием объективных факторов, но в значительной мере определяются субъективными факторами, способными действовать как созидательно, так и разрушительно. В целом глобальная переходность осуществляется по противоположным стратегическим линиям – однополярного и многополярного мира (что вносит разлад в общее социальное поведение людей).

Проведенное исследование показывает, что для стабилизации глобальных социальных отношений необходимы согласованные межцивилизационные действия. Их реализация возможна путем соответствующей разработки ключевых социально-правовых проблем, в том числе, в области права прав человека. С позиций проблемы прав человека, противоречивые процессы, развившиеся в западной цивилизации (в виде триады правовых отношений) и вышедшие на глобальный уровень (в форме пентады правовых отношений в сфере прав человека), требуют дальнейшего социально-философского анализа с целью поиска разумного разрешения конфликтных вопросов и событий и перехода к осознанному свободо-ответственному поведению людей в обществе. Эта созидающая стратегия предусматривает не только перестройки сферы социального управления, оптимизации нормативно-правовой базы в сфере прав и право-обязанного человека, но также обязательно связана с формированием развитого правосознания, правового мировоззрения, как у отдельных личностей, так и в общественном сознании. Важнейшие вопросы развития правосознания не могут быть решены без совершенствования системы правового образования как населения в целом, так и профессиональных юристов – теоретиков и практиков. Этому посвящен заключительный параграф второй главы диссертационной работы.

2.3. Место и роль правового образования в осознании и разрешении проблемы прав человека и право-обязанного поведения субъекта

Предметом социально-философского анализа в данном параграфе является правовое образование, поскольку именно здесь в значительной степени формируется правосознание субъектов по вопросам прав и право-обязанного поведения человека в обществе. В общество непрерывно вступают новые поколения людей, которых необходимо постоянно готовить к жизни в усложняющихся условиях. Эта важнейшая задача реализуется в сфере образования, где происходит как общее воспитание и обучение населения, так и подготовка кадров высшей квалификации, в том числе, в области права. Соответственно, правовая подготовка, адаптация и социализация человека обеспечивается в такой педагогической отрасли, как *правовое образование*. Оно дает обучающимся главные, практически необходимые знания о частном, государственном и международном праве, об основах личностно-правовых и социально-правовых отношений. Соответствующим образом подготовленный человек в состоянии понять и оценить меру своих прав и обязанностей, свобод и ответственности, а также практически применить полученные знания в своей жизни.

Поскольку в условиях современного информационного общества каждое поколение получает важнейшие знания для своего существования преимущественно в государственной системе образования, качественное правовое образование должно быть неотъемлемой частью общего образования граждан страны – от начальных до завершающих этапов. Но прежде чем, более детально исследовать вопросы правового образования в нашей стране, обратимся к общим социально-философским и философско-образовательным знаниям о роли образования в современном мире, чтобы затем опираться на эти философские позиции при анализе правового образования.

В предыдущих параграфах диссертации (1.1 и 2.2) мы отмечали, что любая социосистема состоит из людей – исходных структурных элементов общества, сущностью которых является сознание. Как совокупный результат проявления сознания людей в обществе, формируется общественное сознание, заключающее в себе как основные черты совокупного сознания индивидов, так и общие черты осмысления социальных и социально-природных процессов в том или ином обществе. На уровне государства общественное сознание предстает как совокупное сознание

гражданского населения, отражающее сущность данного общества – в отличие от бессознательных биосферных систем живой природы. Общественное сознание также определяет духовно-культурный потенциал и сущность общественной жизни в определенных условиях социального пространства-времени.

Сфера образования в обществе XXI века приобретает все большую значимость. Это объясняется тем, что именно образование–воспитание формирует индивидуальное сознание множества людей в изменяющихся условиях глобального информационного общества, общества потребления, а также во многом конструирует общественное сознание граждан в условиях ускоряющегося научно-технического прогресса и обострения социально-экологических проблем. Поэтому вполне обоснованно в настоящее время ряд ученых определяет сферу образования как *фундаментальную сферу* любого государства и глобального общества [134; 135].

Без образования – обучения и воспитания – человек уподобляется животному, утратившему даже инстинкты биосферного сосуществования, теряет свой человеческий образ, он не «образ»ован, без-образный, но уже и не биосферный. Недаром народная мудрость гласит, что ученье – свет, а неученье – тьма. Необразованные, безграмотные, недальновидные люди не смогут или не захотят понимать всей широты, сложности проблем современной жизни, а также многих опасностей происходящих социальных процессов. Люди такого плана существуют по принципам: моя хата с краю; жить лишь сегодняшним днем; делать то, что выгодно лишь мне; после меня – хоть потоп. Необразованное человечество (подконтрольная «масса»), одурманенное идеологией потребления, не способно понять ни сложнейших социальных и природных процессов, ни причин надвигающегося глобального катастрофизма, ни возможных путей выхода из глобального кризиса. И только образованное и культурное человечество в состоянии сохранять и развивать социальную и природную жизнь нашего общего дома – Земли – в согласовании жизни социосферы и биосферы [166; 172; 246; 280].

Именно поэтому сегодня образование становится центром борьбы: или в целях деконструкции качественного образования и подчинения человека для создания в итоге безликой «социальной массы», или за созидание нового человека, заслуживающего свое право сохранять и укреплять облагороженную социальную и планетар-

ную жизнь, осознанно принимающего на себя груз ответственности и полноту обязанностей на этом сложном пути (Т.С.Косенко, В.В.Миронов, Н.В.Наливайко, В.И.Паршиков, А.И.Субетто и др.) [120; 163; 170; 228]. В этих условиях борьбы за нового человека сама сфера образования находится сегодня в эпицентре столкновения созидающих и деконструктивных сил в глобальных переходных процессах [134; 163; 180].

В целом судьба образования в конкретных странах зависит от действий государственной власти и от финансового обеспечения образовательных процессов, стратегий и разработки качественных учебно-воспитательных и учебно-производственных программ в образовательных учреждениях страны. Судьба образования во многом определяется содержанием и сущностью действующей власти.

С одной стороны, государственная власть должна применять всю силу конституционного закона для защиты и всестороннего развития образования (обучения и воспитания), как важнейшей социальной сферы, определяющей качество жизни в современном обществе и его обозримом будущем, указывать перспективы развития (*например*, конституционное право на здоровое и всестороннее саморазвитие человека и властные, политико-правовые меры в этом направлении, которые должны быть реализованы в образовательной сфере гражданско-демократического общества посредством всеобщего гражданского образования). Для этого в стране должны быть: созидающие государственные законы и другие юридические документы об образовании (которые в настоящее время оставляют желать лучшего) и просветленная гражданская политика государства в сфере гражданского образования. С другой стороны, сам человек в сфере образования-воспитания не имеет права утрачивать стремления к жизненно важным знаниям и к овладению умениями применять их на практике. Педагог при всех сложностях его современного труда не должен утрачивать высокого звания Учителя, а ученикам необходимо брать пример с таких Учителей в отношении к жизни, к людям, к познанию, творчеству, практическому созиданию.

Общие социальные процессы в сфере образования находят свое отражение в отдельных его отраслях – социогуманитарном, техническом образовании и др. В связи с темой диссертационного исследования мы рассмотрим с системно-философских

позиций социогуманитарное правовое (юридическое) образование, которое ложится в основу формирования правового сознания и правовой культуры всех граждан государства и которое дает полноценные теоретические и прикладные знания юристам-профессионалам.

При рассмотрении правового образования будем освещать актуальные современные вопросы подготовки человека в сфере его прав и право-обязанных отношений. Также насущной потребностью правового образования, в связи с общим обострением социальных противоречий в XXI веке, становится не только изучение отдельных вопросов правовой и юридической безопасности, но и общей культуры правовой безопасности с анализом соответствующих новейших социально-правовых процессов на государственном, международном и глобальном уровнях.

В целом правовое образование (обучение и воспитание) включает в себя два блока:

1) общее правовое образование как общекультурное правовое образование населения;

2) профессиональное юридическое образование (по уровням и отраслям) для подготовки профессионалов в сфере социально-правовых отношений (Е.С.Аничкин, Е.Моисеева, В.Я.Музюкин, Ю.А.Чернавин и др.) [167; 209; 266; 276].

Общее правовое образование необходимо на уровнях школьной и общевузовской подготовки в виде учебных дисциплин по основам права с постепенным наращиванием широты и сложности получаемых обучающимися знаний. Оно призвано сформировать правовую культуру каждого гражданина страны, его адекватное правовое сознание с пониманием право-обязанных отношений и их осуществлением в социально-правовой деятельности субъекта. Также в образовательных программах следует показать антидиалектичность односторонне поставленной проблемы прав человека, часто порождающей эгоцентризм и жажду обладания наибольшими личными правами по сравнению с другими людьми. Следует раскрыть и ущербность антагонистической диалектики абсолютизации прав и бесправия субъектов в конфликтных эксплуататорских отношениях господина и раба, элиты и массы как в исторически известных вариантах, так и в формах новейшего рабства XXI века (наркотического, сексуального, экономического, физического, информационного и пр.).

Уже на уровне общего правового образования проблема прав и право-обязанного поведения человека [122; 131] в том виде, как она сегодня поставлена и разрешается, во многом исчерпала себя, поскольку на международном и государственном уровнях в имеющихся концептах и вариантах она порождает целый ряд неразрешимых проблем и правовых коллизий. Антидиалектичность и крайности в вариантах самой постановки проблемы только как «прав человека» приводят к разрыву прав и обязанностей субъекта в его жизнедеятельности и в итоге к нарастанию дисбаланса в отношениях личности и общества. Это порождает эгоцентризм в требованиях наращивания собственных личных свобод и прав, при игнорировании адекватных мер ответственности субъекта и выполнения им необходимых обязанностей.

Если же выстраивать общие учебные курсы по правам человека в аспекте обсуждения полярных феноменов права и бесправия субъекта в обществе, то здесь, как отмечалось в параграфе 2.1, возникает цепь порочных смыслов и отношений, характерных для конфликтного эксплуататорского общества. Общий смысл заключается в том, что человек, избавляясь от оков рабского бесправия, в свою очередь сам стремится не к ограниченному балансу прав, а к изобилию прав, соответствующих статусу господина. Это порождает жгучее желание у некогда освободившегося раба и получившего изобилие прав, иметь собственных рабов и повелевать ими. Таким образом, концепты абсолютизации прав личности (со скрытой оборотной стороной бесправия иных субъектов) воспроизводят деформацию личности и правовые конфликты в обществе.

Считаем необходимым обратиться к системно-философской и диалектической постановке проблемы в ее правовом поле, которая заключается в необходимости разработки концепции право-обязанного поведения личности в ее юридическом и образовательном аспектах. Скорее всего, следует раскрыть общую системно-философскую и диалектическую закономерность взаимодействий человека (элемента) и системы (государства) более широко. Она предстает как: *налаживание баланса взаимодействий между право-обязанными отношениями граждан страны (по отношению к государству) и право-обязанными отношениями государства (по отношению к гражданам страны)*.

Концепты право-обязанного поведения человека в обществе необходимо разрабатывать на основе специфики жизни граждан в каждом *конкретном* государстве, с учетом природно-географических, эволюционно-культурных и современных характеристик социосистемы (государства), в которой живет человек (гражданин). В процессе общего правового образования обучающийся должен усвоить ключевые правовые идеи Конституции и законодательства страны, основы право-обязанных отношений субъекта.

Очевидно, что повышение степени свободы и прав человека, соразмерное с увеличением его ответственности и обязанностей, невозможно без общего повышения уровня правосознания, правовой культуры и правового образования личности. Так, в образовательных программах диалектика *свободо-ответственного*, *право-обязанного* поведения может быть рассмотрена на индивидуально-личностном уровне, с учетом того, что с развитием правосознания и правовой культуры граждан расширяются личностные характеристики поведения субъектов. Человек и в обществе, и в правовом образовании может выступать как законопослушный гражданин, соблюдающий нормы права, но не задумывающийся над их смыслом. Это преимущественно уровень правового индивида. Если же гражданин творчески осмысливает нормы действующего права, на основе чего может осуществлять более разнообразную деятельность в рамках закона, то он в наибольшей степени проявляет себя как правовая личность. Индивид и личность также специфически выстраивают свое относительно свободное поведение в обществе: индивид действует преимущественно в рамках социальной необходимости, а личность в наибольшей мере проявляет социальную ответственность. Соответственно, в правовом образовании вначале следует формировать правового индивида, а затем – правовую личность.

Индивидный компонент в наибольшей мере присутствует в понимании человеком меры его *социальной свободы и социальной необходимости*. Здесь человеку как мыслящему *индивиду* предлагается перечень свобод и определяются формы социальных ограничений и запретов, в рамках которых он может осуществлять свою жизнедеятельность в данном социуме.

Личностный компонент наиболее присутствует *в свободо-ответственном* (общесоциальном) и *право-обязанном* (социально-правовом) поведении субъекта. Здесь

личность (как мыслящий индивид, но еще и с развитым самосознанием, самооценкой, самосовершенством, самоуправлением) осознает меру своей свободы и ответственности в обществе. Также личность сама осознает меру своих законных прав, а также обязанностей (адекватных полученным правам). При этом личность понимает, что закономерное повышение ее прав в обществе в процессе ее роста и самосовершенства обязательно должно быть соразмерно повышению ее обязанностей, правовой ответственности перед обществом.

Усвоение культуры гражданами страны происходит в процессе усвоения ими основ традиционной культуры и высшего личностного уровня культурного развития в процессе их воспитания, образования, накопления собственного созидательного опыта в индивидуально-социальных отношениях. В первом параграфе диссертации нами был дан общий обзор проблем культуры – от общего понимания культуры общества и человека до отдельных форм культуры (социальной, правовой, культуры прав человека, культуры безопасности и т.п.). Поэтому в данном параграфе мы лишь укажем, что на индивидуально-личностном уровне интегральной является общая культура человека, характеризующая его как развитую и способную к самосовершенствованию личность.

По нашему мнению, *общая культура личности* – это все то лучшее, что впитывает в себя человек в процессе полноценного воспитания, образования, в результате общения с людьми и личной социальной деятельности; это накопленный человеком духовно-практический потенциал знаний и умений, который он способен реализовать в разных сферах материальной и духовной жизни (этической, эстетической, политической, правовой, экономической, экологической и пр.), в отношениях с близкими людьми, а также в процессе самоуправления, саморазвития и самосовершенства. Культура личности во многом выражает чувство меры в процессе самоуправления собственными чувствами, мыслями и действиями, в осуществлении баланса межличностных и социальных отношений. В осознании свободо-ответственного поведения человека в обществе [131] на основе верных знаний и собственного опыта также проявляется общая культура личности. Она во многом выражает чувство меры субъекта в налаживании оптимальных межличностных, социальных и природно-экологических отношений в окружающем мире.

Из понимания общей культуры личности можно вывести ее частную форму – правовую культуру личности. Считаем, что *правовая культура личности* является неотъемлемой важной составляющей общей культуры человека. Правовая культура личности базируется на осознании человеком системы социально-правовых отношений, на понимании своего места и роли в системе право-обязанных отношений и реализуется в выполнении своей социальной миссии при наличии необходимых прав, полномочий и соответствующих обязанностей и ограничений. Но человек не может жить без общества и его культуры, поэтому наряду с индивидуальной культурой обязательно следует рассматривать социальную культуру данного общества, в том числе правовую. Но поскольку личность и общество диалектически связаны между собой, правовая культура личности не существует в отрыве от правовой культуры общества, и наоборот. *Правовая культура общества* как целостной социосистемы базируется на ключевых жизнеутверждающих общественных идеях, на общественном правосознании и мировоззрении, включает в себя общие стратегии баланса и развития социального и природного существования людей в структуре данного общества. *Общеобразовательный* уровень правового образования формирует у обучающихся правовое мировоззрение гражданина страны и его правовую культуру, позволяющую верно ориентироваться в существующей правовой реальности и осуществлять свою разнообразную деятельность в соответствии с законодательством страны.

Но наивысшим, наиболее сложным и важным уровнем правового образования является *профессиональное юридическое образование*, к которому мы обратимся в завершении данного параграфа. Согласно выводам современной философии образования, оно должно опираться на диалектические и системно-философские принципы познания и практики, на широкий теоретико-юридический анализ проблем и разнообразных концепций, связанных с правами человека и его право-обязанными отношениями [131]. Необходимо широкое рассмотрение теоретико-методологических, аксиологических, праксиологических аспектов проблемы, а также вопросов культуры правовой безопасности по исследуемым вопросам.

На этом профессиональном уровне даются глубокие знания в системе разных отраслей права, в том числе, гражданского, частного права, по правам человека. В этой отрасли также следует акцентировать внимание на разнообразии аспектов по д-

готовки. Это: 1) эволюционно-культурный, 2) философско-правовой и теоретико-правовой; 3) морально-правовой; 5) структурно-организационный – от группового, государственного до международного и глобального; 6) парциальный и холистический личностные аспекты правового обучения, последний – с формированием право-обязанного, свободо-ответственного поведения человека в обществе. Решение проблем прав отдельных личностей также следует рассматривать с позиций взаимосвязи категорий всеобщего, общего, особенного и единичного, в зависимости не только от специфики развития социальных культур человечества, но и от различий решения проблем человека в праве и прав человека на разных уровнях социальной организации [122; 131].

Обучающимся важно понять специфику социокультурных подходов к праву и право-обязанному поведению личности, осознать особенности, преимущества и недостатки западной, восточной (дальневосточной) и российской традиций при выработке концептуальных решений по вопросам права и прав человека. В обучении необходимо обратить особое внимание на цельность концепций в русском правоведении, на атрибутивность отечественных нравственно-правовых подходов к решению юридических проблем.

В профессиональном юридическом образовании необходимо органичное сочетание общефилософских, философско-правовых, теоретико-юридических и прикладных подходов по вопросам правотворчества в сфере право-обязанного поведения субъектов и соответствующего нормоприменения.

Обсуждение в профессиональном юридическом образовании таких философско-правовых идей и концептов диктуется самим социальным временем начала XXI века, поскольку неосмысленные социальные движения при ускоряющейся динамике и усилении концентрации социальной материи могут породить неуправляемую стихию хаоса и разрушений. Если же переходные процессы в праве разных государств не скоординированы, не сбалансированы, то будут возникать опасности неверного понимания прав и обязанностей человека в отдельных государствах, попытки или самоизоляции в решении вопросов, или чрезмерной унификации социально-правовых концептов и принципов.

Следует особо подчеркнуть, что в работе профессионалов-теоретиков важное место занимает метод критического анализа существующих концептов и норм, особенно в условиях повышенной социальной изменчивости, нарастания переходных процессов как внутри государства, так в международных и глобальных отношениях.

В учебных дисциплинах следует отразить, что в сфере международных отношений и международного права разные страны могут вовлекаться в социально-правовые отношения в разной степени: одни государства и их сообщества могут играть ведущую и контролирующую роль, а другие страны – практически исключаться из сфер совместной правовой деятельности. На глобальном уровне социально-политические и социально-правовые процессы охватывают уже всю планету. В них вовлечены разные государства, включенные в полярные стратегии социальных трансформация – по пути создания однополярного или многополярного мира, с разными концептами прав и свобод человека, с изменяющимися формами свободо-ответственного, право-обязанного поведения людей в разных глобальных моделях устройства социосферы.

В философско-правовых дисциплинах необходимо рассматривать новые закономерности, связанные с развитием правовых переходных процессов в эпоху глобализации. Показать наличие и специфику переходных процессов на разных уровнях общественной организации – государственном, международном, глобальном – в направлениях дифференциации и унификации социально-правовых преобразований. В проблеме правовой переходности важно обозначить следующее: 1) различия по вопросам прав человека и право-обязанных отношений субъекта внутри государства; 2) различия норм право-обязанных отношений в разных государствах; 3) общие характеристики право-обязанных отношений субъектов на международном и глобальном уровнях. В том числе, в международном праве в области право-обязанных отношений субъектов отразить следующие важные вопросы: 1) специфику отдельных государств; 2) движение к универсализации принципов свободы и ответственности, прав и обязанностей социальных субъектов в условиях глобализации общества; 3) наличие разных глобальных стратегий в социосфере и, соответственно, неоднозначные подходы к проблемам прав человека и право-ответственных отношений субъектов.

В профессиональном юридическом образовании также нельзя не учитывать различия отечественных и инокультурных традиций подготовки правоведов и юристов-практиков. Как отмечает В.В.Сорокин: «Западная модель юридического образования имеет свои традиции, которые не адаптируемы в отечественных условиях. Это в античном Риме широкое хождение получил термин «юристпруденс»... , которым обозначали знатока норм, причем, его синонимом было слово «юрисконсульт»... Римская традиция была ориентирована на изучение юридических казусов, а не понятий, терминов, принципов. Поэтому отыскание нормы было делом prudenta – технологического, исключительно рационалистического решения» [224, с.446]. А России имеет другую цивилизационную традицию правового образования. Специалиста пишет: «Право, как национальное достояние, русской духовной культуры сочетало в себе в неразрывном единстве религиозные (православные), нравственные и юридические компоненты. Установление права в России предполагало, главным образом, совестный акт, апеллирующий к духовности человека» [224, с.446].

И сегодня в отечественное образование, в том числе, юридическое внедряется по сути парциальный инокультурный подход, акцентирующий внимание на деталях, отдельных частных знаниях, фактах, но игнорирующий целостные социально-правовые и прикладные юридические знания. «Натасканный на тестах дипломированный юрист просто теряется в обилии законодательства и тем более не может оказать правовую помощь в ситуации проблема в праве, ведь рассуждать юридически, выводить справедливое решение его при такой системе образования не научили» [224, с.447]. Детализация знаний без углубленного понимания проблем приводит к тому, что отметил ученый К. Лоренц в своем выражении, ставшим «крылатым»: «Специалист сегодня знает все больше и больше о все меньшем и меньшем и в конечном счете знает все ни о чем» [цит. по 224, с.445].

Российский правовед Д.А.Керимов считает, что за время рыночных трансформаций в России в юриспруденции не произошло значительных теоретических обобщений. Мало того, по мнению ведущих специалистов-правоведов (О.Г.Данильян, И.А.Ильин, Д.А.Керимов, Е.А.Лукашева, В.С.Нерсесянц, В.В.Сорокин, М.А.Супатаев и др.), реформы юридического образования по инокультурным образцам минимизируют время изучения таких базовых областей, как теория государства

и права, философия права, сокращают учебные часы на важные общегуманитарные дисциплины (философию, культурологию, этику), в то же время, наполняя учебные планы многими очень узкими учебными курсами, не дающими обучающимся широкого понимая общеправовых и юридических проблем, в том числе, по правам и право-обязанному поведению человека [122; 75; 96; 113; 197; 224; 230; 242; 254].

Реформы по западному образцу не совершенствуют отечественное юридическое образование, а деформируют и примитивизируют его. Иными словами, и в образовательно-правовой сфере социокультурный фактор также играет важную роль. «Будто не очевидна реформа торам аксиома о том, что невежество в теории права приводит к просчетам в юридической практике, недостаток правовой культуры и развитого правосознания – к моральным изъянам и сделкам с совестью... Нападки на теорию права в нарушение всякой логики развития юриспруденции и организации учебного процесса на юридических факультетах вузов – это не что иное, как социальный заказ деструктивных сил российского общества» [224, с.444, 443].

Для формирования теоретически подготовленного специалиста, в высшем правовом образовании необходимо использовать лучшие отечественные традиции и развивать их. «В центре университетского юридического образования как синтетической системы, должна стоять общая теория права и государства, фундаментальное назначение которой – фиксировать моменты отступления государственно-правовой практики от абсолютного правового идеала, при этом ее служебное назначение – устанавливать скрытые связи между специализированными сферами правового регулирования и отраслями правовых знаний» [224, с.455].

В учебных курсах по теории права, на наш взгляд, важно обратить внимание на выявление философско-правовых оснований при разработке нормативных основ право-обязанных отношений субъекта на разных уровнях общественной организации с механизмами их взаимопреобразования и согласования. При этом возможно в научно-образовательном аспекте придется выявлять некие качественные «коэффициенты поправки» норм для разных государств при переходе концептов и юридических решений на международный уровень и обратно, с учетом конкретной специфики отдельных стран. Также следует провести аналогичные преобразования при переходе

от международного уровня к глобальным стратегиям человечества. Для этого определить параметры качественных отличий надгосударственных уровней.

Следует включить в учебные программы для будущих юристов-профессионалов учебную дисциплину «право прав человека», поскольку данная новая отрасль права становится все более востребованной в государственном и международном масштабах (А.Х.Саидов) [215]. Считаем, что необходим серьезный критический обзор данной отрасли именно в связи с исследуемой проблемой, поскольку в ней, в соответствии с преобладанием западной традиции в формировании концепции прав человека, заложен, в значительной мере, антидиалектический принцип и абсолютизированный подход к правам человека, характерный для эксплуататорского элитарно-массового общества. Для всестороннего анализа данной отрасли следует, прежде всего, обратиться к отечественной традиции философии права, теоретического и прикладного правоведения. Именно отечественная социально-правовая традиция органично включает в себя принципы нравственности, холизма, социального и социально-природного баланса при рассмотрении цивилизационно-культурного подхода к правовым феноменам. Актуальность данной традиции возрастает в условиях крайнего обострения социальных и социально-природных противоречий с начала XXI века.

Поскольку основу профессиональной правовой подготовки составляют правовое мировоззрение и правовая культура специалиста, в структуре современного юридического образования по проблемам прав и право-обязанного поведения человека [122; 131] необходимо включать специальные курсы правовой культуры с углубленными знаниями в области прав человека. Важное значение приобретают следующие виды культуры и соответствующие учебные курсы: *культура прав человека* (как основа определения верной меры прав и свобод, обязанностей и ответственности в разнообразных случаях прецедентного права), а также *культура безопасности прав человека* (как основа для социально-правовой охраны и защиты человека от ущемления его прав и от бесправия).

Считаем, что в связи с реальным разнообразием правовых культур и уровней социально-правовой организации глобализирующегося общества, в сфере прав и право-обязанного поведения человека актуальным становится особый раздел образо-

вания – *правовая компаративистика*, которая отражает сходства, различия, возможные взаимопереходы в сфере права, человека в праве и прав человека [130] в межкультурном государственном и международном поле взаимодействий в условиях нарастания переходных процессов в обществе XXI века.

Также профессиональное юридическое образование в целом связано с рефлексией самой образовательной сферы с позиций права. Здесь весьма актуальными являются вопросы права в образовании, которые невозможно рассматривать в отрыве от проблем человека. Это, например, такие проблемы, как: право человека на достойное образование; права и обязанности человека в образовании; кризис прав человека в образовании России. Например, можно выявить различия теоретического и практического характера в таких подходах, как 1) «право человека в образовании» и 2) «право-обязанное отношение человека к образованию».

При первом подходе человек добивается права на образование – это необходимо и резонно, но здесь нередко на первый план выходит установка получения образования любым путем – как достижение статусного результата. Конечно, обучающийся хочет получить достойное качественное образование, при этом от самого обучающегося требуются высокие интеллектуальные и другие затраты. Также возможен и более легкий путь – получения документа («корочки») о прохождении соответствующего уровня обучения как главного результата, но с более низким уровнем подготовки, а также с меньшими интеллектуальными затратами. Известно, что значительная часть обучающихся согласна идти по такому более простому пути для достижения желаемого социального статуса. При этом «довольны» и некоторые учебные заведения, и их ученики, получающие желаемые результаты более легким и выгодным путем. В итоге этот первый подход стимулирует примитивные односторонние схемы деятельности, в которых раздуваются требования расширения прав, но почему-то забываются соответствующие обязанности обучающихся перед обществом. Нарастают лицемерие, обман и самообман, двойные стандарты, манипуляции в сфере права в образовании. И это все более распространяется как на деятельность отдельных личностей, так и всего государства, развивается либерализм в совокупности с безответственностью. Законы оказываются все более формализованными и неопределенными, а их выполнение, в общем-то и необязательным (особенно при нарастании разно-

го рода юридических ухищрений и лазеек). Реальный образовательно-воспитательный процесс подменяется огромным количеством бессмысленных отчетных бумаг, в результате чего у педагогов просто не остается времени на образовательную деятельность. В итоге наступают или социальная стагнация, замедление развития, или социальный конфликт, а в итоге общий упадок и деконструкция не только образования, но и общества в целом.

Второй же подход – право-обязанного отношения человека к образованию – не ограничивается лишь получением статусного документа об образовании. Этот подход требует выполнения обязанностей профессионала перед обществом: получения качественных знаний, умения социализироваться в данном обществе, добросовестно применять полученные знания в практической профессиональной деятельности на благо своего общества. В свою очередь, государство, предоставившее человеку право на образование, затратившее средства на подготовку профессионала, обязано обеспечить ему трудоустройство по специальности. Соответственно, это требует текущего и долгосрочного стратегического планирования государственными органами развития народно-хозяйственных комплексов материального и духовного производства страны. Закономерно разворачиваются мероприятия по улучшению качества управления социальной жизнью страны в настоящее время и на перспективу, с решением демографических проблем, вопросов здравоохранения населения, развития производства, культуры, образования, сферы досуга и рекреации как восстановления сил и здоровья субъектов, с восстановлением и охраной природной среды и рациональным природопользованием. Иными словами, именно второй подход требует всестороннего развития личности, в том числе высококвалифицированной подготовки профессионала-юриста, правоведа, поскольку данные специалисты непосредственно участвует в реализации разнообразных социальных программ.

По нашему мнению, «в системе высшего юридического образования важное место должна занимать философия (общая философия и социальная философия) как основа современного социально-философского мировоззрения. Обязательным философско-отраслевым курсом также видится дисциплина «философия права», которая является непосредственным связующим звеном между философским знанием как всеобщим и теориями права в общем правовом знании. Важной и неотъемлемой ча-

стью научно-теоретического системного образования специалиста-правоведа является дисциплина «теория права», или в более объемлющем курсе – теория государства и права» [130, с.1205].

Таким образом, в завершающем параграфе диссертации показано, что без целенаправленного, планомерного общего и профессионального правового образования невозможны ни верная теоретическая и практическая разработка проблем прав человека и право-ответственного поведения людей в обществе, ни ее практическое воплощение в современной общественной жизни. При этом профессиональное юридическое образование, которое подготавливает правоведов-теоретиков, должно иметь мощную теоретико-методологическую базу в виде знаний по философии, социальной философии, философии права, теории государства и права и специальным знаниям по отдельным отраслям юридических наук. Это позволит будущим специалистам глубоко понимать современные сложнейшие социально-правовые процессы и осуществлять процессы нормотворчества в соответствии со стратегией налаживания социального и социально-правового баланса. В то же время, профессиональная подготовка юристов-практиков должна предусматривать не только глубокое знание ими законов и умение их применить, но и развитие критического мышления, которое позволяет в условиях высокой социальной динамики и многообразных трансформаций умело применять силу закона во благо населения и соблюдения прав человека.

С другой стороны, если основное население страны не будет иметь сформированного правосознания, то даже самые лучшие социально-правовые проекты и усилия юристов-профессионалов не смогут быть реализованы в силу правовой безграмотности и апатии населения. Следовательно, только отлаженная система общего и профессионального правового образования позволит на практике реализовать наилучшие проекты правовой организации населения, при которой будут в наибольшей мере защищены права человека, трудящегося во благо общества, а также определена диалектическая мера право-обязанного и свободо-ответственного поведения граждан страны.

Подводя общий итог материала второй главы диссертации, отметим, что в данной главе исследован ряд современных аспектов проблемы прав человека в глобализирующемся обществе XXI века. Так, осуществленный системно-диалектический

анализ трансформаций прав человека в контексте правовой культуры и культуры прав и обязанностей человека показал явную недостаточность одностороннего, парциального подхода к проблеме. Такой подход по сути своей антидиалектичен и не учитывает наличия противоположных начал, явлений, процессов в организации жизни людей в обществе. С позиций рассмотрения взаимосвязи диалектических категорий свободы и необходимости, свободы и ответственности, а также прав и обязанностей субъекта доказано, что реалии социальной жизни, отраженные в данных категориях, сущностно взаимосвязаны и переходят друг в друга в процессе саморазвития общественных отношений людей. Соответственно, для получения полноты результатов необходимо применение целостного, холистического подхода к проблеме прав человека в социуме. В своем холистическом, системно-философском выражении сама проблема оказывается иной: это не проблема прав и свобод человека, а проблема право-обязанного, свободо-ответственного поведения человека в обществе [122] (что, кстати, неоднократно доказывает ряд отечественных исследователей, но иными способами умозаключений). Авторская новизна отмеченного вывода состоит в его получении с помощью системно-диалектического анализа проблемы, на основе принципа холизма.

При исследовании современных вопросов право-обязанных отношений людей на разных уровнях социальной организации – государственном, международном и глобальном – было показано, что распространенный в настоящее время парциальный подход к проблеме, прежде всего, характерен для западной цивилизации и может быть охарактеризован как западоцентризм [122; 126]. А с учетом того, что мощь западной цивилизации проявляется не только на государственном уровне, но также на международном и глобальном уровнях социальной организации, то и указанный парциальный, односторонний подход к проблеме бытия человека в обществе получил дальнейшее развитие как в правовых документах международного уровня, так и в глобализационных концепциях однополярного мира, мондиализма [122; 126]. Однако отмеченный западоцентризм-парциализм на международном и глобальном уровнях, как было показано, входит во все более явное противоречие с другими социокультурными подходами, в том числе, восточным и российским (исследованными в диссертации). Это требует в организации государственного и международного

социального управления с учетом не только парциального, но и холистического подхода, поскольку он способствует уменьшению социальных конфликтов в социосфере, увеличению взаимопонимания между народами на основе концепций многополярного мира, мирного сосуществования стран с разными цивилизационными традициями. Также в итоге данной главы было доказано, что в разрешении сложных современных проблем соблюдения суверенных прав и достойного право-обязанного поведения людей в обществе актуальными являются научно-образовательные вопросы формирования целостного социально-правового мировоззрения, правосознания граждан, достижения ими высокого уровня правовой культуры. В связи с последним подчеркнута безусловная важность разных видов и уровней правового образования – как общеправового образования населения, так и специального образования профессионалов – юристов-практиков, правоведов-теоретиков.

Заключение

В диссертации осуществлен социально-философский анализ проблемы прав человека в изменяющемся обществе.

В первой главе работы проанализированы методологические основы и понятийный аппарат исследования. Обосновано эвристическое значение диалектической и системно-философской методологии для разностороннего исследования проблемы и интеграции соответствующих конкретно-научных, философско-правовых и социально-философских знаний. Проведен социально-философский анализ идей понимания человека в праве и прав человека в философии и теории права. Прослежена исходная социокультурная эволюция формирования правовых отношений на ранних этапах развития человечества. Затем исследована цивилизационная специфика указанных отношений.

Отмечено, что в древнейшей истории человечества вначале появляется протоправо общинного родоплеменного строя с его мононормами (протонормами) и запретами (табу). В те времена основу жизни людей составляли ограниченные социальные общности – род, племя, а затем первые княжества и государства. В силу этого в древнем мире традиционное протоправо, где человек еще не мыслил себя в отрыве от родоплеменной общины, постепенно уступало место «писаному» государственному праву с его нормами и законами. Тогда судьба человека напрямую зависела от целостности, сохранности самого социума. Соответственно, в ранних государствах, в условиях постепенного перехода от протоправа к государственному праву, видимо, следует говорить лишь о правовом социоцентризме и элементно-объектном отношении к человеку в праве государства. Лишь со временем, по мере развития субъектной сущности людей и все более глубокого осознания человеком своего места и роли в обществе, самостоятельный субъект определенных правовых отношений. При социально-философском анализе общей эволюции исследуемой проблемы выделены основные этапы изменения места и роли человека в социально-правовых отношениях.

Первый этап (от начала государственного строя до периода Нового времени); *право государства* (где права большинства людей существуют еще в возможности, основная часть населения является *объектом* социально-правовых отношений, но существует потенциальная тенденция превращения человека в субъекта права);

Второй этап (период Нового времени, XVII–XIX века): *человек в праве* (где идет последовательное осмысление места и роли человека как *субъекта* в системе правовых отношений и закрепление данного положения в нормах частного и публичного права);

Третий этап (с XIX века концептуально, с середины XX – в юридической практике): *права́ человека* (человек как *особый субъект* права становится предметом специального научно-философского толкования, *субъект* все более *осознает собственные права и свободы*, затем права́ человека закрепляются в специальной отрасли права и юридически утверждаются на этой законодательной основе в правовых системах ряда государств и в международном праве);

Четвертый этап (с XIX века по настоящее время – концептуально): *права́ и право-обязанное поведение человека* (где *субъект* имеет *развитое личностное правосознание* с пониманием *меры собственного право-обязанного, свободо-ответственного поведения* в обществе на основе целостной социально-правовой культуры: в настоящее время существует пока концептуально).

Кроме того, применение в диссертации цивилизационного подхода, развитого в философских трудах и все более разворачивающегося в современных трудах по философии и теории права показало, что социально-правовая эволюция в отдельных группах государств шла обособленным путем. Это привело к формированию разных цивилизаций. На евразийском континенте выделился ряд цивилизаций, среди которых наиболее крупными являются западная, восточная (индокитайская) и российская – эти три цивилизации и были исследованы в диссертации. В результате выявлено, что на Западе, Востоке и в России шло специфическое преобразование места человека в праве и прав человека. Эти особенности проявились как в системе общественных отношений, так и в трудах мыслителей по философии и теории права.

Исследована специфика западной цивилизации, где имеет место практическая выраженность и разносторонняя концептуальная обоснованность не только проблем человека в праве, но и прав человека. Здесь концептуально и практически пройдены первый, второй и третий этапы эволюции исследуемой проблемы («право государства», «человек в праве», «права человека»). Именно западная традиция стала преобладающей в современном мире и привела к широкой разработке проблемы прав че-

ловека на государственном и международном уровне с середины XX века и по настоящее время. В этом ее несомненное значение и приоритет. Но, в то же время, в западной цивилизации сложились социальные и концептуальные противоречия в отношении прав человека, которые в диссертации обозначены как «триада», или качественно различающаяся трехвекторность отношений: 1) права угнетенных (минимальные) – 2) формальное всеобщее равенство прав – 3) права властных сильных личностей (максимальные) [122, с.2197]. В первой и последней части «триады» имеют место крайние позиции места социальных субъектов в праве, которые принципиально по-разному решают свои социально-правовые проблемы. А средняя часть «триады» – во многом декларативная, уравновешивающе-манипулятивная. Эта противоречивость, характерная для западной традиции, сохранились вплоть до настоящего времени и переросла в «пентаду» отношений в глобализирующемся социуме начала XXI века (рассмотренную во второй главе диссертации).

Выявлено, что в социально-правовой культуре восточной цивилизации – Индии и Китая (которая в правовой литературе часто обозначается как дальневосточная) понимание права и прав человека и их проявление в жизни общества также имеет несомненную специфику. Восточная цивилизация на протяжении эволюции в наибольшей мере была связаны со своими социокультурными корнями, с социальной иерархией, характерной для конфуцианского (в Китае) и кастового (в Индии) традиционных обществ, а также со спецификой морально-правового бытия людей в них [129]. В эволюции Востока вплоть до середины XX века пройдены первый и второй этапы («право государства» и «человек в праве»). Специфических, значимых восточных концепций права (индийских или китайских) в XIX–XX веках не сложилось. А третий этап «права́ человека» с середины XX века стал постепенно осваиваться данными государствами на основе «Всеобщей декларации прав человека» и других международно-правовых документов, в целом на принципах, выстроенных западной цивилизацией. Сформировавшаяся на Востоке морально-правовая культура в определенной мере соотносится с русской правовой культурой, но главное отличие заключается в том, что в русской социально-правовой мысли своеобразие данной правовой культуры в XIX–XX веках получает развернутое философско-теоретическое и социально-правовое обоснование.

Показано, что в российской цивилизации вплоть до начала XX века пройдены первый и второй эволюционные этапы определения места человека в праве («право государства» и «человек в праве»). В современной России, в связи с мощным воздействием западной цивилизации на международные правовые отношения, а через них – на значительную часть государств планеты, в том числе и на нашу страну, своеобразно разворачивается третий эволюционный этап «права́ человека». Однако российская философская и правовая мысль, начиная с Нового времени и особенно с середины XIX века, выработала свой мировоззренческий путь. Он связан с тем, что изначально на Руси сосуществовали и синкретично взаимодействовали нравственность, мораль и право, что впоследствии отразилось на развитии (начиная с Нового времени) русских концепций морального права, приоритета идей духовно-нравственного отношения к человеку в правовой морали. Отметим, что данная традиция не менее фундаментально обоснована и разработана, чем западная философско-правовая традиция. Ментально русская традиция более согласуется с восточной, но в отличие от последней, она глубоко проработана за последние два столетия в теоретико-философском плане.

Главный смысл отечественной цивилизационной социально-правовой мысли заключается в обосновании изначального онтологического и социального единства веры и разума, человека и социума в правовой жизни общества. Это накладывает на личность высокую ответственность перед миром за свои поступки, в которых мера свободы, мера нравственности и мера ответственности должны быть согласованными, паритетными. Мыслителями обоснована ограниченность эгоцентризма в социально-правовом управлении, поскольку при этом гордыня как греховное начало в человеческой сущности, становясь преобладающей, вносит деформации и в социальную жизнь людей. Эти идеи в современной отечественной социально-правовой мысли приобретают обновленное звучание. Их смысл заключается в следующем: *права́ и свободы субъекта должны быть адекватны его обязанностям и ответственности* в обществе, и эти диалектические противоположности должны быть человеком глубоко осмыслены, а на практике – сбалансированы и согласованы. Считаем, что практическая реализация отечественной правовой традиции может служить основой для

развития четвертого этапа эволюции исследуемой проблемы – «*права́ человека и его право-обязанное поведение*» в обществе.

Во второй главе рассмотрена общецивилизационная специфика подхода к правам человека в трансформирующемся обществе XX–XXI веков и намечены перспективы эволюции данной проблемы с позиций социальной философии. Проанализированы новые общесоциальные процессы и понятия переходности, трансформации, отражающие высокую и неоднозначную динамику социума на разных уровнях общественной организации – государственном, международном, глобальном. Социально-правовые отношения рассмотрены на базе таких диалектических категорий, как свобода и необходимость, социальная свобода и социальная необходимость, свобода и ответственность.

Обосновано, что в российской и восточной цивилизациях преобладает патернальный (патерналистский) и холистический политико-правовой подход к управлению, с преобладанием парадигмы баланса отношений человека и общества в праве, а также баланса прав и обязанностей в социальном поведении человека. Но реализация данных принципов должна соответствовать социальной иерархии. То есть, человек должен иметь такую меру своих прав, свобод и ответственности, которая соответствует его социальному положению. В западной цивилизации преобладает другой, либеральный, эгоцентричный и парциальный политико-правовой подход к управлению и к правам человека. При этом в ряде социальных отношений развиваются: или абсолютизация прав – в ущерб обязанностям; или абсолютизация свободы правового субъекта – в ущерб ответственности за свои действия.

Также показана специфика современного международного состояния общества. Она состоит в том, что в нем преобладающим является западоцентризм в политико-правовой жизни. Соответственно, в области отношений человека в праве на формирующуюся единую социосферу переносится отмеченная выше «триада» отношений западного образца, которая, в связи с углублением противоречий перерастает в «пентаду», или пятивекторность отношений, где крайние члены формируются в условиях глобализма. Эта «пентада» следующая: 1) «полное бесправие личности (в международных масштабах, с современными видами рабства и бесправия, например, беженцев) – 2) права угнетенных (на уровне государств, минимальные) – 3) формальное

всеобщее равенство прав (провозглашаемое для землян на всех уровнях организации социума) – 4) права властных сильных личностей (максимальные, на государственных уровнях) – 5) абсолютизированное право личностей глобальной элиты (на международно-глобальном уровне)» [122, с.2198].

В то же время, в современных условиях различные вопросы прав человека инициируются в преимущественно западной цивилизацией посредством западоцентристкого международного права в виде нормативно-правовой базы, заложенной во «Всеобщую декларацию прав человека», которая затем значительно воздействует на множество государств планеты. В результате, во-первых, на высших уровнях современной социальной организации (международном и глобальном) проблемы, возникшие в западной цивилизации не только не снимаются, но еще более обостряются. Во-вторых, имеет место выраженная неадекватность западоцентристского подхода – другим социокультурным традициям, в том числе, восточной и российской, исследованным в диссертации. В-третьих, в западоцентристской социально-правовой логике *не находит достаточного отражения принцип меры* в таких важнейших отношениях, как мера прав и обязанностей, мера свободы и ответственности в деятельности конкретных социальных субъектов.

По нашему мнению, с позиций целостного знания и системно организованной социальной деятельности, принципиально важным является следующее. В проблеме прав человека, в теории и на практике, во избежание обострения многих глобальных противоречий и конфликтов, необходимо переходить от парциального подхода к холистическому. То есть, ставить и решать не одностороннюю проблему прав и свобод человека, а целостную проблему глубоко осознанного право-обязанного, свободо-ответственного поведения человека в обществе, с учетом его места и роли в системе соответствующих социальных отношений и цивилизационных традиций.

Резкое нарастание несбалансированности и конфликтности социально-правовых отношений не только на уровне ряда государств, но также на международном и глобальном уровнях, остро ставит проблему взаимодействия таких областей знаний и практики, как правовая культура, культура прав человека, право прав человека. Обосновано, что развитие общей и правовой культуры невозможно без актуализации проблем современного правового воспитания и правового обучения. В связи с этим в

последнем параграфе диссертации осуществлен социально-философский анализ ряда вопросов общего и специального (профессионального) правового образования, особенно связанных с правами и право-обязанным поведением человека в обществе.

В заключение отметим трудности, возникшие при выполнении данной диссертационной работы. Это: 1) комплексный характер проблемы, который потребовал ее многостороннего системно-диалектического анализа; 2) преобладающий западоцентристский подход к проблеме в теории и практике, который почти не учитывает реального разнообразия социально-правовой жизни в глобализирующемся обществе. К возможным перспективам продолжения исследований в области обеспечения прав человека можно отнести, например, отход от парциализма и переход к холистическим основаниям меры прав и обязанностей субъекта в соответствующих условиях общественной жизни в XXI веке. В этом отношении в проблеме прав человека нам видится целесообразным постепенный переход от третьего этапа эволюции «права́ человека» – к четвертому этапу «права́ и право-обязанное поведение человека» в современном обществе.

Общий итог исследования заключается в том, что проблема прав человека не может быть полноценно рассмотрена лишь на базе взглядов последних десятилетий или только на основе концепций какой-либо одной из цивилизаций и ее правовой культуры, пусть даже значительно развитой, например, западной. Для разностороннего понимания данной особо актуальной проблемы необходимо широкое сравнение всего богатства достижений философско-правовой мысли и практики социально-правовых отношений в разных цивилизациях и правовых культурах на базе их комплексного социально-философского и философско-правового анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые документы

1. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Гарант.ру : информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа : http://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/10135532/. – Загл. с экрана.
2. Документ Московского совещания по человеческому измерению СБСЕ (Москва, 3 октября 1991 г.) // Техноэксперт: электронный фонд правовой и нормативно-технической информации [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа : http://docs.cntd.ru/document/901739140. – Загл. с экрана.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Консультант-Плюс [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ – Загл. с экрана.
4. Конституция СССР Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) / [Электронный ресурс] – ГАРАНТ: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/
5. Концепция внешней политики Российской Федерации (12.02.2013 г.) // Гарант.ру: информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа : http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/. – Загл. с экрана.
6. Международный пакт о гражданских и политических правах" (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // КонсультантПлюс : информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/. – Загл. с экрана.

7. Международный пакт о защите прав человека и основных свобод ETS № 5 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // Гарант.ру : информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа : http://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540800/. – Загл. с экрана.
8. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Гарант.ру: информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа : http://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540291/. – Загл. с экрана.
9. Международные Пакты о правах человека : сб. документов / сост. В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. – 2-е изд. – Москва : НОРМА, 2002. – 911 с.
10. Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 25 июня 1945 г.) // Гарант.ру : информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа : http://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540400/. – Загл. с экрана.
11. Хартия социальных прав и гарантий независимых государств (утр. Межпарламентской Ассамблеей государств-участников Содружества независивых государств 29 октября 1994 г.) // Гарант.ру : информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа : http://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2559456. – Загл. с экрана.

Библиография

12. Абдуллаев, М. И. Права человека и закон: Историко-теоретические аспекты [Текст] / М. И. Абдуллаев. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. – 322 с.
13. Авакьян, С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность [Текст] / С. А. Авакьян. – Москва : РЮИД «Сашко», 2000. – 528 с.
14. Аграновская, Е. В. Права человека в истории человечества и в современном мире / ред. кол. Е. В. Аграновская, О. А. Липинь, Е. А. Лукашева. – Москва : ИГПАН СССР, 1989. – 294 с.

15. Азаров, А. Права человека. Международные и российские механизмы защиты [Текст] / А. Азаров, В. Ройтер, К. Хюфнер. – Москва : Моск. школа прав человека, 2003. – 560 с.

16. Актуальные проблемы глобалистики и геополитики [Текст] / под ред. И. А. Пфаненштиля, М. П. Яценко. – Красноярск : СФУ, 2012. – 318 с.

17. Алексеев, В. П. Становление человечества [Текст] / В. П. Алексеев. – Москва : Политиздат, 1984. – 462 с.

18. Алексеев, Н. Н. Основы философии права [Текст] / Н. Н. Алексеев. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 1997. – 400 с.

19. Алексеев, Н. Н. Русский народ и государство [Текст] / Н. Н. Алексеев. – Москва : Лань, 1999. – 640 с.

20. Алексеев, С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения [Текст] / С. С. Алексеев. – Москва : Норма, 2001. – 752 с.

21. Алексеев, С. С. Право на пороге нового тысячелетия. Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи [Текст] / С. С. Алексеев. – Москва : Статут, 2000. – 256 с.

22. Алексеев, С. С. Философия права [Текст] / С. С. Алексеев. – Москва : Норма, 1998. – 336 с.

23. Алиев, А. А. Конституционное право на объединение в системе прав и свобод человека и гражданина [Текст] / А. А. Алиев. – Москва : Фонд содействия правоохранительным органам «Закон и право», 2000. – 206 с.

24. Алтухов, В. Л. Смена парадигм и формирование новой методологии: Попытка обзора дискуссий [Текст] / В. Л. Алтухов // Общественные науки и современность. – 1993. – № 1. – С. 88–100.

25. Антология античной философии [Текст] / сост. и автор предисл. С. В. Перевезенцев. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 415 с.

26. Антология мировой философии [Текст] : в 4-х т. – Т. 1–4.. – Москва : Мысль, 1969 – 1972. – Т. 1 – 957 с.; Т.2. – 797 с.; Т.3. – 775 с; Т.4. – 728 с.

27. Анохин, Ю. В. Права человека и их обеспечение в правоприменительной деятельности органов внутренних дел [Текст] / Ю. В. Анохин. – Барнаул : БЮИ МВД России, 2002. – 189 с.

28. Антология мировой философии. Древний Восток [Текст]. – Минск : Астрель, 2004. – 368 с.
29. Антология мировой философии: Античность [Текст] / Аристотель, Платон, Эпикур. – Минск : Харвест, Москва : ООО Изд-во АСТ, 2001. – 960 с.
30. Апресян Р. Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. – М., ИФ РАН, 1995. – 353 с.
31. Арутюнов, С. А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие [Текст] / С. А. Арутюнов ; отв. ред. Ю В. Бромлей. – Москва : Наука, 1989. – 243 с.
32. Аттали, Ж. Краткая история будущего. Мир в ближайшие 50 лет [Текст] / Ж. Аттали ; пер. с фр. Е. Пантелеева. – Санкт-Петербург : Питер, 2014. – 285 с.
33. Аттали, Ж. На пороге нового тысячелетия [Текст] / Ж. Аттали. – Москва : Международные отношения, 1993. – 70 с.
34. Афанасьев, В. Г. Научное управление обществом: Опыт системного исследования [Текст] / В. Г. Афанасьев. – Москва : Политиздат, 1975. – 408 с.
35. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта [Текст] : в 3-х т. / А. С. Ахизер. – Москва : ФО РАН, 1991. – Т. 1–3.
36. Багдасаров, В. Ю. Русская правовая мысль и теория правотворчества: прошлое и современность [Текст] /В. Ю. Багдасаров. – Ставрополь: ТЭСЭРА, 2014. – 127 с.
37. Бадальянц, Ю. С. Права человека [Текст] / Ю. С. Бадальянц, Д. А. Ягофаров. – Москва ; Рязань : Поверенный, 2006. – 519 с.
38. Баранов П. П., Жуков И. А., Захаренков В. В., Сальников В. П. Законность – гражданское общество – права и свободы граждан. – Ростов-н/Д: РЮИ МВД РФ, 2005. – 358 с.
39. Бачинин, В. А. Энциклопедия философии и социологии права [Текст] / В. А. Бачинин. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2006. – 1081 с.
40. Бердяев, Н. А. Русская идея: Основные проблемы рус. мысли XIX в. и нач. XX в.; Судьба России [Текст]. – Москва : ЗАО «Сварог и К», 1997. – 540 с.
41. Берлин, И. Философия свободы. Европа [Текст] / И. Берлин. – Москва : Новое литер. обозрение, 2001. – 448 с.
42. Берман, Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования [Текст] / Г. Дж. Берман. – Москва : Наука, 1994. – 590 с.

43. Бог – человек – общество в традиционных культурах Востока [Текст] / ред. М. Т. Степанянц. – Москва : Наука : Изд. фирма Вост. лит., 1993. – 222 с.

44. Боги, брахманы, люди. Четыре тысячи лет индуизма [Текст] / под. ред. Д. Збавител ; пер. с чешск. – Москва : Наука, 1969. – 416 с.

45. Большой толковый социологический словарь [Текст] : в 2-х т. / Дж. Дэвид ; пер. с англ. – Москва : Вече : АСТ, 1999. – Т. 2. – 528 с.

46. Борисковский, П. И. Древнейшее прошлое человечества [Текст] / П. И. Борисковский. – Москва : Наука, 1980. – 240 с.

47. Бородина, И. Н. Природа правовой государственности в переходный период: возможности социально-философской концептуализации [Текст] : дис. … канд. филос. наук / И. Н. Бородина. – Томск, 2007. – 159 с.

48. Борщ, И. В. Философия права Н. Н. Алексеева [Текст] / И. В. Борщ : дис. … канд. юрид. наук. – Москва, 2005. – 200 с.

49. Бусурманов, Ж.Д. Евразийская декларация прав человека и народов – поиск разрешения межцивилизационных противоречий XXI века // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2015. – № 3. – С.382-388.

50. Букатая, М. В. Аксиологические основания взаимодействия традиций и новаций в культуре Китая [Текст]: дис. … канд. филос. наук : 24.00.01 / М. В. Букатая. – Кемерово : КемГАКИ, 2010. – 184 с.

51. Васильев, Л. С. История религий Востока [Текст] : в 2-х т. / Л. С. Васильев. – Москва : КДУ, 2016. – Т. 1 – 368 с.; Т. 2 – 432 с.

52. Васильев, Л. С. Проблемы генезиса китайского государства [Текст] / Л. С. Васильев. – Москва : Наука, 1983. – 327 с.

53. Введение в права человека / А. Даниэль, М. Новицкий, А. Юров. – Москва : Московско-Хельсинская Группа. – 2009. – 104 с.

54. Веденеев, Ю. А. Теория и практика переходных процессов в развитии российской государственности [Текст] / Ю. А. Веденеев // Государство и право. – 1995. – № 1. – С. 105–108.

55. Величко, А. М. Философия русской государственности [Текст] / А. М. Величко. – Санкт-Петербург : Изд-во Юридич. ин-та, ИФ РАН, 2001. – 336 с.

56. Венгеров, А. Б. Право и личность [Текст] : гл. 21 / А. Б. Венгеров // Теория государства и права. – Москва : ЮРИСТ, 2000. – С. 301–312.

57. Вергинин, А.Б. Нравственный долг, права и обязанности человека как социальные регуляторы общественных отношений: социально-философский анализ. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. 09.00.11 / Веригин Андрей Борисович. - Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2012. – 24 с.

58. Вернадский, В. И. Несколько слов о ноосфере [Электронный ресурс] // Режим доступа : http://www.trypillya.kiev.ua/vernadskiy/noosf.htm – Загл. с экрана.

59. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008;

60. Гачев, Г. Ментальности народов мира [Текст] / Г. Гачев. – Москва : Алгоритм, Эксмо, 2008. – 544 с.

61. Гегель, Г. В. Ф. Философия права [Текст] / Г. В. Гегель ; пер. с нем. ; ред. и сост. Д. А. Керимов, В. С. Нерсесянц, авт. вступ. ст. и прим. В. С. Нерсесянц. – Москва : Мысль, 1990. – 524 с.

62. Глиос, Г. Н. Социально-философский анализ правосознания переходного периода в постсоветской России. Дис. на соиск. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Г. Н. Глиос. – Барнаул: Алтай. гос. ун-т, 2007. – 171 с.

63. Глобалистика : Энциклопедия [Текст] / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. – Москва : Радуга, 2003. – 1328 с.

64. Глущенко, П. П. Социально-правовая защита конституционных прав и свобод граждан. (Теория и практика) [Текст] / П. П. Глущенко. – Санкт-Петербург : Михайлов В. А., 1998. – 374 с.

65. Гоббс, Т. Избранные произведения [Текст] : в 2-х т. – Москва : Мысль, 1964. – Т. 1–2.

66. Григорьев, С. И. Основы неклассической социологии: новые тенденции развития культуры социологического мышления на рубеже XX – XXI веков [Текст] / С. И. Григорьев, А. И. Субетто. – Москва : РУСАКИ, 2000. – 208 с.

67. Григорьева, Т. П. Дао и Логос (Встреча культур) [Текст] / Т. П. Григорьева. – Москва : Наука, 1992. – 422 с.

68. Гулыга, А. Русская идея и ее творцы [Текст] / А. Гулыга. – Москва : Соратник, 1995. – 306 с.

69. Гумилев, Л. Н. Конец и вновь начало [Текст] / Л. Н. Гумилев. – Москва : ДИ-ДИК, 1994. – 542 с.

70. Гумилев, Л. Н. Этносфера. История людей и история природы [Текст] / Л. Н. Гумилев. – Москва : Экопрос, 1993. – 544 с.

71. Гусейнов, А. И. Право как феномен культуры [Текст] : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / А. И. Гусейнов. – Москва, 2007. – 48 с.

72. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому [Текст] / Н. Я. Данилевский. – Москва : Известия, 2003. – 607 с.

73. Даниленко, Г. М. Международная защита прав человека [Текст] / Г. М. Даниленко. – Москва : Юрист, 2000. – 256 с.

74. Данилов, А. Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации [Текст] / А. Н. Данилов. – Минск : Харвест, 1998. – 432 с.

75. Данильян О. Г. Философия права / О. Г. Данильян, Л. Д. Байрачная, С. И. Максимов и др. / Под ред. О.Г. Данильяна. – М.: Эксмо, 2005. – 416 с.

76. Даниэль, А. Введение в права человека [Текст] / А. Даниэль, Н. Новицкий, А. Юров. – Москва-Хельсинки : Московско Хельсинская Группа, 2009. – 104 с.

77. Десницкий, С. Е. Представления об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи [Текст] / С. Е. Десницкий // История политических и правовых учений / сост. и ред. Г. Г. Демиденко, Г. А. Борисов. – Белгород : [б.и.], 1999. – 1158 с.(С. 34–90).

78. Дик В. П. Социологическое знание, разнообразие концептуальных моделей общества и современного образования / Дик В.П., Майер Б.О., Наливайко Н.В. и др. // Профессиональное образование в современном мире. – 2013. – №3. – С.35-45.

79. Древнеиндийская философия [Текст] / подготовка текстов, ст. и коммент. В. В. Бродова. – Москва : Мысль, 1972. – 271 с.

80. Древняя Индия – Веды (священные индийские писания) // Новый Акрополь: философская школа [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа : https://www.newacropol.ru/Alexandria/civilization/india/vedy/. – Загл. с экрана.

81. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты [Текст] / А. В. Иванов, Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев [и др.]. – Барнаул : Изд-во АГАУ, 2007. – 243 с.

82. Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения [Текст] : мат-лы третьей междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В. Я. Баркалова, А. В. Иванова. – Барнаул : Изд-во Фонда «Алтай – 21 век», 2006. – 380 с.

83. Емельянов, Ю. В. Рождение и гибель цивилизаций [Текст] / Ю. В. Емельянов. – Москва : Вече, 1999. – 543 с.

84. Ерасов, Б. С. Цивилизации: Универсалии и самобытность [Текст] / Б. С. Ерасов. – Москва : Наука ; РАН, Ин-т МЭМО, 2002. – 523 с.

85. Жидков, О. А. Государство и право стран Древнего Востока [Текст] / О. А. Жидков, Н. А. Крашенинникова // История государства и права зарубежных стран. Раздел 1. – Москва : Норма, 1996. – 480 с.(С. 33–89.)

86. Завадская, Е. В. Культура Востока в современном мире [Текст] / Е. В. Завадская. – Москва : Наука, 1977. – 168 с.

87. Звонарева, О. С. О цивилизационном подходе в теории государства и права [Текст] / О. С. Звонарева // Правоведение. – 2003. – № 4. – С. 173–180.

88. Зеленов, Л. А. Современная глобализация. Состояние и перспективы [Текст] / Л. А. Зеленов, А. А. Владимиров, Е. И. Степанов. – Москва : Ленанд, 2010. – 304 с.

89. Зиновьев, А. А. Фактор понимания [Текст] / А. А. Зиновьев. – Москва : Алгоритм : Эксмо, 2006. – 528 с.

90. Знаниеведение и управление [Текст] : в 3 кн. Кн. 2. : Социокультурные традиции в знаниях об управлении / Е. В. Ушакова, Б. Н. Кагиров, Ю. И. Колюжов [и др.]. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. – 160 с.

91. Зубкевич, Л. А. Переходные периоды как часть закономерного исторического процесса [Текст] : дис. ... канд. филос. наук / Л. А. Зубкевич. – Нижний Новгород, 2005. – 183 с.

92. Иванов, А. В. Духовно-экологическая цивилизация: Устои и перспективы [Текст] / А. В. Иванов, И. В. Фотиева, М. Ю. Шишин. – 2-е изд. – Барнаул : Изд-во АГАУ, 2010. – 133 с.

93. Ивентьев, С. И. Духовно-нравственные права и свободы человека и гражданина [Текст] / С. И. Ивентьев // Дискуссия. – 2010. – № 2 (февраль). – С. 210–213.

94. Ивин А. А. Философия истории: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2000. –528с.

95. Ильин, И. А. Собрание сочинений [Текст] : в 10-и т. / И. А. Ильин. – Москва : Русская книга, 1993–1999. – Т. 1–Т. 10.

96. Ильин, И. А. Теория права и государства [Текст] / И. А. Ильин. – Москва : Зерцало, 2003. – 400 с.

97. Имамов, Э. З. Китайское право: единство традиций и законодательной нормы [Текст] / Э. З. Имамов // Проблемы Дальнего Востока. – 1989. – № 6. – С. 76–87.

98. Имамов, Э. З. К характеристике правосознания и права Китайской Народной Республики [Текст] / Э. З. Имамов // Советское государство и право. – 1988. – № 4. – С. 107–111.

99. Индуизм, Джайнизм, Сикхизм : Словарь [Текст] / под общ. ред. М. Ф. Альбедиль, А. М. Дубянского. – Москва : Республика, 1996. – 576 с.

100. Исайчева, Е. А. Римское право / Е. А. Исачева // Studfiles [Электронный ресурс]. – Москва : Аллель-2000, 2010. – Разд. 4. – Электрон. дан. – Режим доступа : https://studfiles.net:443/preview/2463925/. – Загл. с экрана.

101. Искакова, Г. К. Социокультурный контекст прав человека: диалог культур «Восток-Запад» // Современные проблемы сервиса и туризма (РГУТС, Черкизово). – 2008. – № 4. – С.36-41 // КиберЛенинка [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnyy-kontekst-prav-cheloveka-dialog-kultur-vostok-zapad-1. – Загл. с экрана..

102. История восточной философии [Текст] / ред. М. Т. Степанянц. – Москва : ИФРАН, 1998. – 121 с.

103. История китайской философии [Текст] / Шэнь Чжэн, Чжу Итин, У. Сюнъу [и др.] ; пер. с кит. – Москва : Прогресс, 1989. – Москва : Прогресс, 1989. – 551 с.

104. История политических и правовых учений [Текст] / под общ ред. О. В. Марьишина. – 3-е изд. – Москва : ООО Проспект, 2016. – 800 с.

105. История политических и правовых учений. Хрестоматия [Текст] / сост. и ред. Г. Г. Демиденко, Г. А. Борисов. – Белгород : [б.и.], 1999. – 1158 с.

106. История теоретической социологии. В 4-х т. / Отв. ред. и составитель Ю.Н. Давыдов. – М.: Канон; РХГИ, 1997 – 2000.

107. Кагиров Б. Н. Теоретико-методологические аспекты интеграции знаний об управлении. Дис. на соиск. … канд. филос. наук: 09.00.11. – Барнаул: АлтГУ, 2006. – 194 с.

108. Казначеев, В. П. Интеллект планеты как космический феномен [Текст] / В. П. Казначеев, А. В. Трофимов. – Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 1997. – 110 с.

109. Кант, И. Сочинения [Текст] : в 6 т. / под общ. ред. В. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. Ойзермана. – Москва : Мысль, 1963-1966. – Т. 1.–6.

110. Капицын, В. М. Права человека и механизмы их защиты [Текст] / В. М. Капицын. – Москва : ИКФ ЭКМОС, 2003. – 288 с.

111. Карташкин, В. А. Права человека: международная защита в условиях глобализации [Текст] / В. А. Карташкин. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2009. – 288 с.

112. Кашанина, Т. В. Происхождение государства и права. Современные трактовки и новые подходы [Текст] / Т. В. Кашанина. – Москва : Юристъ, 1999. – 333 с.

113. Керимов, Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права) [Текст] / Д. А. Керимов. – Москва : Аванта+, 2001. – 560 с.

114. Керимов, Д. А. Основы философии права [Текст] / Д. А. Керимов. – Москва : Манускрипт, 1992. – 189 с.

115. Киреевский, И. В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России [Текст] / И. В. Киреевский // Разум на пути к истине. – Москва : Правило веры, 2002. – С. 151–213.

116. Китайская Народная Республика: Конституция и законодательные акты [Текст]. – Москва : Прогресс, 1989. – 445 с.

117. Колер, И. Философия права и универсальная история права [Текст] / И. Колер ; пер. с нем. – Киев : Изд-во Н.Я. Оглоблина, 1913. – 152 с.

118. Колюжов, Ю. И. Знание в культурах человечества [Текст] / Ю. И. Колюжов. – Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2008. – 209 с.

119. Конфуцианство – духовное начало и экономическое процветание // jourclub.ru [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа : http://www.jourclub.ru/22/255/. – Загл. с экрана.

120. Косенко, Т. С. Введение в философию воспитания: социально-философский анализ [Текст] / Т. С. Косенко, Н. В. Наливайко. – Новосибирск : СО РАН, 2009. – 300 с.

121. Краснова, Н. Н. Вопросы семьи и детства с позиций эволюции прав человека к право-обязанному, свободо-ответственному поведению личности / Семья в XXI веке: проблемы и перспективы: сборник статей по материалам II Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Т. Г. Соболевой. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2019. – С.96-102.

122. Краснова, Н. Н. Глобальные трансформации прав человека и правовое образование // Профессиональное образование в современном мире. – 2018. – Т.8. – № 4. – С.2194-2201.

123. Краснова, Н. Н., Ушакова Е. В. Евразийская концепция и культура безопасности населения стран СНГ / Евразийская интеграция: проблемы и перспективы реализации / Сб. статей по мат-лам Всерос. науч.-практ. конф., ноябрь 2015 г. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2016. – С.31-41.

124. Краснова, Н. Н. Концепция прав и свобод человека: российско-евразийский и глобально-западный подходы [Текст] / Н. Н. Краснова // Евразийство: Теоретический потенциал и практические приложения : сб. науч. тр. по материалам всерос. науч.-практ. конф. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2014. – С. 202–209.

124.1. Краснова, Н. Н. Научно-философский анализ концепции прав человека в контексте идей глобализации и регионализации / Социальные процессы в современной Западной Сибири: сборник научных трудов. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. – Вып. 15. – 170 с. – С. 63-66.

125. Краснова, Н. Н. Особенности российского правового образования в контексте социокультурной эволюции человека // Science for Education Today / Вестник НГПУ. – 2019. – Т.9. №1. – С.188-206.

126. Краснова Н. Н. Права человека на разных уровнях общественной организации / Социальные процессы в современной Западной Сибири: сборник научных трудов. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2017. – Вып. 17. – С.89-91.

127. Краснова, Н. Н. Права человека: взаимосвязь глобальных и национально-государственных правовых процессов и позиций / Государство и право в эпоху глобальных перемен / Мат-лы междун. науч.-практ. конф. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2017. – С. 244-246.

128. Краснова, Н. Н. Применение системно-диалектического мировоззрения к анализу проблемы прав человека [Текст] / Н. Н. Краснова // Формирование системного мировоззрения современного человека : сб. ст. по материалам всерос. науч.-практ. конф. 2017 г. – Барнаул : АлтГПУ, 2017. – С. 54–57.

129. Краснова, Н. Н. Ноосферный социокультурный подход к концепции прав человека // Вестник Института развития ноосферы: Научно-практический журнал (Новосибирск). – 2019. – № 1(3). – С.40-71

130. Краснова, Н. Н. Образовательный аспект изучения прав человека с позиций философии и теории права [Текст] / Н. Н. Краснова // Профессиональное образование в современном мире. – 2017. – Т.7, № 3. – С. 1201–1207.

131. Краснова, Н. Н. Трансформация прав человека с позиции культуры, правового образования и обязанностей гражданина // Философия образования. – 2018.– №7. – Вып.4. – С.44-55.

132. Крашенинникова, Н. А. Индусское право: История и современность [Текст] / Н. А. Крашенинникова. – Москва : Изд-во МГУ, 1982. – 192 с.

133. Кузнецов, Э. В. Философия права в России [Текст] / Э. В. Кузнецова. – Москва : Юрид. лит-ра, 1989. – 208 с.

134. Кулипанова Н. В., Наливайко Н. В., Орлова Н. П., Ушакова Е. В. Многообразие современных социальных систем и стратегий глобализирующегося образования // Философия образования. №5. 2012. – С. 180–187.

135. Кулипанова Н. В., Орлова Н. П., Ушакова Е. В., Паршиков В. И., Наливайко Н. В. Философия права и философия образования: познавательно-практические аспекты взаимодействия // Профессиональное образование в современном мире. – 2011. – № 3. – С.16-25.

136. Культура (В.С. Степин) / Новая философская энциклопедия. В 4-х т. – Т.2. – М.: Мысль, 2001. – С.341.

137. Культурология. XX век. / Гл. ред. и сост. С.Я. Левит. – СПб: Алетейя / Университетская книга, 1998. – 894 с. : [Электронный ресурс; доступ свободный] / http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Dict_Index.php

138. Куманин Е. В. Китайское право в условиях реформ // Сов. государство и право. 1988. № 9; Куманин, Е. В. Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики :Автореф. на соиск. ... докт. юрид. наук: 12.00.01 -/Академия наук СССР. Институт государства и права. - М.: ИГП АН СССР, 1991. – 52 с.

139. Куркин Б. А., Искевич И. С. Универсалистское и цивилизационное понимание прав человека в современной правовой доктрине // Право: история и современность. – 2019. – №2.– С.102-111.

140. Куценков, А. А. Эволюция индийской касты [Текст] / А. А. Куценков. – Москва : Наука, 1983. – 327 с.

141. Кычанов, Е. И. Основы средневекового китайского права [Текст] / Е. И. Кычанов. – Москва : Наука, 1986. – 264 с.

142. Ласло, Э. Макросдвиг (К устойчивости мира курсом перемен) [Текст] / Э. Ласло ; предисл. Артура Ч. Кларка. – Москва, 2002. – 150 с.

143. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. – М.: Зерцало-М, 2015. – 352 с.

144. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений [Текст] : в 55-и т. / В. И. Ленин. – 5-е изд. – Москва, 1969–1970. – Т. 25–39.

145. Лукашева, Е. А. XXI век: Падение ценности прав человека [Текст] / Е. А. Лукашева // Права человека в современном мире: новые вызовы и трудные решения / отв. ред. Т. А. Сошникова. – Москва : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2014. – С. 29–35.

146. Лукашева, Е. А. Права человека в контексте конфликта культур [Текст] / Е. А. Лукашева // Вестник РАН. – 2007. – Т.77, № 2. – С. 115–120.

147. Лукашева, Е. А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение [Текст] / Е. А. Лукашева. – Москва : Норма, 2009. – 384 с.

148. Лукич, Р. Методология права [Текст] / Р. Лукич ; под ред. Д. А. Керимова. – Москва : Прогресс, 1981. – 304 с.

149. Макогон, Б. В. Процессы глобализации в современном праве и их проявление в российском законодательстве [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук / Б. В. Макогон. – Москва, 2007. – 162 с.

150. Малахов, В. П. Мифы современной общеправовой теории [Текст] / В. П. Малахов. – Москва : Юнити-Дана, 2013. – 152 с.

151. Малевич, Ю. И. Права человека в глобальном мире [Текст] / Ю. И. Малевич. – Москва : АСТ, 2004. – 368 с.

152. Малинова, О. Ю. Три поколения прав человека [Текст] / О. Ю. Малинова // Пчела. – 2003. – № 43. – С. 29–32.

153. Малько А. В., Матузов Н. И., Синюков В. Н., Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. – Екатеринбург: Наука, 1993. – 192 с.

154. Малявин, В. В. Китайская цивилизация [Текст] / В. В. Малявин. – Москва : АСТ, 2001. – 632 с.

155. Маркс, К. Сочинения [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Москва : Политиздат. – Т. 7–42.

156. Марченко, М. Н. Государство и право в условиях глобализации [Текст] / М. Н. Марченко. – Москва : Проспект, 2011. – 399 с.

157. Материалистическая диалектика как общая теория развития. Проблема развития в соврем. науках [Текст] / под общ. ред. Л. Ф. Ильичева. – Москва : Наука, 1983. – 477 с.

158. Материалистическая диалектика [Текст]. В 5 т. / общ. ред. Ф. В. Константинов, В. Г. Марахов. – Москва : Мысль, 1981-1985. – Т. 1–5.

159. Марченко М. Н., Мачин И. Ф. История политических и правовых учений: учеб. пособие. – М.: Проспект, 2009. – 240 с.

160. Матузов, Н. И. Теория государства и права [Текст] : учеб. / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – Москва : Юристъ, 2004. – 512 с.

161. Меркушев, В. Н. Права человека в контексте культурных различий (Сравнительный анализ современных политологических концепций) [Текст] : дис. ... канд. полит. наук / В. Н. Меркушев. – Екатеринбург, 2004. – 153 с.

162. Мингазов, Л. Х. Универсализм прав человека и культурное многообразие мира [Текст] / Л. Х. Мингазов // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2008. – Т. 150, Кн. 5. Гуманитарные науки. – С. 61–72.

163. Миронов, В. В. Размышления о реформе российского образования / В. В. Миронов. – Москва : Издатель Воробьёв А. В., 2011. – 64 с.

164. Мовчан, А. П. Права человека и международные отношения [Текст] / А. П. Мовчан. – Москва : Наука, 1982. – 275 с.

165. Мозолин, Б. П. Личность, право, экономика современной Индии [Текст] / Б. П. Мозолин. – Москва : Наука, 1979. – 232 с.

166. Моисеев, Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ [Текст] / Н. Н. Моисеев // Вопросы философии. – 1995. – № 1. – С. 3–30.

167. Моисеева, Е. Юридическое образование в России: анализ количественных данных [Текст] : аналитический обзор / Е. Моисеева. – Санкт-Петербург : ИПП Европ. Ун-т в СПб, 2015. – 20 с.

168. Мощелков, Е. Н. Переходные процессы в России. Опыт ретроспективно-компаратив. анализа социальной и политической динамики [Текст] / Е. Н. Мощелков. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 150 с.

169. Мюллерсон, Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальности [Текст] / Р. А. Мюллерсон. – Москва : Юридическая литература, 1991. – 160 с.

170. Наливайко, Н. В. Профессиональное образование в современном мире: концептуальное осмысление тенденций развития [Текст] / Н. В. Наливайко, В. И. Паршиков // Профессиональное образование в современном мире. – 2011. – № 1. – С. 4–10.

171. Наливайко, Н. В. Философия образования как объект комплексного исследования [Текст] / Н. В. Наливайко, В. И. Паршиков. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2002. – 192 с.

172. Наливайко, Н. В. Глобальный антропный кризис и ключевая роль образования в судьбах мира [Текст] / Н. В. Наливайко, П. В. Ушаков, Е. В. Ушакова // Философия образования. – 2016. – № 5. – С. 15–33.

173. Наумов А.Ю. Аксиологический базис общества (социально-философский очерк) / Р.Ю. Наумов, В.И. Паршиков, Е.В. Ушакова. – Новосибирск: НГАУ, 2020. – 232 с.

174. Наш трудный путь к праву [Текст] : материалы философско-правовых чтений памяти акад. В. С. Нерсесянца / сост. В. Г. Графский. – Москва : Норма, 2006. – 416 с.

175. Неказаков В.Я. Конституционные права и свободы человека и гражданина в XXI веке: проблемы теории и правоприменительной практики. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2014. – 320 с.

176. Нерсесянц, В. С. Общая теория права и государства [Текст]. Москва : Издат. группа НОРМА–ИНФРА-М, 1999. – 552 с.

177. Нерсесянц, В. С. Философия права [Текст] / В. С. Нерсесянц. – Москва : НОРМА ; Инфра-М, 2001. – 652 с.

178. Нерсесянц, В. С. Философия права Гегеля: История и современность [Текст] / В. С. Нерсесянц. – Москва : Юристъ, 1998. – 352 с.

179. Нерсесянц, В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция [Текст] / В. С. Нерсесянц // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 3–15.

180. Никитенко, В. Н. Профессиональное образование и национальные интересы России [Текст] / В. Н. Никитенко // Профессиональное образование в современном мире. – 2015. – № 1. – С. 66–77.

181. Новая философская энциклопедия / Науч.-ред. совет: В. С. Стёпин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, А. П. Огурцов. – Т. 1-4. – 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010. – 2816 с. – URL: https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=41

182. Новгородцев, П. И. История философии права [Текст] / П. И. Новгородцев Сочинения / пер. с нем. А. К. Судакова ; сост. М. А. Колерова. – Москва : Раритет, 1995. – 448 с.

183. О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья / Труды Н. А. Бердяева, Б. П. Вышеславцева, В. В. Зеньковского,

го, П. А. Сорокина, Г. П. Федотова, Г. В. Флоровского. – М.: Наука, 1990. – 528 с.

184. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов государственной власти: учебник. Барбин В.В. и др. – М.: Академия управление МВД России, 2020. – 320 с.
185. Общая теория прав человека [Текст] : сб. науч. ст. / отв. ред. Е. А. Лукашева. – Москва : НОРМА, 1996. – 520 с.
186. Общество и государство в Китае [Текст] : сб. науч. ст. / отв. ред. Л. П. Делюсин. – Москва : Наука, 1984. – 282 с.
187. Омельченко, О. Всеобщая история государства и права [Текст]. В 2-х Т. / О. Омельченко. – 3-е изд. – Москва : ТОН-Остожье, 2000. – Т. 1–2.
188. Осипчук, С. Ю. Проблемы прав и свобод в КНР: Историко-политологический анализ [Текст] : дис. ... канд. полит. наук / С. Ю. Осипчук. – Владивосток, 2001. – 204 с.
189. Осмысление глобального мира [Текст] : кол. монография / отв. ред. Ю. Н. Москвич. – Красноярск : Изд-во «Литера-Принт», 2007. – Вып. 1. – 187 с.
190. Панарин, А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке [Текст] / А. С. Панарин. – Москва : Алгоритм, 2004. – 636 с.
191. Пантин, В. И. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века [Текст] / В. И. Пантин, В. В. Лапкин. – Дубна : Феникс+, 2006. – 448 с.
192. Паршиков В. И., Табакаев Ю. В., Краснова Н. Н., Кузьменко К. А. Системно-диалектический анализ отношений человека и общества в условиях переходности с позиций образования, права и управления // Профессиональное образование в современном мире. – 2017. – Т.2. – № 4.
193. Паршиков В. И., Табакаев Ю. В., Краснова Н. Н., Кузьменко К. А. Трансформация права и прав человека в обществе и в юридическом образовании // Профессиональное образование в современном мире. – 2017. – Т.2. – № 3. – 1156-1162.
194. Пащенко, В. Я. Идеология евразийства [Текст] / В. Я. Пащенко. – Москва : Изд-во МГУ, 2000. – 381 с.

195. Пиголкин, А. С. Российское законодательство: развитие и совершенствование [Текст] / А. С. Пиголкин. – Москва : Бек, 1996. – 144 с.

196. Политическая мысль второй половины XX века [Текст] : хрестоматия по политологии / сост. В. А.Мальцев. – Пермь : Звезда, 1999. – 586 с.

197. Права человека в истории человечества и в современном мире / Ред. кол. Е. В. Аграновская, О. А. Липинь, Е. А. Лукашева М.: ИГПАН СССР, 1989. – 294 с.

198. /Права человека и государственно-правовое развитие [Текст] / отв. ред. А. Г. Лисицын-Светланов. – Москва : Ин-т государства и права РАН, 2007. – 365 с.

199. Права человека и процессы глобализации современного мира [Текст] / М. М. Бринчук, Н. А. Воронина, В. А. Карташкин [и др.] ; отв. ред. Е. А. Лукашева. – Москва : Норма, 2005. – 464 с.

200. Права человека: Итоги века, тенденции, перспективы [Текст] / под общ. ред. Е. А. Лукашевой. – Москва : Норма, 2002. – 448 с.

201. Права человека [Текст] : энциклопедический словарь / отв. ред. С. С. Алексеев. – Москва : Инфра-М, 2016. – 656 с.

202. Проблемы общей теории права и государства [Текст] / под ред. В. С. Нерсесянца. – Москва : Норма, 2004. – 832 с.

203. Прокопьева, О. В. Проблемы переходного государства: Теоретический анализ [Текст] : дис. … канд. юрид. наук / О. В. Прокопьева. – Казань, 2005. – 178 с.

204. Пфаненштиль, И. А. Глобализация: проблемы и перспективы [Текст] / И. А. Пфаненщтиль. – Красноярск : ИПЦ КГТУ, 2006. – 484 с.

205. Рассел, Б. История западной философии [Текст] : в 3 кн. / Б. Рассел. – 3-е изд. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 2001. – 992 с.

206. Реале, Дж. Западная философия от истоков до наших дней [Текст] / Дж. Реале, Д. Антисери ; пер. с итал. С. Мальцевой ; науч. ред. Э. Соколов. – Санкт-Петербург : Петрополис, 1994. – 336 с.

207. Римашевская, Н. М. К вопросу о проблемах переходности и правопонимания в контексте формирования правового государства в современной России [Текст] / Н. М. Римашевская // История государства и права. – 2003. – № 6. – С. 12–13.

208. Российская цивилизация / под ред. М. П. Мчедлова. – Москва : Академический проект, 2003. – 656 с.

209. Российская юридическая наука: состояние, проблемы, перспективы [Текст] : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 45-летию юрид. образования на Алтае, Барнаул, 19-20 сент. 2008 г. / АлтГУ ; редкол. В. Я. Музюкин, Е. С. Аничкин. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2008. – 467 с.

210. Русская идея [Текст] : Антология / сост. М. А. Маслин. – Москва : Республика, 1992. – 496 с.

211. Русская философия [Текст] : словарь / под ред. М. А. Маслина. – Москва : Республика, 1995. – 655 с.

212. Русская философия права: философия веры и нравственности [Текст] : Антология / А. П. Альбов, Д. В. Масленников, А. И. Числов [и др.]. – Санкт-Петербург : Алетейя, 1997. – 398 с.

213. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. Трактаты [Текст] / Ж.-Ж. Руссо ; пер. с франц. А. Д. Хаютина, В. С. Алексеева-Попова. – Москва : КАНОН-Пресс, 1998. – 416 с.

214. Рыбаков, О. Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности [Текст] / О. Ю. Рыбаков. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. – 352 с.

215. Саидов, А. Х. Международное право прав человека [Текст] / А. Х. Саидов ; отв. ред. Б. Н. Топорнин. – Москва : МЗ Пресс, 2002. – 208 с.

216. Саидов, А. Х. Сравнительное правоведение и юридическая география мира [Текст] / А. Х. Саидов. – Москва : Изд-во ИГиП РАН, 1993. – 148 с.

217. Семитко, А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс [Текст] / А. П. Семитко. – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного университета, 1996. – 288 с.

218. Сетницкий Николай Александрович (биографический очерк из «Антологии Русский космизма» // Николай Федорович Федоров [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа : http://nffedorov.ru/wiki/Сетницкий_Николай_Александрович_(биографический_очерк_из_«Антологии_русского_космизма»). – Загл. с экрана.

219. Словарь философских терминов [Текст] / науч. ред. В. Г. Кузнецова. – Москва : ИНФРА-М, 2004. – 730 с.

220. Словарь-справочник по правам человека. Основные понятия и институты [Текст] / гл. ред. С. С. Алексеев. – Москва : Права человека, 2006. – 468 с.

221. Современное право Китайской Народной Республики [Текст] / Н. Х. Ахметшин, О. Боучек, В. Влах [и др.] ; под общ. ред. Л. М. Гудошников, Л. Кржижковский. – Москва : Наука, 1985. – 206 с.

222. Соловьев, В. С. Собрание Сочинений [Текст]. В 10 т. Т. 1 / В. С. Соловьев. – 2-е. изд. – Санкт-Петербург : Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1911. – 409 с.

223. Сорокин, В. В. Правосознание в переходный период общественного развития [Текст] / В. В. Сорокин // Журнал российского права. – 2002. – № 10. – С. 59–70.

224. Сорокин, В. В. Юридическая глобалистика. 2-е изд. [Текст] / В. В. Сорокин. – Новосибирск : НГТУ, 2011. – 916 с.

225. СССР и принятие Всеобщей декларации прав человека // Институт прав челов е-ка [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа : http://www.hrights.ru/text/b11/Chapter5.htm. – Загл. с экрана.

226. Сравнительное изучение цивилизаций [Текст] : хрестоматия : учеб. пособие для студентов вузов / сост., ред. Б. С. Ерасов. – Москва : Аспект Пресс, 1998. – 556 с.

227. Степин, В. С. Теоретическое знание [Текст] / В. С. Степин. – Москва : Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.

228. Субетто, А. И. Социогенетика: Системогенетика, общественный интеллект, о б-разовательная генетика и мировое развитие (интегративный синтез) [Текст] / А. И. Суббето // Ноосферизм : сочинения. В 13 т. Т. 5, Ч. 3 / под ред. Л. И. Зеленова. – Кострома, 2007. – С. 99–268.

229. Супатаев, М. А. К проблематике цивилизационного подхода к праву (очерки общей теории и практики) [Текст] / М. А. Супатаев. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 144 с.

230. Супатаев, М. А. О постижении и познании правовых явлений. Становление ц и-вилизационного подхода к праву [Текст] / М. А. Супатаев // Труды Института государства и права РАН. – 2016. – №1. – С. 90–120.

231. Супатаев, М. А. Право и модернизационные стратегии в Китае. Цивилизационное измерение // Северо-Кавказский юридический вестник. 2011. №1. – С. 7-15.

232. Табакаев, Ю. В. Актуализация комплексной методологии в философии права, конституционном законодательстве и в правовом образовании [Текст] / Ю. В. Табакаев, Н. Н. Краснова, К. А. Кузьменко // Профессиональное образование в современном мире. – 2017. – Т. 7, № 2. – С. 985–990.

233. Табакаев, Ю. В. Системный подход к праву и правовой безопасности в правоведении [Текст] / Ю. В. Табакаев, Н. Н. Краснова, К. А. Кузьменко // Формирование системного мировоззрения современного человека : сб. ст. по материалам всерос. науч.-практ. конф., 2017 г. – Барнаул : АлтГПУ, 2017. – С. 36–42.

234. Табакаев, Ю. В. Социально-философский анализ современных проблем взаимодействия глобального, государственного управления и права: образовательный аспект [Текст] / Ю. В. Табакаев, Н. Н. Краснова, К. А. Кузьменко // Философия образования. – 2017. – № 4. – С. 39–47.

235. Тарасов, О. Н. Государство и право в переходный период: роль в становлении новой экономики [Текст] / О. Н. Тарасов. – Москва : АСТД, 2009. – 62 с.

236. Тарасова, Е. И. Онтогенез и филогенез в концепциях жизни (философско-методологический анализ) [Текст] / Е. И. Тарасова, Е. В. Ушакова. – Saarbrucken, Deutschland : Издательский дом LAP Lambert Academic Publishing, 2013. – 159 с.

237. Тейлор, Э. Первобытная культура [Текст] / Э. Тейлор. – Москва : Политиздат, 1989. – 572 с.

238. Теория государства и права / Венгеров А. Б. / Гл. 21 / Право и личность. – М.: ЮРИСТ, 2000 . – 528 с.

239. Теория государства и права [Текст] / под ред. М. Н. Марченко. – Москва : Юрист, 2001. – 776 с.

240. Теория государства и права [Текст] / под ред. А. С. Пиголкина. – Москва : Городец, 2003. – 544 с.

241. Теория общественного договора Т. Гоббса // Studme.org [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа :

https://studme.org/56377/sotsiologiya/teoriya_obschestvennogo_dogovora_gobbsa. – Загл. с экрана.

242. Тимошкина, И. В. Социально-философский анализ права с позиций аксиологии [Текст] : дис. … канд. филос. наук / И. В. Тимошкина. – Барнаул, 2004. – 172 с.

243. Туманова, А. С., Киселев, Р. В. Права человека в правовой мысли и законотворчестве Российской империи второй половины XIX – начала XX века [Текст]. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 279 с.

244. Тхакахов, А. М. Обеспечение прав человека в современном мире [Текст] / А. М. Тхакахов. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2010. – 196 с.

245. Ульянищев, П. В. Правозащитная деятельность в республике Индия / П. В. Ульянищев // Правозащитник [Электронный ресурс]. – 2014. – № 1. – Электрон. дан. – Режим доступа : http://pravozashitnik.net/ru/2014/1/1. – Загл. с экрана.

246. Урсул, А. Д. Эволюция. Космос. Человек [Текст] / А. Д. Урсул, Т. А. Урсул. – Кишинев : Штиинца, 1986. – 266 с.

247. Уткин, А. И. Мировой порядок XXI века [Текст] / А. И. Уткин. – Москва : ЭКСМО, Алгоритм, 2002. – 513 с.

248. Ушакова, Е. В. Парциальность и холизм в современных науке и образовании [Текст] / Е. В. Ушакова // Философия образования. – 2008. – № 3. – С. 41–48.

249. Ушакова, Е. В. Системная философия и системно-философская научная картина мира на рубеже третьего тысячелетия [Текст] / Е. В. Ушакова. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. – Ч. 1–2.

250. Ушакова, Е. В. Структурно-организационный подход к анализу евразийства [Текст] / Е. В. Ушакова // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения : материалы четвертой междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С. 76–85.

251. Ушакова Е. В., Наумов Р. Ю., Паршиков В. И. Анализ проблем социосферы на пути реализации стратегии ноосферы // Вестник Института развития ноосферы: научно-практический журнал. – 2020. – №1 (12). – С.23-174.

252. Философия права // Электронная библиотека Института философии РАН [Электронный ресурс]. – Москва, 2010. – Электрон. дан. – Режим доступа : http://iph.ras.ru/elib/3222.html. – Загл. с экрана.

253. Философия права / Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН и др. – М.: Мысль, 2010 / Интернет-версия издания : [Электронный ресурс; доступ свободный] / http://iph.ras.ru/elib/3222.html

254. Философия права [Текст] / О. Г. Данильян, Л. Д. Байрачная, С. И. Максимов [и др.] ; под ред. О. Г. Данильяна. – Москва : Эксмо, 2005. – 416 с.

255. Философский энциклопедический словарь [Текст] / ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. – Москва : ИНФРА-М, 2005. – 576 с.

256. Философы России XIX-XX столетий. Биографии, идеи, труды / П. В. Алексеев. – М.: Академический Проект, 2002. – 1152 с.

257. Формация или цивилизация?: материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 1989. – № 10. – С. 34-59.

258. Франк, С. Л. Духовные основы общества [Текст] / С. Л. Франк. – Москва : Республика, 1992. – 510 с.

259. Халев, В. В. Переходность в системе социально-природного существования: философско-методологический анализ [Текст] / В. В. Халев, В. И. Паршиков, Е. В. Ушакова. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2014. – 232 с.

260. Халиков, А. Г. Краткое изложение истории прав человека [Текст] / А. Г. Халиков. – Душанбе : Маориф ва фарханг, 2007. – 97 с.

261. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций [Текст] / С. Хантингтон. – Москва: АСТ, 2015. – 576 с.

262. Хомяков, А. С. Полное собрание сочинений. В 8 т. Т. 1. : Мнение иностранцев о России. Мнение Русских об иностранцах [Текст] / А. С. Хомяков. – Москва : Изд-во : Университетская типография, 1900. – 102 с.

263. Цунэо, И. Право и политика современного Китая, 1949–1975 [Текст] / И. Цунэо. – Москва : Прогресс, 1978. – 294 с.

264. Чебоксаров, Н. Н. Народы. Расы. Культуры [Текст] / Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. – Москва : Наука, 1985. – 272 с.

265. Черданцев, А. Ф. Толкование права и договора [Текст] / А. Ф. Черданцев. – Москва : Юрист, 2003. – 381 с.

266. Чернавин, Ю. А. Философия права в современных условиях: проблема статуса в науке и учебном процессе [Текст] / Ю. А. Чернавин // Вестник Московского

государственного областного университета. Сер. : Философские науки. – 2012. – № 1. – С. 48–54.

267. Чиркин, В. Е. Формационно-цивилизационный подход в сравнительном правоведении [Текст] / В. Е. Чиркин // Государство и право. – 2015. – № 4. – С. 22–27.
268. Чичерин, Б. Н. Философия права [Текст] / Б. Н. Чичерин. – Москва : Изд-во Типолитографии Кушнеров и К.,1900. – 341 с.
269. Чумаков, А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира [Текст] / А. Н. Чумаков. – 3-е изд. – Москва : Проспект, 2016. – 525 с.
270. Чумаков, А. Н. Метафизика глобализации: Культурно-цивилизационный контекст [Текст] / А. Н. Чумаков. – 2-е изд. – Москва : Проспект, 2016. – 468 с.
271. Чуринов Н. М. Совершенство и свобода: Философские очерки. 2-е изд. – Красноярск: СИБУП, 2003. – 515 с.
272. Шевцов, В. С. Права человека и государство в Российской Федерации [Текст] / В. С. Шевцов. – Москва : ООО «Профобразование», 2002. – 438 с.
273. Ширева И. В. Механизмы защиты прав человека в рамках Организации Объединенных Наций и в ее специализированных учреждениях. дис. на соиск. … канд. юрид. наук: 12.00.10. – М.: РУДН, 2013. – 216 с.
274. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства [Текст] / Ф. Энгельс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва : Гос. изд-во полит. лит., 1961 . – Т. 21. – С. 23–33.
275. Юдин, Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность [Текст] / Э. Г. Юдин. – Москва : Эдиториал УРСС, 1997. – 444 с.
276. Юридическое образование // Академик [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа : http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/155202/Юридическое. – Загл. с экрана.
277. Явич, Л. С. Сущность права. Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений [Текст] / Л. С. Явич. – Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. – 207 с.
278. Яковец, Ю. В. Ритмы смены цивилизаций и исторические судьбы России [Текст] / Ю. В. Яковец. – Москва : [б.и], 1994. – 144 с.

279. Яценко, М. П. Глобализация как форма организации исторического процесса: сущность и проблемы [Текст] / М. П. Яценко // Профессиональное образование в современном мире. – 2011. – № 1. – С. 53–59.

280. Arpely, N. Moral Worth [Text] / N. Arpely // The journal of philosophy. International edition. – 2002. – Vol. 1109. – P. 223–245.

281. Bassin, M. Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space [Text] / M. Bassin // Slavic Review. – 1991. – № 50. – P. 1–17.

282. Bock, P. K. Continuities in Psychological Antropology: A Historical Introduction [Text] / P. K. Bock. – New York : Basic Books, 1988. – 165 p.

283. Comparative Politics Today: A World View [Text] / ed. by G. Almond, G. Powell. – New York : HarperCollins, 1996. – 601 p.

284. Comparative Politics: Notes and Readings [Text] / ed. by B. Brown, R. Macridis. – Belmont : Dorsey Press, 1996. – 432 p.

285. Krasnova, N. N. Variative relations between power and education in the modern world [Text] / N. N. Krasnova, N. V. Nalivayko, E. V. Ushakova // Philosophy of Education. – 2014. – № 7. – P. 72–78.

286. Mainzer, K. Thinking in Complexity: The complex dynamic of matter, mind and mankind [Text] / K. Mainzer. – Berlin : Springer, 1997. – 534 p.

287. Marcia, A. W. Political Participation and Party Formation in Russia, 1985–1992 : Institutionalizaing Democracy? [Text] / A. W. Marcia // The Russian Review. – 1994. Vol. 53. – № 2. – P. 240–270.